61:04-7/983

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

На правах рукописи

Куренная Ирина Григорьевна

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(вторая половина XVII – начало XX вв.)

Специальность 07 00 02 – «Отечественная история»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
профессор М.В. Константинов

Чита
2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение..... 4

Глава 1. Источниковедение и историография сфрагистики и геральдики

1.1. Источники исследования..... 17

1.2. Отражение проблемы изучения общероссийской и восточносибирской сфрагистики и геральдики..... 24

Глава 2. Территориальная сфрагистика середины XVII – конца XVIII вв.

2.1. Правительственные акты и их роль в формировании и развитии территориальной сфрагистики 40

2.2. Сфрагистический материал Нерчинского воеводства (1655 – 1783 гг.).. 53

2.3. Печати Мангазеи, Енисейска, Красноярска, Илимска, Якутска, Иркутска, Нерчинска, Албазина, Сибирской губернии..... 74

2.4. Генезис и обоснование символов территориальных печатей..... 95

Глава 3. Территориальная символика конца XVII – второй половины XIX вв.

3.1. Генезис, основные признаки и эволюция зооморфного символа (орел) в печатях и гербе г. Нерчинска (1790 г.)..... 111

3.2. Генезис, основные признаки и эволюция зооморфного символа (бабр-тигр) в печатях и гербах г. Иркутска (1790 г.) и Иркутской губернии (1878 г.)..... 120

3.3. Герботворчество городов Иркутской губернии (1777 г.), Тобольского наместничества (1785 г.), Иркутского наместничества (1790 г.), Енисейской губернии (1851 г., 1878 г.)..... 139

Глава 4. Территориальная символика Забайкальской области второй половины XIX – начала XX вв.

4.1. Отражение практики западноевропейского герботворчества в гербе Забайкальской области (1859 г.)..... 163

4.2. Хроника законодательных мер в утверждении герба областного города Читы (1859 г., 1913 г.)..... 173

4.3. К вопросу о символике герба Кяхтинского градоначальства (1861 г.) и «вольной части» в проектах гербов городов Верхнеудинска, Нерчинска, Селенгинска и Мысовска Забайкальской области (1872 г.)..... 185

Заключение..... 192

Список сокращений..... 200

Список использованных источников и литературы..... 205

Приложение..... 222

Введение

Символика и ее составляющие – сфрагистика (сигиллография – лат. sigillum – печать), геральдика, вексиллология – являются важным и своеобразным пластом культуры российского народа, предметом анализа отечественной исторической науки. Изучение истории возникновения, существования и возрождения символики Восточной Сибири дает возможность определить роль городских печатей и земельных гербов в историческом процессе восточных окраин России.

С конца XVI в. сибирская территория является преемником Руси в привнесении и сохранении национальных традиций. Безостановочному продвижению русских на восток сопутствовало строительство фортификационных сооружений, позднее трансформировавшихся в остроги и «государевы» города. Тогда же были заложены основы городской жизни с русским бытовым и культурным укладами. Молодой сибирский город явился в первую очередь государственным транзитным звеном налоговой системы России (центром ясачного сбора) и сферы торгово-экономических отношений. Именно это обстоятельство явилось отправной точкой, того, что в Сибири практически для каждого, вновь учрежденного административного центра, наблюдается возникновение территориальных печатей с индивидуальной символикой, своего рода его «визитной карточкой». В целом символические изображения отдаленной эпохи имеют большое значение как источник познания многих сторон и процессов истории Отечества.

«В то же время, как сфрагистика составляет часть всеобщей международной культурной истории, геральдика, или учение о гербах, принадлежит к более ограниченной области христианской культуры, исключительно европейских народов» [Арсеньев, 1908, с. 2]. Можно согласиться с мнением историка, что гербы являются продуктом европейской средневековой культуры, в тоже время в российской территориальной геральдике нельзя отрицать государственную идеологию, самобытность и

национальные корни ее образов. Тем очевиднее необходимость изучения символики русских городов Восточной Сибири.

В связи с тем что печати носят вспомогательную функцию, сфрагистика (изучение печатей), является вспомогательной исторической дисциплиной. В то же время сибирский сфрагистический материал сам является ценным источником, неотъемлемой частью актового источниковедения. Его историческая канва органично вписана в контекст истории первых русских сибирских острогов и городов. Свидетельство этому – сохранившиеся печати Нерчинского воеводства XVIII столетия в фондах Государственного архива Читинской области (далее ГАЧО) и материал русской сибирской сфрагистики в фондах Российского государственного архива древних актов (далее РГАДА), Санкт-Петербургского филиала Российской Академии Наук (далее ПФ РАН) и других архивах. В большинстве случаев сведения об имеющихся печатях на грамотах даются в самих актах. Изображения и «вырезки по окружности» (надписи по окружности) матриц печатей имеют практическое значение, содержат огромный познавательный материал, способный прояснить тот или иной исторический факт и дать начало новым исследованиям.

Геральдика – дисциплина, лежащая в основе знаково-образной системы, она имеет тесную связь с сфрагистикой. Старинная печать и старинный герб – специфические исторические источники. Изучение печатей важно в связи с историей изучения ее территориальных геральдических эмблем прошлых столетий. Некоторые восточносибирские территориальные гербы XVII – XIX вв. получили свое рождение из символики старинных печатей русских городов. В то же время во второй половине XIX в. изображения территориальных гербов явились непременным условием создания губернских, областных, городских и других территориальных государственных печатей. В дореволюционной и советской исторической литературе определение герба наблюдается у ряда авторов [А.Б. Лакиер, Ю.В. Арсеньев, В.К. Лукомский, П.П. Винклер, Е.И. Каменцева]. По

определению П.П. Винклера гербом называют: «символическое изображение, составленное на основании точных законов и утвержденное верховной властью» [1900, с. 2]. Но эта формулировка не полная, поскольку «точность» геральдических законов относительна. Среди различных понятийных моментов наше внимание фиксируется на определении: «герб как особый знак, а именно опознавательно-правовой, конвенциональный, составленный по определенным правилам, фиксированный верховной властью» [Соболева, 1981, с. 15]. Гербы Восточной Сибири воспринимаются человеческим сознанием как символы определенного региона или города, т. е. символы самого Отечества. Сибирская геральдика, как и геральдика общероссийская, имеет важное значение в историческом прошлом городов как административно-территориальных единиц, их статуса и уровня политического, экономического и культурного развития. Кроме того, это категория эстетическая, соответствующая представлениям о прекрасном,

Указанная тема ставит ряд вопросов: имеется ли в регионах Восточной Сибири своя история символики? Каков ее генезис, характер, эволюция и особенности? Имеет ли она значение атрибута государственной власти определенной территории и юридическую силу? Как создавались и утверждались сфрагистические и геральдические эмблемы территорий? Кто принимал участие в их создании, и было ли создание официальной символики конкретных регионов государственной политикой России? Как влияла эпоха на создание и судьбу той или иной геральдической эмблемы? Как расшифровываются геральдические символы? Отражали ли они традиции и особенности земельных территорий и являются ли историческими памятниками?

Цель исследования заключается в изучении истории возникновения и существования символики Восточной Сибири, в практическом значении (придание статуса исторических памятников образцам сфрагистики и геральдики) и аналитическом обобщении материалов. Для достижения этого необходимо решение ряда **задач**:

- характеристика сфрагистического и геральдического материала XVII – XIX столетий.
- поиск генезиса символических образов, их дешифровка, определение роли печатей и гербов в общеисторическом процессе региона, закономерностей возникновения территориальной символики XVII – XIX вв.
- установление места исторической символики в государственной политике России и местном самоуправлении.

Объектом исследования являются процессы исторического развития территории Восточной Сибири середины XVII – начала XX вв.

Предметом исследования является сфера государственной территориальной символики как отражение политических и хозяйственных процессов Восточной Сибири и вместе с тем, как относительно самостоятельное явление, имеющее свою логику внутреннего развития.

Актуальность темы определяется необходимостью введения в научный оборот важных исторических источников, а также многочисленных фактов истории символики Восточной Сибири, которые до настоящего времени оставались неизученными.

Старинные печати и гербы Восточной Сибири играли определенную роль как символы местного управления и государственной власти на местах. Их изучение важно потому, что именно в Сибири наблюдается возникновение городских печатей с индивидуальной для каждого города эмблематикой. Наряду с этим старинные печати и гербы фактически являются памятниками истории и культуры, отражающими исторические, экономические и территориальные особенности определенной территории. Изучение истории сибирской символики невозможно без изучения истории общественно-политических процессов в разные периоды существования российского государства. Необходимым и актуальным в условиях возрождающегося отечественного гербоведения видится поиск духовных, национальных корней в символах сибирских городов. Исследуемый материал может послужить базой герботворчества восточносибирского региона, а

исторические образы сыграть важную роль в социокультурном аспекте современного общества. В то же время ряд вопросов, посвященных дешифровке старинной символики сфрагистического материала Восточной Сибири, атрибутированию печатей, их физического состояния, истории возникновения гербов и других фактов, однозначного решения не получили.

Актуализация изучения сфрагистики и герботворчества Восточной Сибири возрастает в связи с активным использованием в реалиях современной России исторической символики, которая – и как дело государственного уровня, и как явление социальное, и как сфера политической культуры, и как область эстетического – привлекает к себе повышенное внимание. Гербы и флаги субъектов Российской Федерации являются практически непременной атрибутикой государственности. Внутри субъектов Российской Федерации начинает активно создаваться символика муниципальных образований. В связи с этим в ряде муниципальных образований России и Сибири созданы геральдические комиссии при главах администраций. За период 2002 – 2003 гг. при поддержке аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе (г. Новосибирск) прошли научные конференции и слеты геральдистов Сибири, посвященные созданию и использованию территориальной и муниципальной символики, упорядочению процесса герботворчества в соответствии с требованиями Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации.

Возрождающаяся региональная символика государства является в настоящее время естественным и закономерным завершением процесса образования новой многонациональной России, реминисценцией ее национально-государственной символики. Актуальным представляется комплексное изучение истории сибирской символики в свете правительственных нормативных актов – Федеральных Законов «О государственном гимне Российской Федерации» (22. 03. 2001), «О государственном гербе Российской Федерации» (09. 07. 2002), «О

государственном флаге Российской Федерации» (09. 07. 2002), а также ранее изданных указов Президента «О государственной герольдии при Президенте Российской Федерации» (25. 07. 1994), «О геральдическом регистре Российской Федерации» (21. 03. 1996) и «Геральдическом Совете при Президенте Российской Федерации (29. 06. 1999)».

Научная новизна исследования. В исторической литературе уже неоднократно были использованы архивные и печатные источники, характеризующие первые русские городские печати и гербы. Особого внимания удостоен сфрагистический материал древних русских городов центра России: Москвы, Пскова, Новгорода, Твери. Ранее тематика сфрагистики и геральдики Восточной Сибири не удостаивалась системного изучения, более того, в историю некоторых гербов были внесены разночтения.

Новизна исследования заключается в показе значения правительственных актов в развитии сибирской сфрагистики и геральдики в исторические периоды, последовательно сменяющие друг друга; в дешифровке, атрибутировании и характеристике сфрагистического материала Нерчинского воеводства; впервые прослеженном генезисе и эволюции территориальных печатей Восточной Сибири, в определении их тождественности с таможенными печатями первых русских сибирских городов на начальном этапе развития; в раскрытии исторических судеб земельных гербов и их роли в административно-территориальном устройстве Восточной Сибири.

Научная и практическая ценность. Разработка тематики, связанной с изучением символики Восточной Сибири, дает основание для дальнейших исследований как с позиций общей истории, вспомогательных исторических дисциплин, так и с позиций близких гуманитарных наук. В частности территориальная геральдика имеет тенденцию к самостоятельности, поскольку в современной России является делом государственного уровня и пристального внимания к ней Геральдического Совета при Президенте РФ.

Первым российским опытом изложения истории сибирской региональной символики стала иллюстрированная монография автора исследования «Летящий из глубины веков» (М.; Чита, 1997). На протяжении ряда лет книга используется в курсах отечественной истории и вспомогательных исторических дисциплин в вузах и средних учебных заведениях Читинской области. Ее материалы оказались необходимыми для региональных обобщающих трудов последних лет: «Энциклопедии Забайкалья. Т. 1 – 2» (Новосибирск, 2000, 2003), книги «Чита. Город во времени» (Новосибирск, 2001).

Материалы исследований были использованы администрацией г. Читы и Читинской городской Думой при утверждении герба Читы (1994 г.), а также при проведении областного конкурса на разработку герба и флага Читинской области (1995–1996 гг.). Автор исследования принимал участие в работе областной комиссии по символике Читинской области (ответственный секретарь комиссии и член жюри), в создании Закона Читинской области «О гербе и флаге Читинской области» в первой (23 ноября 1995 г.) и окончательной редакции (21 декабря 1995 г.)

Материалы монографии были практически использованы при проведенни в Бурятии в 1999 г. республиканского конкурса на разработку герба столицы республики г. Улан-Удэ. На его страницы были сделаны многочисленные ссылки авторами статей республиканской печати (газета «Правда Бурятии»).

Монография, используемая как вспомогательное пособие, играет практическую роль также в создании символики муниципальных образований Читинской области. До утверждения Федеральных Законов (2000 – 2002 гг.) по символике Российской Федерации, была разработана, утверждена и занесена в Государственный геральдический регистр Российской Федерации символика ряда муниципальных образований края. Это герб и флаг Читинской области (1995 г.), герб и флаг Борзинского района и г. Борзи (2000 г.); герб и флаг Шилкинского района (2001 г.). В стадии

разработки находится символика Балейского, Нерчинско-Заводского, Краснокаменского районов. В Геральдический Совет при Президенте Российской Федерации подготовлен проект герба и флага Забайкальского района и исторический герб г. Нерчинска. К гербу г. Читы, гербу и флагу Читинской области, гербу и флагу Забайкальского района, а также к гербу г. Нерчинска автором выполнено историческое обоснование.

Методологическая основа диссертации.

Для решения основных проблем в исследовании был использован общенаучный метод системного подхода.

В основе работы положены принципы:

- историзма, позволяющего рассматривать факты, явления и процессы во взаимосвязи и развитии;
- объективности, требующего непредвзятой оценки исторических фактов и стремящийся установить научную истину.

Среди используемых методов отмечаем:

- поисковый – разыскание и отбор материала;
- комплексный, позволяющий опираться на совокупность источниковедческого материала;
-сравнительно-исторический, дающий возможность сопоставить факты и события, выделить их сходство и особенности;
-хронологический, позволяющий определить последовательность событий, отразивших историю символики;
- метод качественного анализа.

Хронологически работа охватывает промежуток времени со второй половины XVII до начала XX вв. Названный период разделяется на несколько этапов, в рамках которых протекали исторические и социокультурные процессы. Представляется оправданным рассмотрение истории восточносибирской символики со времени ее возникновения и вплоть до окончания существования Российской империи. Обращение в исследовании к столь продолжительному хронологическому периоду связано

как с малоизученностью проблемы, так и с попыткой создания более полной картины возникновения, развития и жизнедеятельности сибирской символики, важных периодов ее существования. Перед автором стояла проблема: как изложить достаточно объемный хронологически материал, к тому же весьма дискретный, поскольку внимание государства к собственной символике не всегда было однозначно. Периоды забвения его интереса к территориальным гербам рождали обширные лакуны в истории изучаемой темы. В исследовании часто рассматриваются локальные сюжеты развития символики, отдаленные друг от друга достаточным промежутком времени. Поэтому хронологический период исследования объективно расширяется до указанных границ.

Территориально диссертация обозначена Восточной Сибирью. Земельная символика и процесс сибирского герботворчества рассматриваются в ней в системе основных процессов исторического развития острогов и городов, в едином русле с историческими изменениями ее территорий.

Восточная Сибирь – слово, употребляемое в прошлых веках не столько в смысле географическом, сколько в административном. На протяжении столетий не раз менялись ее территориальные границы. В XIX в. существовало мнение, что в географическом отношении Енисейская губерния не может быть причислена к Восточной Сибири и составляет «переходную страну» между Западной и Восточной Сибирью [Брокгауз, Ефрон, 1897, с. 299]. Исключение составляет лишь ее административный статус. Но еще в 1816 г. вице-губернатор Иркутска Н.В. Семивский поднял вопрос о точном значении этого географического понятия и «о разделении Сибири на Восточную и Западную». Отождествляя Восточную Сибирь и Иркутскую губернию, автор приводит в пример «новейшую карту» Восточной Сибири, «сочиненную» в 1816 г., где западная граница ее территории проходит по Ангаре, Енисею, включает окрестности Красноярска, Енисейска и даже Туруханска [1817, с. 30 – 31]. Официальное

разделение Сибири на два генерал-губернаторства – Западносибирское (с центром в Тобольске) и Восточносибирское (с центром в Иркутске) – было осуществлено в 1822 г. по реформе сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского.

В современном географическом отношении в это понятие входит территория от берегов Енисея до хребтов Тихоокеанского водораздела. В пределах Восточной Сибири расположены республики Саха, Бурятия, Тыва, Красноярский край, Иркутская и Читинская области.

Основной единицей административного деления Сибири, как и в европейской части страны, в XVII в. был уезд. На протяжении столетия в Сибири было сформировано 20 уездов, которые включали в себя более крупные территориальные образования – Тобольский, Томский и Ленский разряды. К 1677 г. относится официальное образование разряда Восточной Сибири – Енисейского, включающего Енисейский, Мангазейский и Нерчинский уезды, с присоединением к 1681 г. Красноярского уезда, и к 1683 г. – Иркутского и Албазинского уездов, последний из которых был выделен из Нерчинского уезда [История Сибири, т. 2, с. 126]. К этому времени к указанным центрам относятся первые законодательные акты по утверждению городских печатей. Собственно этим обстоятельством и было продиктовано первоначальное решение территориального обозначения настоящего исследования.

Ко второй половине XVII в. относится создание на дальних крайних российских рубежах Нерчинского воеводства (1655–1783 г.г.). В 1677 г. по официальным документам Забайкалье и Приамурье именуются Нерчинским уездом, входят в состав Енисейского разряда [История Сибири, 1968, с. 120]. В 1708 г. Нерчинский уезд в виде двух воеводств – Нерчинского и Селенгинского –вошел во вновь организованную Сибирскую губернию с центром в г. Тобольске [Там же, с. 136]. С 1794 по 1822 г. существовала Нерчинская область Иркутской губернии, с 1822 по 1851 г. – Нерчинский округ в составе Иркутской губернии.

В 1782 г. по указу Екатерины II на территории Сибири были образованы Тобольское (Западная Сибирь) и Иркутское (Восточная Сибирь) наместничества [ПСЗ-1, т. XXI, №№ 15327, 15680]. Современная территория Красноярского края была отнесена к Тобольскому наместничеству с центром в Тобольске. Иркутское наместничество с центром в Иркутске включало территории современного Прибайкалья, Забайкалья, Крайнего Севера и Дальнего Востока и состояло из четырех областей: Иркутской, Нерчинской, Якутской и Охотской. С 1803 г. Иркутское и Тобольское наместничества вошли в состав Сибирского генерал-губернаторства. Таким образом, при крайне малом количестве острогов и городов Сибири и Дальнего Востока и значительных расстояниях между ними, эта обширная территория была связана единым административно-территориальным делением.

При изменении территориального устройства и образованием новых административных центров, особыми правительственными указами начиналась работа по герботворчеству этих центров.

До присоединения к России амурских земель Иркутское генерал-губернаторство с главным городом Иркутском состояло из Енисейской и Иркутской губерний, Камчатской (1803 г.), Якутской (1805 г.), Забайкальской (1851 г.) и Приморской (1856 г.) областей. С присоединением Амура и образованием Приамурского генерал-губернаторства, в 1884 г. к нему отошли Забайкальская, Амурская и Приморская и области. В таком качестве территории находились до 1906 г., когда к Иркутскому генерал-губернаторству была вновь приписана Забайкальская область. В пределы границ Забайкальской области входили нынешние территории Читинской области и республики Бурятия, символике, которым также уделено внимание в последней главе.

Апробация работы.

Материалы исследования апробированы на городских и региональных исторических научно-практических конференциях: на городской

исторической научно-практической конференции «Чита. Год основания» (Чита. Январь, 1993 г.); на региональной научно-практической конференции «Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья» (Чита. Ноябрь – декабрь, 1994 г.); на региональной научно-практической конференции «К 115-летию Нерчинского краеведческого музея и 150-летию г. Читы и Забайкальской области» (Чита, Нерчинск. Сентябрь, 2001 г.).

По теме диссертации опубликован ряд работ по истории символики Читы, Забайкальской области, городов Нерчинска, Иркутска и Иркутской губернии. В первом томе «Энциклопедии Забайкалья», вышедшем двумя изданиями в издательстве «Наука» СО РАН в Новосибирске (2000 – 2002), опубликована статья «Символика». Во втором томе (2003) и последующих томах «Энциклопедии Забайкалья», находящихся на редакционной правке и в производстве, написана серия понятийных статей по символике Читинской области: герб Забайкальской области, герб Кяхтинского градоначальства, герб городов Баргузинска, Верхнеудинска, Доронинска, Нерчинска, Мысовска, Селенгинска, Сретенска, Троицкосавска, Читы. Символика Агинского Бурятского автономного округа, Дальневосточной республики, Читинской области, Борзинского, Забайкальского и Шилкинского муниципальных образований.

Структура диссертации. Работа состоит из «Введения», четырех глав, «Заключения», «Примечания», «Списка сокращений», «Библиографии», включающей списков неопубликованных и опубликованных источников и литературы, а также «Приложения» в виде семи таблиц. При хронологическом и территориальном порядке глав, внутри параграфов расположение от общего к частному.

Автор выражает благодарность научному руководителю доктору исторических наук, профессору М.В. Константинову, за помощь в работе сотрудникам Государственного архива Читинской области и лично заместителю директора по науке Т.А. Константиновой, доктору

исторических наук, профессору В.И. Мерцалову и доктору философских наук, профессору М.Н. Фоминой за ценные советы.

Глава 1.

Источниковедение и историография сфрагистики и геральдики

1.1. Источники исследования

В изучении происхождения, развития и существования символики Восточной Сибири использована широкая источниковая база российского сфрагистического материала, отечественного гербоведения и правительственных актов по изучаемому вопросу. Центр изучаемой проблемы в исследовании сфокусирован как на анализе письменных источников, так и на изучении памятников сибирской сфрагистики и геральдики. В основу диссертации положены сведения, полученные в результате изучения круга редких источников, выявленных автором в документах Государственного архива Читинской области, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Новосибирской области, Российской национальной библиотеки. Сфрагистические памятники были выявлены и изучены в фондах Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, Нерчинско-Заводского краеведческого музея, Новосибирского областного краеведческого музея и других учреждений.

Дела Государственного архива Читинской области, несущие в себе информацию по истории забайкальской сфрагистике и геральдике, относятся к нескольким фондам. Прежде всего, это фонд «Нерчинская воеводская канцелярия» (№ 10), включающий документы, которые заверяют редкие, но достаточно хорошо сохранившиеся сфрагистические материалы с зооморфными изображениями, позволяющие реконструировать властные структуры Нерчинского воеводства. В их числе «Приходные» и «Расходные» книги по перевозкам различного провианта и промышленных товаров Нерчинской воеводской канцелярии середины и второй половины XVIII в.

Фонды №№ 159 (Нерчинский городничий), 266 (Доронинское уездное казначейство), №№ 234 и 272 располагают документами Нерчинского и Сретенского уездных казначейств, источники которых несут на себе символы главных забайкальских городов Нерчинска, Сретенска и Доронинска. Персонифицирующая информация хранится на источниках фондов 29 (Урульгинская степная Дума), 31 (Нерчинское горное правление), 282 (Церкви Забайкальской области), 300 (Начальник эвенкийских родов) и других фондов архива и позволяет идентифицировать сфрагистический материал по владельцам печатей. Фонд № 30 (Восковое хозяйственное правление) является хранителем материала забайкальской воинской символики.

Фонд № 75 включает документы переписки Военного губернатора Забайкальской области и городских управ городов Троицкосавска и Селенгинска по утверждению и введению в производство городских гербов этих городов, а фонды №№ 21 (Забайкальской области по городским делам присутствия) и 226 – документы Читинской городской Думы конца XIX – начала XX вв. по утверждению герба Забайкальской области и г. Читы. В 21-м фонде выявлено дело о переписке Городского головы г. Читы и Военного губернатора Забайкальской области о представлении на обсуждение Читинской городской Думы проекта герба г. Читы. Дела указанного фонда располагают обширной перепиской канцелярий Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства и Приамурского генерал-губернаторства по проекту создания и утверждения некоторых гербов городов Забайкальской области: Нерчинска, Баргузинска, Акши, Троицкосавска, Селенгинска, Верхнеудинска, Мысовска, а также г. Петропавловска Камчатской области.

Основная группа документов, послужившая источниковой базой при изучении старинных печатей Восточной Сибири, хранится в РГАДА. Предполагалось, что основным источником будут являться фонды «Нерчинской приказной избы», «Иркутской приказной избы», «Сибирского приказа», «Сношения России с Китаем». Однако большинство

обследованных источников указанных фондов: а) не имеют оттисков печатей; б) имеют разрушенные оттиски; в) имеют следы восковых или воскомастичных оттисков прикладных печатей. Так, частично обследованные документы фондов «Иркутской приказной избы» не привнесли в исследуемую тему положительного результата. Пример: «Грамота о запрещении бухарцам и калмыкам покупать в Иркутске соболи» имеет полуразрушенную черновосковую печать (d = 2,5 мм) с неустановленным изображением [РГАДА. Ф. 1121.Стл. 505. Л. 7].

На сегодняшний день говорить о некотором коллекционном собрании сибирских древних печатей РГАДА можно только в фонде II отделения Московского архива Министерства юстиции, где печати на документах, хотя и присутствуют как вторичный материал, но подлежат учету. Учет осуществлен в книге V, разряда II «О печатях, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции» многотомного архивного справочника «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1 – 21 (М.; СПб., 1869 – 1921). Справочник включает перечень 68 печатей упраздненных учреждений с кратким описанием самого учреждения.

Грамоты, заверенные печатями основного звена местного управления России, учтены в рукописных книгах «Описи грамотам уездов Российской империи XVII – XVIII вв. – Ч. 1 – 9». В них предпринята попытка библиографирования не только самих грамот на выделение монастырских земель, но и описаний объектов, заверяющих акты (автографы воевод или других администраторов, печати городов и острогов). К сожалению, в «Описях» отсутствуют акты по Албазинскому и Нерчинскому уездам XVII в., Селенгинскому уезду XVIII в. и другим территориальным единицам Восточной Сибири. В отношении недолго существовавшего Албазинского уезда (1682 – конец 1680-х гг.) ситуация объяснима военными действиями на его территории с маньчжурами и разрушением до основания всей инфраструктуры поселения, в том числе монастыря.

В Нерчинском и Селенгинском уездах ситуация объясняется крайней отдаленностью и малой информативностью центра об этих территориях, и тем, что Нерчинский Успенский мужской монастырь, основанный по Указу Петра I, был единственным на окраине государства и существовал очень недолго (1706 – 1764 гг.).

По документам архива изучена следующая группа документов: древние «Росписи» и реестры государственных сибирских территориальных печатей 1656 и 1692 г.г., а также «Роспись», датируемая 1698 – 1701 гг. [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 223 / 384].

Несколько иную наблюдаем ситуацию в ПФ РАН. Здесь также предполагалось, что «Портфели Миллера», содержащие источники, собранные Г.Ф. Миллером в первой половине XVIII в., могли содержать документы, заверенные печатями этого времени. Действительно, 21-й фонд содержит номерные источниковые книги, но они являются более поздними копиями. В них обнаружены (пока единичные) сибирские территориальные печати XVIII столетия в очень хорошей сохранности, в частности, города Тобольска [ПФА Ран. Ф. 21. Оп. 2. Д. 27. Л. 26]. Подлинники старинных актов, которые подлежат дальнейшему обследованию, хранятся в фонде № 3. В фонде Н.П. Лихачева (№ 35) хранится «Сфрагистический альбом», включающий снимки с древних русских печатей, но не относящийся к теме исследуемого материала.

Документы РГИА (Гербовое отделение Департамента Герольдии Сената) дали возможность изучить историю герботворчества Забайкальской области и г. Читы, ее неясность в связи с идентичностью изображения в ПСЗ. На основании источников архива были исследованы гербы Селенгинска и Троицкосавска.

В работе были обследованы документы Государственного архива Новосибирской области, самый ранний из которых датируются 1726 г. (документы органов государственной власти и местного управления).

Помимо неопубликованных источников из Читинского и центральных архивов, в исследовании использовалась опубликованная источниковая база. Исключительно важным для понимания принципов подхода российского правительства к территориальной символике явилось выявление источников законодательного характера, регламентирующих создание, порядок хранения и использования государственных, таможенных, городских печатей, опубликованных в сборниках актового материала.

Описания царских грамот, отписок, наказов, указов, положений, докладов Сената и других нормативных актов по изучаемому вопросу включены в фундаментальный труд В.И. Межова «Сибирская библиография. Т. 1 – 3» (СПб., 1891 – 1892). Этот «Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания», в виду недостатка (по причине физической утраты) выявленных материалов по истории Сибири, не может претендовать на исключительное наполнение источниковедческого материала, но представляет важнейший труд как указатель «всего, что было напечатано на русском языке об Азии».

В качестве необходимого активного источника в исследовании результатов сибирских сфрагистических и геральдических памятников следует назвать тома первого (1830 г.) и второго (1858 г.) изданий «ПСЗ», в которых кроме правительственных актов опубликованы описания (без пояснения) гербов Восточной Сибири эпохи Петра I, XVIII и XIX вв. А также изданные Археографической комиссией «Акты исторические» (тт. IV – V), собранные Г.Ф. Миллером в 1733 – 1743 гг. В них содержится фактография о начале становления острогов и городов Восточной Сибири, приведены правительственные акты о создании первых территориальных печатей, дано содержание документов из Архива Нерчинского и Якутского Городового управления.

В конце ряда документов даны их физические характеристики (паспорт), составленный Археографической комиссией при издании «Актов».

Пример: «Подлинник писан столбцем, на двух листах. Был сложен пакетом и запечатан. Из Архива Нерчинского городового суда» [АИ, т. V, № 169]. К сожалению, информация о заверяющих отписки печатях или очень скудна, или вообще отсутствует. Причина такой малой информативности заключается как в плохой сохранности восковых оттисков печатей при более позднем оформлении документа, так и в отсутствии самого предмета исследования. В то же время это свидетельствует, о принадлежности факта государственной юрисдикции при решении сложных внешнеполитических вопросов Российского государства в условиях локальной войны на его окраинных территориях.

Важнейшим для исследования является опубликование в IV томе «Актов» «Росписей печатям сибирских городов», дающих точную датировку государственных территориальных печатей Сибири (1656 г.).

Впервые опубликованные, вышедшие в 1890 г. в Томске отдельным изданием «Исторические акты XVII столетия (1633 – 1699): Материалы по истории Сибири», были собраны Ин. Кузнецовым на базе уникальных исторических фондов библиотеки Томского университета.

Необходимым источником по данному вопросу является «Сборник снимков с древних печатей...» (М., 1858 г.), приложенных к грамотам и другим документам, начиная от эпохи Петра I, собранных директором Архива Министерства юстиции П.И. Ивановым. В издании впервые опубликовано несколько копий территориальных печатей Сибири второй половины XVII в. (Верхотурск, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Якутск, Илимск, Селенгинск), которые являются первичным источником для большинства последующих изображений в исследованиях дореволюционных и советских авторов.

Среди изданных источников в работе были использованы важнейшие документы, включенные в сборник «Русско-китайские отношения». Т. 1 (М., 1969), Т. 2 (М., 1972), а также солидный справочный аппарат сборника,

подготовленный коллективом исследователей под руководством В.С. Мясникова.

Источниковедческое по характеру исследование А.Х. Элерта «Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера» (Новосибирск, 1990), включает перевод ряда рукописей Г.Ф. Миллера на русский язык. Атрибутирование и анализ материалов исследователя в «Географическом описании» Нерчинского уезда Иркутской провинции 1739 г. позволяют уточнить некоторые спорные вопросы истории освоения русскими Сибири (даты основания населенных пунктов, управление уезда) и другие.

Каждое созданное на российской территории наместничество сопровождало его «Топографическое описание» [1]. Впервые эти важные источники были проанализированы А.И. Андреевым в работе «Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783-1794 гг.», где он указал на существование и степень полноты двух списков: публикации в «Древней Российской Вивлиофике» 1791 г. и архивного списка 1792 г. [Андреев, 1950, с. 203 – 212]. В Сибири, как и по всей России, сбор сведений в фискальных и научных интересах начал интенсивно проводится со второй половины XVIII века по единой программе. Описание наместничества соответствовало сенатской анкете и включало ответы на 25 вопросов. Описание Иркутской и Нерчинской областей было составлено по сокращенной программе и включало ответы на 5 вопросов по Иркутской области и 4 вопроса по Нерчинской области. О городах и уездах областей даны более обстоятельные сведения.

«Топографическое описание Иркутского наместничества», собранное из разных «достоверных сведений, присылаемых в наместническое правление», в основном было подготовлено к 1792 г. Сведения о российском герботворчестве конца XVIII столетия, собранные первыми землемерами топографических описаний, включение сведений о старых и соответственно описываемому времени территориальных гербах части регионов Сибири имеют огромное историческое значение. Так, один из параграфов в описании

каждого уезда дает сведения о гербе (если он имеется), что свидетельствует о немаловажном значении, придаваемом символикеправительством России в данное время. На завершающем этапе работу по сбору сведений и обработке материалов возглавлял губернский землемер Я. Федоров. Им же было написано предисловие. В результате визуальных обследований земель и труда землемеров И. Кожевина, А. Лосева, академика Э. Лаксмана и других «топографическое описание» явилось подробным сводом информации о географическом положении и экономической ситуации Восточной Сибири и Крайнего Севера XVIII в.

При решении в том или ином случае авторской задачи в ряде мест были использованы необходимые подробные источниковые цитаты, позволяющие проиллюстрировать тему и сам предмет исследования.

1.2. Отражение проблемы изучения общероссийской и восточносибирской сфрагистики и геральдики

Обширные хронологические и территориальные границы исследования, дифференцированный подход к каждому сфрагистическому и геральдическому памятнику, комплексный подход к освещению исторических процессов развития городов Восточной Сибири способствовали привлечению обширной историографической базы. Но особенностью данной темы является недостаточность конкретной историографической базы. В качестве историографических источников были использованы общероссийские основополагающие, методологические и теоретические труды по сфрагистике и геральдике зарубежных и отечественных историков, которые составляют первую группу литературы.

Как уже указывалось, историю символики Восточной Сибири можно рассматривать только в контексте истории России. Российская геральдика в связи с вниманием к ней правительственных структур стала привлекать внимание отечественных исследователей со второй половины XIX столетия. До этого времени единственным пособием в России оставался переводной

справочник И.Х. Гаттерера «Начертание гербоведения» (СПб., 1805), изданный при участии писателя Т.С. Мальгина [2]. Но этот труд не только практически не касался эмблематики и атрибутики отечественного российского герботворчества, но и уже значительно устарел к тому времени.

Среди дореволюционных отечественных исследований в первую очередь необходимо назвать основополагающий труд А.Б. Лакиера [3] «Русская геральдика» (Кн. 1 – 2. – СПб., 1855; М., 1990), пользовавшийся в диссертации вниманием, дающий большой фактографический материал по истории русской символики и основу составления родовых российских гербов. В труде даются источники сообщаемых сведений и первый в русской историографии подробный исторический комментарий. Впервые в исторической науке А.Б. Лакиер поставил вопрос о самобытности российской геральдики.

Картина историографической базы диссертации будет неполной без учета геральдического справочника П.П. Винклера «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи» (СПб., 1889), дающего изображения и описания (без объяснения) 773 гербов, включенных в ПСЗ, а также труда Ю.В. Арсеньева «Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/ 08 гг.» (М., 1908).

Книга «Русская геральдика» (СПБ., 1915) В.К. Лукомского и Н.А. Типольта имеет подзаголовочные данные как «Руководство к составлению и описанию гербов» [4]. Авторы исследуют историческую ситуацию в российской геральдике на протяжении столетий и отношение к ней, высших институтов власти. Историю развития авторы делят на три фазы, первая из которых начинается с эпохи Петра I, вторая – с царствования Павла I и третья – с воцарения Александра II.

С общей концепцией дореволюционных теоретиков в принципе согласиться можно, за исключением их оценки геральдической ситуации России в годы царствования Екатерины II. Эту ситуацию они относят к мероприятиям, имеющим своей целью лишь упорядочивание деятельности

Герольдмейстерской конторы. В истории символики Восточной Сибири правительственные акты Екатерины II играли большую роль, чем это считается, они определяют, на наш взгляд, один из этапов развития сибирского герботворчества. Утвержденные императрицей гербы ряда городов Восточной Сибири явились значимым явлением в их правовой и социокультурной сфере.

Из дореволюционных работ по истории русской геральдики нельзя не отметить труд И.П. Сахарова [5] «Записки о русских гербах» (СПб., 1856), в котором главное внимание автор уделяет истории московского герба, его изображениям на иконах, перстнях, литье, монетах, печатях и разной бытовой утвари. В дальнейшем И.П. Сахаров предполагал значительное расширение темы, в том числе по истории земельной символике России. К сожалению, издание оказалось не законченным ввиду скорой кончины ученого.

В 1912 – 1913 гг. был издан «Русский геральдический словарь» В. Белинского, в котором автор предпринял попытку систематизации материала по теме российской геральдики. Этот практический опыт имеет немалое значение, поскольку в нем наряду с кратким описанием гербовых фигур дается описание предметов и понятий, относящихся к геральдике. Завершить свой труд В. Белинскому также не удалось. Второй том заканчивается словом: «Герольдмейстерская контора».

Из дореволюционных работ иллюстративного ряда необходимо отметить первый многокрасочный атлас «Гербы губерний и областей Российской Империи», заказанный правительством для исполнения в Петербургское картографическое заведение в 1880 г. Атлас явился кумулятивным сводом таблиц с изображениями всех земельных российских гербов, утвержденных к этому времени и расположенных в алфавите губерний и областей. В издание включены изображения с описанием (без пояснения) и ряда новых гербов, созданных в правление Александра II по указу от 5 июля 1878 г. и новым геральдическим правилам, в том числе

Восточной Сибири (Красноярска, Иркутска, Якутской области) и Дальнего Востока (Благовещенска, Амурской области, Хабаровска, Приморской области).

Подобная таблица с изображениями сибирских территориальных гербов включена в великолепное по своим полиграфическим данным картографическое издание «Атлас Азиатской России», изданный Главным управлением землеустройства и земледелия (СПб., 1914 г.). Неоценимым вкладом в российскую историческую науку явился выход в свет в 2003 г. репринтного издания «Чертежной книги Сибири» (1701) [6] С.У. Ремезова, дающего кроме чертежей факты истории сибирских городов.

Специальных научных исследований, посвященных сибирской сфрагистике и геральдике в дореволюционной историографии практически не существует. Из выявленного материала заслуживают внимание лишь две работы, касающиеся определенного исторического аспекта рассматриваемой тематики. Так, в 1858 г. в «Тобольских губернских ведомостях» Н. Абрамовым в статье «О древних печатях и гербах сибирских городов» впервые были даны краткие сведения о некоторых печатях XVII в. городов Сибири. Кроме того, уже в XIX в. интерес историков вызвала хранившаяся в нумизматической коллекции Эрмитажа матрица печати Албазинского острога. «Записки Приамурского отдела Общества востоковедения» (Благовещенск, 1915) сообщали: «В Петрограде в годовом собрании членов русского генеалогического общества С.П. Тройницкий сделал доклад о «Печати Албазинского острога» [Новиков-Даурский, 1958, с. 50]. В 1866 г. небольшой заметкой по поводу исказившейся семантики символики иркутского герба откликнулся В.И. Даль [Записки ИРГО, № 4].

В 1940-е гг. существенное внимание российской геральдике уделил известный русский археолог А.В. Арциховский. Его трактовка зооформизма в символике постсредневековой Руси построена с учетом археологических и этнологических материалов. Исследования ученого посвящены генезису

Новгородского, Владимирского, Вятского, Пермского, Нижегородского и Казанского гербов.

1970-е гг. были характерны новым интересом в науке и краеведении к истокам общероссийской и региональной символики. Здесь следует назвать научно-популярное издание с комментариями Н.Н. Сперансова (автор-составитель) «Земельные гербы России XII – XIX вв.» (М., 1974), включающее 484 территориальных герба России. Расположение материала систематическое, с описанием и впервые данным ко многим геральдическим символам толкованием. Изображения гербов – многокрасочные. Автор, несомненно, внес существенную лепту в популяризацию истории геральдики, но по сравнению с изданием П.П. Винклера этот указатель не полный, к тому же Н.Н. Сперансовым в изображении ряда гербов взяты лишь блазоны, внешние украшения произвольно сняты, что во многом нарушает традиционное понимание двуединства российской геральдической науки: (изучение истории герботворчества и система специальных знаний по составлению гербов).

В основу книги Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова «Русская сфрагистика и геральдика» (М., 1963) положены общие курсы по вспомогательным историческим дисциплинам, прочитанные в Московском государственном историко-архивном институте (Н.В. Устюговым – в довоенные годы и Н.В. Каменцевой – в начале 1960-х гг.). Эта книга явилась одной из первых и некоторое время считавшейся единственной научно-популярной работой советского периода по истории российской символики.

Старинным печатям различных регионов страны посвящен ряд научных работ советских исследователей. Сфрагистический материал раскопов Парфиена (Туркестан) обследовал известный советский археолог первого поколения М.Е. Массон. Ряд его исследований связан с идеей доказать существование в Средней Азии рабовладельческого строя и понять закономерность развития городов в эту эпоху.

Крупнейший исследователь средневековой русской сфрагистики – Н.П. Лихачев. По сути, это первопроходец в первичном осмыслении и атрибутировании актового материала, вплотную подошедший к созданию системы, отражающей реальные отношения между институтами власти, регалиями которых являлись печати. Ученый-медиевист успел издать два выпуска своего труда: «Материалы для истории русской и византийской сфрагистики» (Л., 1928 – 1930). Кончина Н.П. Лихачева в 1936 г. не позволила завершить создание системы. Третий выпуск, посвященный сфрагистике XII – XV в.в. (описания изображений русских княжеских печатей), не закончен. Рукопись хранится в ПФА РАН. В 1991 г. в серии «Научное наследство», основанной академиком С.И. Вавиловым в 1948 г. и возобновленной в 1980 г., под заголовком «Монографическое исследование» был издан труд Н.П. Лихачева «Моливдовулы греческого Востока», в котором дано описание 364-х печатей, хранящихся в Эрмитаже. Совокупность огромных познаний ученого в истории, археологии, палеографии и сфрагистике дала первоклассный методологический материал последующим исследователям и ученикам Н.П. Лихачева. Среди них В.Л. Янин, автор двухтомного труда «Актовые печати Древней Руси X – XV в в. (М., 1970). В нем рассматривается свыше полутора тысячи атрибутированных древних печатей – княжеских, булл киевских митрополитов и других церковных иерархов. Здесь можно наблюдать преобладание печатей Новгорода над другими территориями Руси.

История российских печатей XVIII в., главным образом, регионального аспекта (севера России), нашла отражение в работах Н.Ф. Демидовой. Среди ее исследований общероссийской тематики выделяется статья «Русские городские печати XVIII в.», посвященная деятельности Герольдмейстерской конторы по началу создания в России геральдического производства и опубликованная в сборнике «Города феодальной России» (М., 1966).

Первые специальные работы российских авторов по международной символике и эмблематике, относятся к концу 1980-х гг. Это книга В.В.

Похлебкина «Международная символика и эмблематика» (М., 1989). В 2000 г. вышло новое дополненное издание «Словарь международной символики и эблематики». Точки соприкосновенения в трактовке зооморфной символики Западной Европы найдены автором в тексте оригинального источника: «Boutell' s. Heraldy» Revised by J.P. Brojrt-Little (London and New York, 1970), который является современным изложением общепринятых принципов и канонов международной геральдики, ее истории и современного состояния.

С начала 2000-х гг. изучение символики России вступает в новую фазу, в частности, геральдика становится разноплановой, что порождает выход в свет сразу нескольких работ: Е.В. Склизкова «Геральдика как феномен культуры» (М., 2000); Н.С. Михалков «Гербы земель Российских» (М., 2002), И.С. Сметанников «Гербы и флаги субъектов Российской Федерации» (М., 2003).

В следующую группу историографических источников входят диссертационные исследования по сфрагистике и геральдике России. В некоторых из них эти дисциплины объединены и рассматриваются в едином контексте. Одной из первых работ советского периода стала диссертация А.А. Ураносова «Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного государства (XV – XVIII вв.) (М., 1952). А.А. Ураносов первым из отечественных историков на материале РГАДА выделил в особую группу территориальные печати сибирских городов, проследил краткую эволюцию и описал некоторые из них, в основном, Западной Сибири (Томск). Квинтэссенция исследования – древний характер основной массы русских территориальных печатей и гербов, их национальная основа и самостоятельный характер. А.А. Ураносовым подвергнуты резкой критике и характеризуются как «серьезные методологические пороки» взгляды на природу русской символики ученого-нумизмата А.В. Орешникова и Н.П. Лихачева «о случайном характере русских печатей и гербов, рассматриваемых в плане заимствования из Византии и Западной Европы». Подобная трактовка встретила разногласие с

мнением последующих исследований, в частности, Н.А. Соболевой, которая указывает, что Ураносов смешал два вопроса: исторические корни городских гербов и время их реального появления [1981, с. 10]. На сходной точке зрения находился и А.В. Арциховский, доказывающий стойкость геральдических эмблем с древнейших времен, но не само существование гербов как таковых [1946, с. 43 – 66]. Изучение этого вопроса, на наш взгляд, все еще стоит на повестке дня, но исследования последнего времени возвращают его к точке зрения А.А. Ураносова. Ряд доказательств существования русской геральдики еще в домонгольский период, свидетельства о древнерусских протогербах и княжеско-территориальной символике как источнике происхождения русских гербов в XII – XVI вв. приводит А.Г. Силаев (М., 2003).

В диссертации В.К. Поцелуева исследована тема «История разработки советских гербов» (1917 – 1977 гг.) (М., 1977), представляющая исследование истории и эволюционного развития определенной геральдической эпохи страны. В работе освещена история разработки и принятия гербов СССР, союзных республик и городов.

Одними из необходимых в изучении символики России работ считаются монографии Н.А. Соболевой «Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. (М., 1981) и «Старинные гербы российских городов» (М., 1985). Докторская диссертация ученого (с идентичным названием первой из них), защищенная в 1985 г., остается на сегодняшний день крупным исследованием по истории земельной символики России, дающим обширный фактографический и теоретический материал. В ней впервые на основе выявленных источников были систематизированы и занесены в таблицы изображения печатей российских городов, в том числе сибирских.

Г.В. Вилинбахова как автора диссертации «Государственная геральдика России конца XVIII – первой четверти XVIII века» (Л., 1983) интересует вопрос формирования идеологии абсолютизма в России.

Диссертация Е.В. Склизковой «Геральдика в аристократических культурах Британии и России» (М., 2000) является первой научной работой, анализирующей геральдику с позиций культурологии. По мнению автора, геральдика неотъемлемая часть культурно-исторического процесса, обладающая явно выраженными культурными характеристиками, которые и являются предметом культурологического описания.

Диссертационными исследованиями, посвященными региональной сфрагистике и геральдике, российская историческая наука вновь начала пополняться с начала 1990-х гг.: А.К. Бакрадзе «Основные проблемы грузинской сфрагистики» (Тбилиси, 1990); Г.Н. Курбанов «Печати Бухарского ханства XIX – начала XX вв.» (М., 1990), в которых выполнен источниковедческий анализ. Несколько в ином ключе написана диссертация И.В. Борисова «Гербовые изображения России XVIII – начала XX вв. на документальных и вещественных памятниках» (М., 1987), уделившего внимание проблемам идентификации. В 1995 г. С.В. Белецкий в Санкт-Петербурге защитил диссертацию по сфрагистике Пскова XIV – XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе), в которой подвергнуто анализу собрание псковских сфрагистических средневековых памятников, без которых картина развития институтов власти на Руси, по мнению автора, остается неполной. После новгородского собрания актовых печатей и пломб моливдовулы псковского происхождения являются второй по представительности коллекцией сфрагистических памятников древней Руси, экземплярность которой приближается к 800. Именно этим исследование С.В. Белецкого представляет интерес для настоящей диссертации, поскольку ряд символов сфрагистических памятников Восточной Сибири имеет древнерусское происхождение. Диссертация В.И. Лавренова «История Тверского края в гербах, эмблемах и символах XIV – XIX вв.» (Тверь, 2000), рассматривает древнюю славянскую землю как источник духовного мира наших предков. Интерес представляет

историческое исследование О.В. Кузнецова «Военная геральдика России во второй половине XIX – начале XX вв.» (М., 1997 г.).

Особую группу историографических источников представляют исследования, посвященные опознавательным эмблемам родовой символики Сибири. По мнению Ю.В. Арсеньева, одним из первых в дореволюционной историографии, наряду с Н.А. Аристовым, обратившегося к данному предмету исследования, тамги являют собой родовую принадлежность, в отличие от тавра – знака собственности монгольских кочевых народов. В.А. Михайлов в исследовании «Тамги и метки бурят в конце XIX – первой половине XX вв.» (Улан-Удэ, 1993) рассматривает тамги как гораздо более универсальное явление. Существование рода связано с определенной территорией, которая, наряду с другими факторами, формирует его символику.

Исследование В.А. Михайлова по региону Адон-Челона (Борзинский район Читинской области) раскрывает его как крупный культурный центр, вокруг которого консолидировалось население восьми агинских родов. Тамги адон-чалонцев представляют материал не только личной, но и родовой территориальной символики. Это обстоятельство стало одним из условий сохранения народных традиций и способствовало выявлению в регионе исчезнувшего повсеместно явления истории культуры.

Вообще же тамги монголов и ойратов стали достоянием европейской науки в конце XIX столетия. Большой вклад в эту область этнокультуры азиатских народов внес сибирский краевед начала XX в. П.П. Хороших. Уникальность его исследования «Знаки собственности бурят» (Иркутск, 1929) подчеркивается свежестью сведений и непосредственным контактированием с означенным материалом.

Родовыми символическими знаками интересовались географ Г.Н. Потанин – «Очерки Северо-Западной Монголии» (СПб, 1883), китаевед Н.Я Бичурин – «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (М.;Л., 1950) и другие исследователи.

История территориальной печати, любого земельного герба невозможна без исследования природных, исторических, экономических и других особенностей территории. Каждый раз, когда исследователь сталкивается с описанием печати, теоретической и практической частей характеристики земельного герба, возникает необходимость дать территории или населенному пункту ее представляющему точные определения, статус, терминологию и другие представления. Кроме того, городская печать и герб носят вспомогательную функцию и рассматриваются как источники в решении вопросов исторического развития города.

История развития острогов и городов, в которых проживало основное население обживающихся территорий Восточной Сибири, раскрыта в представительном ряде научных работ как советского, так и постсоветского периодов, представляющих очередную группу историографических источников. Особо значимым исследованием в этой области явилась монография Д.Я. Резуна «Очерки истории изучения сибирского города» (Новосибирск, 1991), в которой дана аналитическая оценка взглядам на историю возникновения и развития сибирских городов XVII – XVIII вв., выполнен источниковедческий и историографический анализ, изучены топографические описания городов Сибири конца XVIII в. Здесь же приведена сравнительная характеристика и систематизация таблиц анкетирования XVIII в. экспедиций Г.Ф. Миллера и топографического описания 1785-1790 гг., в которых имеются вопросы ко всем сибирским городам относительно древних печатей и городских гербов.

Далее следует назвать исследования: В.В. Воробьев «Города южной части Восточной Сибири» (Иркутск, 1959), сборники статей «История городов Сибири досоветского периода» (Новосибирск, 1977) и «Историография городов Сибири конца XVI – начала XX века» (Новосибирск, 1984), работу Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского «Летопись сибирских городов» (Новосибирск, 1989). В этом же ключе представлена

работа историка архитектуры В.И. Кочедамова «Первые русские города Сибири» (М., 1978).

Достоинством этих исследований является освещение не только истории открытия русскими людьми обширной восточной территории России, но и объективного процесса ее политического, хозяйственно-экономического и культурного становления, процесса постепенного превращения острожных поселений в города. Однако, при несомненных достоинствах означенных исследований, часть авторов (В.В. Воробьев, Ю.В. Курсков) допустили некоторые фактологические неточности относительно исторического становления Читинского острога, а В.И. Кочедамов – Нерчинска. К тому же за рамками этих и ряда других работ осталась материальная культура сибирского города.

В сравнении с городами европейской части России города Сибири изучены значительно меньше. А в отличие от исследований истории городов Западной Сибири, города и остроги Забайкалья и северо-востока Восточной Сибири долгое время вообще не были предметом специального изучения. В этом плане выгодно отличается монография А.Р. Артемьева «Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVII вв.» (Владивосток, 1999). В ней решаются проблемы выявления и изучения основных этапов урбанизационных процессов в Забайкалье и Приамурье, приводится обоснование дат и условий возведения первых поселений, определение функций городов и острогов, и в том числе тех главных функций, наличие которых было для российского правительства решающим аргументом для придания им официального статуса города. Эти функции имеют немаловажное значение для обоснования утверждения первых городских гербов, олицетворяющих основы государственности в только недавно обжитых землях. Хронологические рамки книги А.Р. Артемьева определены серединой XVII – концом XVIII столетий. Поздняя граница связана с административными реформами 1790-х гг., которые подвели итоги процесса образования городов. Этому периоду соответствует становление

нового территориально-административного деления России и правительственного интереса к гербоведению, результатом которого явились Высочайшие указы Екатерины II о присвоении ряду городов восточной окраины империи территориальных гербов.

Помимо названных исследований обобщающего характера, в диссертации использован ряд работ, посвященных отдельным городам и острогам. Так, второй том «Истории Сибири» (Л., 1968) развивает тему становления Кяхты. Геральдическая история Кяхты, впервые рассмотренная в данной диссертации, имеет свои особенности и противоречия.

Сборник «Русско-китайские отношения» (Т. 1 – 2, М., 1969, 1972), монография В.А. Александрова «Россия на дальневосточных рубежах. Вторая половина XVII в.» (М., 1969), написанная на источниках РГАДА, второй том историко-археологических исследований «Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв.» (Владивосток, 1995) под редакцией А.Р. Артемьева, монографии П.Т. Яковлевой (1958), А.Р. Артемьева (1999) и других уделяют основное внимание Албазинскому острогу, так, в силу сложной внешнеполитической обстановки того времени, и не получившему статуса города, но имевшему свой геральдический символ, рассматриваемый в данной диссертации.

Важным в изучении истории городов Восточной Сибири явился сборник «Нерчинское Забайкалье» (Чита, 2003), созданный на документах ГАЧО и посвященный историческому становлению г. Нерчинска как центра Нерчинского воеводства XVII – XVIII вв.

Первые городские поселения Крайнего Севера, имеющие свои официальные символы на городских печатях и гербах, были расположены на территории в значительной степени обособленной от остальной территории Восточной Сибири. Малоизученность состава их населения, фортификационных функций, топографии, условий и хронологии возникновения создала определенные трудности при изучении данной темы. Некоторые города вообще исчезли с лица земли или поменяли свой топоним,

что породило официальную геральдическую путаницу для последующих исследователей XVIII – XIX вв., иногда повторяющих ошибки друг друга. Это касается городов Оленска, Алданска, Зашиверска, Олекминска.

Распутать казус в освещении истории г. Оленска помогло очерковое исследование медика и географа Ф. Шперка (1892 г.). С гербом Оленска, собственно как и самим городом, возникла неясность из-за того, что теоретик геральдической науки П.П. Винклер, а за ним и историк Н.Н. Сперансов повторят ошибку сибирских топографов XVIII в. и присвоят исчезнувшему с лица земли в XVIII столетии городу совершенно другое имя и герб.

Здесь же необходимо назвать книгу «Древний Зашиверск» (М., 1977) – результат работы ученых СО РАН во главе с А.П. Окладниковым. Городу, основанному в XVII в. на севере Восточной Сибири среди других острожных городов в 1790 г. был пожалован герб. Зашиверск просуществовал всего несколько десятилетий. На базе практических исследований новосибирские археологи и архитекторы смогли восстановить облик старинного города, также погибшего в XVIII в.

Что же касается фундаментального труда «История Сибири». Т. 1 – 5 (Л., 1968 – 19), то в нем, при всей его значимости, не уделено внимания развитию сибирского герботворчества. Исключение составляет второй том, хронологически охватывающий большой этап исторического развития сибирской земли с середины XVI до середины XIX в., в котором помещены иллюстрация герба Сибири из Жалованной грамоты 1690 г., а также две цветные вклейки гербов некоторых сибирских городов конца XVII начала XVIII вв.

Определенную роль в судьбе административных пунктов дореволюционной Сибири, равно как и России в целом, сыграли должностные знаки с изображением земельной символики. Монография Г.К. Мельника и И.В. Можейко «Должностные знаки Российской империи» (М., 1993) частично дополняет данную работу. Основные результаты исследования региональных должностных знаков XIX вв. Забайкальской и

Якутской областей были получены на базе их практического изучения в фондах Читинского областного краеведческого музея.

Следующая группа литературы включает фрагментарную фактографию дореволюционных исторических описаний и летописей, таких как «Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Сибири» Н.В. Семевского (СПб., 1815), сочинение подьячего посольского приказа, писца Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (Спб., 1840), иркутские «Исторические летописи Пежемского», позволившие собрать данные для разгадки геральдического казуса герба Иркутского наместничества и герба Иркутской губернии.

Некоторые авторы предлагают отнести иркутские летописи, согласно схеме, к источникам «преднаучной эпохи». Другие исследователи утверждают, что роль этих сочинений в общем ряду сибирской историографии достаточно велика [Резун, 1991, с. 27].

Часть исследований дореволюционных и советских ученых способствовала поиску генезиса сибирской символики, его сопоставлениям с условиями реалий конкретного времени исторического развития Восточной Сибири [Дурново, 1902; Егоров, 1915; Д.С. Лихачев, 1956; Баженов, 1982].

В отдельную группу работ хотелось бы вынести вопросы истории сибирской символики, нашедшие отражение в региональных энциклопедических изданиях. К сожалению, степень научной разработки этой проблемы, на наш взгляд, находится не на должном уровне.

С начала 1990-х гг. в периодической печати сибирского региона (Красноярский край, Иркутская область, Бурятия, Читинская область), в связи с разработкой символики субъектов РФ, наблюдается публикация ряда статей популярного характера. К примеру, территориальная символика Иркутска, в силу своей уникальности, не однажды привлекала к себе внимание современной региональной прессы, но это внимание ограничивалось попыткой давления на массовое сознание, наполнения

старинной символики современным содержанием, ее произвольным толкованием.

Из центральных периодических изданий существенное внимание современной и исторической территориальной геральдике в это время было уделено журналом «Наука и жизнь» (автор статей В. Сапрыков). В настоящее время эта тема освещается на страницах специализированных журналов «Вестник геральдиста» и «Гербовед»

Глава 2.
Территориальная сфрагистика Восточной Сибири середины XVII – конца XVIII вв.

2.1. Правительственные акты и их роль в формировании и развитии территориальной сфрагистики

Понимание восточносибирской земельной символики изучаемого периода невозможно без краткой характеристики правительственных актов по этому вопросу, органов центрального управления и административно-территориального деления феодальной России.

В XVII –XVIII вв. русские укрепленные остроги, часть из которых впоследствии трансформировались в города, были построены по всей Сибири. Тогда же были заложены основы городской жизни. Города в Русском государстве возникали, складывались и росли не стихийно, их возведение было делом государственным и планируемым. В отличие от европейских городов, подразделяемых на частновладельческие, вотчинные, монастырские и патриаршие, Сибирь знала только один тип города – государев [Вилков, 1984, с. 12]. Такие города-остроги закладывались, строились и заселялись по распоряжению правительства, по единой разработанной схеме. На этот предмет существует ряд опубликованных и неопубликованных источников – царских грамот и указов о начале строительства или возведении того или иного острога. Примером может служить «Наказ, данный государем Михаилом Федоровичем воеводе Михаилу Акинфову: о принятии ему новопостроеннаго Андреем Дубенским в Сибири в Качинской земле, на реке Енисее Красноярского острога ...» [Собрание государственных грамот, 1822, с. 299 – 304].

Кроме того, города-остроги восточной окраины государства имели еще одно существенное отличие от городов центра России, заключавшееся лишь в их военно-административной (фортификационной) и торгово-экономической функциях. Официально названный в источниках городом

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

(«посланы в городы», «в сибирских городех и пригородках», «городки» и т. д.) административный центр Восточной Сибири соответствовал эпохе, играл важнейшую роль на своей территории, но на самом деле часто не включал в себя необходимые городскому поселению качества (количество населения, полнота градостроительной, социальной и культурной сфер).

Как начальный этап централизации государственного управления, в конце XVI в. был создан Печатный приказ. Он, как и другие приказы, относился к органам центрального управления России, ведал созданием, хранением и «прикладыванием» государственных печатей и сбором печатных пошлин. Указ Петра I «О печатании посылаемых в города приставных и наказных памятей и даваемых из дела выписей, справок и других бумаг воротною орловою печатью в Печатном Приказе» [ПСЗ-1, т. III, № 1726] – характерный пример поздней деятельности приказа. Приказ просуществовал до 1722 г., когда эти функции были отданы вновь созданной Герольдмейстерской конторе.

Положение главного города Сибири с последней четверти XVI в. занимал Тобольск. 19 февраля 1637 г. царским указом в Москве было образовано центральное учреждение – Сибирский приказ, имевшее очень широкие полномочия. Он ведал административными, финансовоподатными, военными, таможенными и дипломатическими вопросами. Среди множества функций Сибирский приказ назначал воевод во вновь построенные в дальних российских владениях города, выдавая им особые наказы.

Органы сословно-представительского управления русского населения находились в зачаточном состоянии, и в руках сибирских воевод находилась вся полнота власти. Атрибутами государственной власти на местах являлись территориальные (городские) печати, которые вместе с городскими ключами, денежными средствами, инструкциями, бумагой, пушками и нарядом служилых людей шли в наказах сибирских воевод [АИ, т. V, № 66]. Наказами воеводы снабжались при отправлении на воеводство, наказами в сибирских городах определялись их обязанности. Об общем характере этих

обязанностей можно судить по «Наказным статьям Нерчинским Воеводам» под названием: «Об управлении земскими и военными делами» от 18 февраля 1696 г., в которых, наряду с десятками всевозможных поручений о необходимой обороне города, съестных припасах, денежных книгах и жаловании служилым людям и т. д., первым пунктом было указано: по приезду в Нерчинск, принять у прежнего воеводы «Государевой печати и казны» [ПСЗ-1, т. III, № 1542].

По мнению Н.Ф. Демидовой, под территориальными печатями подразумеваются, в частности, для XVIII в. – печати губернских, провинциальных, воеводских и других канцелярий. Печати остальных городских учреждений, например, таможен, полицмейстерских контор, как правило, в это понятие не включаются [Демидова, 1966, с. 518]. На наш взгляд, в XVII столетии понятия городская печать и таможенная печать – тождественны. В «Наказе таможенному голове г. Верхотурья: о сборе таможенных пошлин и питейных доходов от 11 июля 1692 г.» дано «Приложение таможенных печатей сибирских городов» («Роспись») [ПСЗ-1, т. III, № 1443], сравнительный анализ которого показывает, что таможенные печати – эквивалент сибирских государственных территориальных печатей. Следующая «Роспись», датируемая 1698 – 1701 г. и идентичная предыдущей, также названа «Список сибирских городов таможенные печати». Примером может служить и печать Якутского острога, которая в XVII в. выполняла функции таможенной печати. Из опубликованных источников становится ясно, что «Воеводский наказ о должности Якутского таможенного и Заставного головы» от 30 июля 1685 г. свидетельствует: «на перемену таможенного голове Петру Любашкову, и принять у него Петра Великих Государей Царей ... печать таможенную Якутского острогу. Из Якутского областного правления» [АИ, т. V, № 124].

Более того, эмблемы сибирских таможенных печатей в дальнейшем явились символикой ряда будущих гербов сибирских городов. Присутствие на таможенных печатях изображения региональных символов на известных

источниках было особенностью сибирских городов. Таможенные печати русских городов центральной части страны не имели изображения. На сохранившихся оттисках таможенных печатей Нижнего Новгорода и Соликамска, по данным исследователей, имеются лишь надписи [Каменцева, Устюгов, 1963, с.143]. «Приложение» было дано верхотурской таможне для сверки образцов печатей сибирских городов, что говорит о печатании «государевыми сибирскими печатями» не только грамот, но и вывозимого из Сибири пушного сырья.

К печатям воеводам наказывалось относиться строго и ответственно и прикладывать их при свидетелях. «Приказные печати хранить воеводам в Приказной палате за своею печатью и прикладывать ко всяким делам и отпускам в той же Палате при Товарищах и Дьяках, а на дом не брать» [ПСЗ-1, т. III, № 1559]. Следующий источник – наказ тарскому воеводе стольнику М.Д. Тургеневу, данный 29 июля 1693 г., указывает: «печать воеводы держать в съезжей избе» [ПСЗ-1, т. III, № 1670]. То же – «А Великого Государя печать Нерчинского острогу, и сие стати держать ему Воеводе в Приказной избе за своею печатью» [ПСЗ-1, т. IV, № 1822].

Обычно печати хранились в специальном деревянном ящичке, оклеенном атласом или бархатом. Некоторые администраторы носили их на шее в «мошне» – специально сшитом сафьяновом мешочке на шнурке.

Однако в Нерчинске в 1704 г. документально зарегистрирован факт кражи государевой таможенной печати «Сибирския земли Даурских остроговъ».

Таможенная печать была важнейшим атрибутом, удостоверяющим уплату таможенной пошлины, законность покупки товара или другие торгово-денежные операции. Поэтому власти Нерчинска, попав в сложное положение из-за неимения вновь вырезанной печати, заверяли грамоты имеющейся у них печатью Албазинского острога, переданной в Нерчинск после гибели Албазина. Текст одного из источников: «...По указу Великого Государя отпущен из Нерчинска из таможни, мимо Удинска за Байкал море и

Ыркутской и Енисейской до Тобольска и к Русе лалетинский торговый человек Федор Прохоров сын Пустохин, и с ним опущено китайского товару. В сей проезжей выписи Великого государя печать Албазинскую нерчинский таможенный Голова Василий Попов приложил. Для того Нерчинскую таможенную печать с казенной коробью в прошлом 1704 году из таможни неведомые воры покрали» [ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 129 об.]. В 1705 г. взамен украденной была изготовлена новая печать, которая заверяет документы Нерчинского воеводства, но круговая вырезка была изменена: «К сей отписи Великого государя [полное] печать "Земли Сибирския Даурских острогов города Нерчинска" стольник и воевода Петр Саввич Мусин-Пушкин приложил» [ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.].

Первые правительственные акты по созданию сибирских городских печатей появились в годы царствования[1] Михаила Федоровича. Из выявленных источников примером может служить «Окружная грамота государя царя Михаила Федоровича от ... февраля 1625 г. в Туринский острог, воеводе Ивану Баклановскому, известительная: о сделании новой государственной печати с отменою против прежней и о будущем печатании оною, с 25 марта царских грамот, наказов и подорожних» [Собрание государственных грамот, 1822, с. 274 – 275].

Основная же масса территориальных печатей Сибири была создана во второй четверти XVII в., когда были построены главные города-остроги и из сибирского региона начался интенсивный вывоз пушнины. Бабинова дорога, идущая через Верхотурье, была объявлена единственным официальным путем в Сибирь (остальные были перекрыты завалами и строго контролировались).

Здесь скрещивались дороги в северные пушные и южные хлебородные районы Сибири [Кочедамов, 1978, с. 92].

Для упорядочивания вывоза, таможенных сборов и пресечения разграбления стратегического сырья в Верхотурском остроге, основанном в

1598 г., была создана заставная таможня, играющая роль важного транзитного пункта на пути из Сибири в Европейскую Россию.

По этому вопросу Верхотурскому воеводе Ивану Калмынину была препровождена царская грамота от 22 января 1659 г: «об учреждении заставы на новой Верхотурской дороге»: для осмотра товаров и мягкой рухляди у проезжих из русских и сибирских городов» [АИ, т. IV, № 139]. В то же время функции таможней заставы Верхотурье начало исполнять значительно ранее. В середине XVIII в. таможня в Верхотурье была отменена, после 1761 г. город теряет свое значение [История Сибири, т. 2, с. 255].

На протяжении более чем столетия работу таможенных голов, целовальников и других служащих Верхотурской таможни определяли правительственные акты, в большинстве которых присутствовали указания относительно печатей сибирских городов, которыми клеймилась вывозимая из Сибири мягкая рухлядь. Из выявленных источников первым примером может служить «Царская грамота Верхотурскому воеводе Стрешневу 1646 г.: о запрещении сибирским воеводам ведать торговых и промышленных людей в проездах и пошлинах, мимо таможенных голов и целовальников и о печатании указн. печатью мягкой рухляди сибирской в казну с ясачных» [АИ, т. IV, № 7]. В декабре 1678 г. следовал Воеводский наказ таможенному и заставному голове Никите Маслову, устанавливающий строгий контроль за сибирскими воеводами и администраторами ниже рангом «О непропуске по проезжим грамотам из Сибирских городов, запечатанных казенной печатью мягкой рухляди, которая окажется у едущих из Сибири воевод, дьяков и письменных голов ...» [АИ, т. V, с. 43 – 46]. Со сменой верхотурских воевод следовали новые правительственные акты: подобный указ или грамота [ДАИ, т. VIII, с. 256 – 257; АИ, т. V, с. 9; ПСЗ-1, т. III, № 1444].

Среди них характерен именной указ «О клеймении товаров в Сибири и об отобрании неклейменных в казну» от 20 декабря 1698 г. [ПСЗ-1, т. III, № 1659].

Для ознакомления верхотурских таможенников с печатями сибирских городов были созданы четыре специальные «Росписи», три из которых датированы официально. Это «1656 г. или позже», «1692 г.» и «1698 – 1701». Они одновременно являются как актовым материалом, так и основным опубликованным и неопубликованным источником описаний изображений печатей и их вырезок (надписей) по окружности. Поэтому прежде чем приступить в дальнейшем к характеристике сибирского сфрагистического материала следует охарактеризовать правительственные акты в виде «Росписей» печатей и обратить, ввиду некоторого несоответствия, пристальное внимание на их датировки.

Взяв за основу хронологический принцип, укажем первый из опубликованных источников «Роспись Государевым Царевым и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца, печатем, какова в котором городе или остроге, и что на которой печати вырезано» [АИ, т. IV, № 104; Арсеньев, 1908, прилож., с. 297 – 298; Соболева, 1981, с. 204]. В источнике «Роспись» датируется 1656 г. «или позже», она включает сведения о 18 сибирских городах Тобольского и Томского разрядов, которые были построены и функционировали к этому времени. Из восточносибирских городов в документ включены описания печатей городов Томского разряда – Енисейска, Красноярска, Мангазеи, Ленского (Якутского) острога и Ленской таможенной печати.

Следующая «Роспись Государевым Царевым и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руссии Сибирским Печатем, Какова в которых Городех и Острогах и в которой Печати что вырезано и подписано. В лето 3РМГ году» помещена в рукописной «Служебной чертежной книги» С.У. Ремезова [2] 1702 – 1730 гг. [РНБ, Эрм. № 237]. В рукописи даны сведения о 20 сибирских территориальных печатях, 16 из которых в том же порядке идентичны предыдущей «Росписи». В конце документа помещены описания печатей новых городов – Якутска, Иркутска, Илимска, измененного описания ленской печати и впервые данного изображения (без описания) печати

нерчинской. Все это говорит о том, что данная «Роспись» имеет иную (более позднюю) датировку, чем это указано в рукописи С.У. Ремезова.

Однако таблицы «Территориальных эмблем XVII в. сибирских городов и острогов» и «Территориальных эмблем, фигурирующих в качестве старых городских гербов», составленные Н.А. Соболевой, датируют данную «Роспись» по Ремезову: «В лето 3РМГ году», то есть 1635 годом. [Соболева, 1981, с. 204] и [Соболева, 1985, с. 135]. Безусловно, историк совершенно точно расшифровала скоропись и цифровое значение букв кириллицы, но фактологически дата описания печатей по «Росписи» 1635 г. не соответствует времени возникновения и существования острогов и городов Восточной Сибири: Нерчинска (1653 г.) и Иркутска (1661 г).

Возражение указанной С.У Ремезовым и повторенной Н.А. Соболевой дате вызывает и отнесение к этому же времени существование печатей Якутского и Илимского острогов. Якутский острог как административный центр полноправно заявил о себе только в 1642 г., когда был перенесен на другой берег Лены [Кочедамов, 1978, с. 123]. Илимск возник как зимовье в 1630 г. и только в 1649 г., стал центром самостоятельного воеводства [ИА, 1890, с. 100].

В статье Д.Я. Резуна «К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в.» [1977, с. 19] приведена терминология сибирских городов по источникам XVII в.: «Книги Большого чертежа», «Есиповской летописи», «Путешествия» Н.Г. Спафария и др. Главным в данном случае является сравнительная характеристика «Росписи сибирским городам и острогам» (1636 г.), в которой Илимск, Иркутск, Нерчинск и Якутск не обозначены в 1636 г. ни как остроги, ни тем более как города.

Термин острог данного периода в таблице применим лишь к Енисейску и Красноярску. Другими словами, несмотря на то, что русские землепроходцы проникали в пределы Байкала и Забайкалья в конце 1620-х гг., к середине 1630-х гг. вообще не существовавшие восточносибирские

города или остроги не могли, в силу исторической логики, иметь свою государственную печать.

Возможно, что неточность вкралась в начертание букв самого исторического документа при более поздней его расшифровке и палеографической сложности без учета особенностей скорописи? К примеру, должная буква Покой (П) могла быть случайно заменена на Мыслите (М). Тогда, употребив надстрочные и подстрочные знаки кириллицы (титлу), реальной и подходящей для всех городов датой «Росписи» возможно считать 1675 г. Однако это противоречит самому заголовку документа, в котором указано, что данные сибирские печати были созданы во времена правления родоначальника династии Романовых Михаила Федоровича, которые приходятся на 1613 – 1645 гг.

Знакомство с рукописью С.У Ремезова de visy в собрании Эрмитажа РНБ позволяет сделать вывод: что более поздние описания печатей восточносибирских городов были ошибочно включены в «Роспись» 1635 г. самим С.У. Ремезовым или его сыновьями и помощниками при создании им рукописи «Служебной чертежной книги» в период первой четверти XVIII в. Возможно, прочитав начертание скорописи как 1635 г., помощники Ремезова определили время соответственно царствованию Михаила Федоровича.

При этом выявляется некоторое несоответствие описаний изображений печатей и их рисунков, скопированных «командой» Ремезова. Так, описание печати Илимского острога дает изображение, в котором главным символом указана выдра, на рисунке же изображен соболь, т.е. образ из последующей более поздней «Росписи». Здесь же без описания дано изображение печати Сибирского Приказа, сделаны наметки по прорисовке печати г. Селенгинска (описание которой также отсутствует в «Росписи»), дан без описания рисунок печати Нерчинска, а рисунок печати Иркутска не соответствует его описанию. Кроме того, «Роспись» оставляет впечатление незаконченного источника.

Так, из 20 описей печатей Ремезовым скопировано только 15 изображений. Для остальных (Тюменьск, Березовск, Пелымск, Тарск, Нарымск) сделаны только заготовки рисунков [3].

В то же время историческое значение «Росписи», данной С.У. Ремезовым, неоценимо. Помещенные в ней рисунки – редчайшие и неопубликованные до сего времени изображения аверсов первых прикладных печатей Иркутска, Якутска, Илимска и Нерчинска, а также ряда городов Западной Сибири. При внимательно изучении «Росписи» становится ясно, что рисунки печатей в отличие от самого текста были включены в «Служебную чертежную книгу» после 1710 г., на что указывает помещение в ней рисунка печати Сибирской губернии, на которой стоит именно эта дата – 1710 г.

Следующий документ «Роспись сибирским печатям, какова в котором городе и в остроге и что на которой печати вырезано» опубликован в «Приложении к Наказу таможенному голове г. Верхотурья»: «О сборе таможенных пошлин и питейных доходов»» и имеет конкретную датировку – 11 июля 1692 г.: « ... а у торговых и у промышленных людей, которые пойдут из Сибири ж, и придут на заставу, и у них взяти проезжие грамоты, по которым они из сибирских городов где кто торговал отпущены будут, да и по тем грамотам мягкие их рухляди пересматривать на лицо и Государевых сибирских печатей у той мягкой рухляди досматривать накрепко. ... И печатать те всякие товары и мягкую рухлядь у торговых и промышленных людей велено Великих Государей таможенными печатьми, чтоб однолично никто не своровал промыслом» [ПСЗ-1, т. III, № 1443].

Другими словами, составление «Росписи» печатей сибирских городов 1692 г. было также продиктовано таможенными интересами государства на предмет законного вывоза из Сибири «мягкого золота» страны и сбора пошлин.

Всего в «Росписи» зарегистрировано 20 печатей. В.К. Андриевич сообщает, что «Для посвидетельствования разного рода актов, в 1692 году

установлены для всех сибирских городов, взамен прежних, новыя печати...» [1889, с. 8].

Однако сравнительная характеристика описаний говорит не о новых печатях «взамен прежних», а о повторении их описаний в двух предыдущих «Росписях». Отличие заключается лишь в небольших стилистических поправках соответственно реалиям более поздней эпохи. Исключение здесь составляют: а). Изъятие из списка 1692 г. печати г. Иркутска. б). Впервые опубликованное здесь описание печати «Даурской, Нерчинской» – главный аргумент в пользу того, что «Роспись» по Ремезову была создана раньше 1692 г. Именно в 1690 г. была установлена Нерчинская администрация и образован Нерчинский уезд, Нерчинский острог получает статус города и государственную прикладную печать.

Итак, самым первым по времени источником сведений о территориальных восточносибирских печатях можно считать «Роспись» 1656 г., но ряд населенных пунктов имел территориальные печати значительно раньше имевших в своем регионе широкое обращение. Встает вопрос: какая же из последовавших затем «Росписей» хронологически первична?

Вывод напрашивается в двух вариантах. 1. «Роспись» по Ремезову и «Роспись», датированная 1692 г., о которой пойдет речь далее, – один и тот же документ. Они практически идентичны за указанным небольшим исключением. 2. «Роспись» по Ремезову была создана немногим ранее, чем 1692 г., на что указывает ряд приведенных выше факторов.

Необходимо также назвать еще один документ архива – «Список Великого Государя сибирским печатям, какова в котором городе или остроге и что на которой печати вырезано» [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д, 223 / 384]. «Список» датирован 1698 – 1701 гг. и полностью идентичен «Росписи» 1692 г.

Подводя итог, можно говорить о том, что территориальные «Государевы сибирские печати» первично служили предметом правовой сферы таможенных органов и только вторично явились свидетельством

правовой сферы основного звена местного управления, многообразными знаками, удостоверяющими подлинность документов и придающих ему юридическую силу.

Усиление централизованной власти, возникновение новых административных и силовых учреждений быстрыми темпами ведет к возникновению соответствующих печатей. Учреждения часто по собственной инициативе изготовляли печати с региональными эмблемами или государственным гербом, который был введен Генеральным регламентом Государственной коллегии 1720 г.: «О печати. Какие печати иметь в Сенате и в Коллегиях». Регламент предусматривал: «В прочих коллегиях сделать особливая ж печати с изображением Его Царского Величества герба, и с надписанием звания каждой коллегии, а ежели кто дерзнет оной печатью какие подлоги чинить, таковаго, не смотря на лицо штрафовать яко неверного слугу, а по состоянию важного дела и живота лишен быть иметь» [ПСЗ-1, т. VI, № 3534]. В начале же 1720-х гг. было «распубликовано» два акта о подделке печатей: «Наказание за делание фальшивых печатей» [ПСЗ-1, т. V, № 3006] и «Наказание за подделку печатей» [ПСЗ-1, т. VI, № 3485]. В 1722 г. по западному образцу, когда реформировался весь уклад русской жизни, основывается Герольдмейстерская контора [Лукомский, Типольт, 1917, с. 9]. Она была призвана заниматься вопросами территориального гербоведения. Для Восточной Сибири разработка геральдических эмблем русских городов XVIII в. велась также централизованным порядком и была сосредоточена в Герольмейстерской конторе Сената. Большинство выявленных источников XVIII в. ГАЧО заверено государственными гербовыми печатями с надписью по окружности, указывающими на принадлежность печати местному учреждению.

5 ноября 1723 г. Петр I издает указ об изготовлении печатей для местных судебных учреждений, а 10 августа 1724 г. он был «распубликован»: «О сделании во всех присутственных местах для запечатывания ссудных дел,

печатей». «Правительствующий Сенат приказали: по требовании Юстиц-коллегии и полицмейстерской канцелярии по силе Его Императорского Величества указу ноября 5 числа 1723 г. о форме суда для запечатывания судных дел, как в полицмейстерских канцеляриях, так и в надворных судах и во всех судебных местах сделать печати, а именно: в губерниях и провинциях и в городах, которые имеют герб, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской конторе, и с оных отослать те рисунки для розсылки во все судебные места в юстиц-коллегию; и для того всей Российской Империи прежним гербам рисунки взять в ту Герольдмейстерскую контору из Ин. Коллегии [ПСЗ-1, т. VII, № 4359].

С этого момента проблема государственных печатей становится частью вопроса о развитии русской территориальной символики. Из последующих выявлен акт: «Во всех присутственных местах сделать для запечатания по силе указа 1725 г. ноября 5 судных дел печати с изображением герба того города» [ПСЗ-1, т. VII, № 4552]. Таким образом, на 1720-е гг. падает массовое изготовление городских печатей с изображением государственного российского герба и надписью соответствующего регионального учреждения или административно-территориальной единицы.

Кроме характеристики территории, государственная печать на вырезке содержала титул императора или императрицы, каждый из которых при восшествии на престол издавал указ о собственной печати: «О сделании новой Государственной печати с подписанием Императорского титула» [ПСЗ-1, т. VI, № 3864], «О сделании печатей с титулом Императрицы Екатерины I» [ПСЗ-1, т. VII, № 4657], «О переделании печатей Присутственных мест с титулом Императрицы Елисаветы Петровны» [ПСЗ-1, т. XI, № 8474]. Пример: «Печать Ея Императорского величества Нерчинской конторы» [ГАЧО. Ф 31. Оп.1. Д. 228. Л. 272 об.].

2.2. Сфрагистический материал Нерчинского воеводства (1655 – 1783)

Первым и до конца XVIII в. и единственным городом Восточного Забайкалья был Нерчинск [Артемьев, 1999, с. 46]. Первым официальным воеводой был назначен А.Ф. Пашков (с 1658 по май 1662 г.) [Константинова, Халецкий, 2003, с. 10]. При общем усилении системы воеводского управления, в наказах воеводам сибирских городов предписывалось всякие дела согласовывать с тобольским воеводой, который, в свою очередь, должен был сообщать о них в Москву. «Что касается субординации города, то вначале первый острог подчинялся, так как имел представленного из Москвы воеводу, до 1661г. непосредственно Сибирскому приказу в Москве. С этого года приказчиками здесь были тобольские дети боярские, которые до 1677 г. рапортовали частично в Сибирский приказ и частично в Тобольск» [Миллер, 1990, с. 176 – 177].

С 1677 г., когда Енисейск получил статус «провинциального города над всеми иркутскими, селенгинскими и нерчинскими землями», Нерчинск подчинен Енисейску. С 1689 г. город вновь подчиняется Сибирскому приказу. С образованием Сибирской губернии (1709 – 1710 гг.) – непосредственно сибирскому губернатору, а с 1722 г. – Иркутской провинциальной канцелярии [Там же].

В Нерчинском воеводстве активное использование печатей начинается с конца XVII и первой четверти XVIII вв. Основными тенденциями в управлении страной в это время были централизация и усиление царской власти на местах. Для каждого сибирского города к этому времени устанавливается имеющая юридическую силу печать с определенной эмблематикой.

В частности, для Нерчинского воеводства был установлен геральдический символ, имеющий несколько вариаций в виде одноглавого летящего орла, держащего лук тетивою вниз, с надписью по окружности: «печать Государева Сибирские земли Даурских острогов» [ПСЗ-1, т. III, № 1443]. Несколько сургучных печатей с подобными изображением и

надписями по окружности заверяют документы Нерчинского воеводства. Впервые эти сфрагистические материалы были описаны в монографии «Летящий из глубины веков» [Куренная, 1997, с. 7 – 9]. В большинстве своем они относятся к середине и второй половине XVIII в., скрепляют листы приходных и расходных провиантских книг Нерчинского воеводства и другие документы региона (Прилож., табл. 1.7.).

Для Иркутска в 1694 г. были установлены печати, изображающие бабра, несущего в зубах соболя (Прилож., табл. 1.8). После установления Иркутского наместничества в 1782 г. печать с наместническим иркутским гербом стала региональной территориальной эмблемой, распространившей на все населенные пункты наместничества от берегов Байкала до Тихого океана. Печати с бабром заверяют документы Нерчинского воеводства и Нерчинской области, в основном, – переписки иркутской и нерчинских канцелярий. Местные учреждения Восточного Забайкалья также соподчиненно использовали на печатях иркутский территориальный символ.

Среди источников выявлен указ Екатерины I «О сделании гербовой печати в Нерчинской и Иркутской провинции, для прикладывания к выдаваемым купечеству из Таможен и из Ратуш паспортам» от 29 марта 1728 г. В указе сообщается: «Для запечатывания листов, которые даются Российским купецким людям и посылаемым о проезде в Мунгалы и в другие места Китайского владения, сделать небольшие печати, одну в Селенгинске, а другую в Нерчинске, на стали или на серебре, как за благо он граф [4] разсудит, с гербом Российским, а вокруг надпись такую: Его Императорского Величества печать Иркутской провинции, а Нерчинской печати, Нерчинской провинции; и смотреть, чтоб рисунок герба и резьба была добротного мастерства, и быть тем печатям в ведомстве у воевод. И кому из купечества дадутся из Таможен или Ратуш о проезде пашпорты: те запечатывать оными печатьми, записывая в книгу так как здесь в печатных Конторах посылаемые указы печатают, без всякой волокиты и озлобления» [ПСЗ-1, т. VIII, № 5254].

Гербовой печатью с двуглавым орлом заверена значительная часть источников различных ведомств Нерчинской воеводской канцелярии середины XVIII столетия: «Печать читинского острога» 1744 г. на «Доношении в Ыркутскую воеводскую канцелярию из Читинской приказной избы [ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 626 об.]; «Печать городнищенской приказной избы» 1754 г. [Там же. Л. 592 об.]; «Печать ундинской приказной избы» [Там же. Л. 176 об.]; «Печать мангутского караула» [Там же. Л 231 об.] и др. Идентичная печать сопровождает документ: «Промемория из Нерчинского горного начальства в Нерчинскую воеводскую канцелярию» [Там же. Л. 632 об.].

В большинстве сибирских канцелярий XVII в. (приказные избы и т.д.) для удостоверения актов широко практиковалось употребление личных печатей воевод. На письменных источниках Нерчинского воеводства в большинстве случаев присутствует материал персонифицированной сфрагистики этого периода.

Так, личная печать заверяет «Наказную память нерчинского воеводы Д.Д. Аршинского нерчинским служилым людям И. Милованову с товарищами о поездке в Цинскую империю» (подлинник хранится в РГА), в которой указано, что «К сей наказной памяти по указу великого государя царя и великого князя // Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые Росии самодержца, воевода Данило Данилович Аршинский [5] печать свою приложил» [РКО-1, 1969, с. 271]. «Даниловою печатью Аршинского» были заверены наказы, отписки, донесения и другие документы. В «Наказной памяти нерчинскому сыну боярскому И. Милованову с товарищи, данной из Нерчинской приказной избы о поездке в пограничные города Цинской империи для предупреждения о посольстве Н.Г. Спафария» указано, что «К сей наказной памяти по указу великих государей царей и великого князя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, Павел Яковлевич Шульгин [6] печать свою и руку приложил» [РКО-1, 1969, с. 483].

В фондах РГАДА выявлено изображение личной печати первого администратора Нерчинского воеводства А.Ф. Пашкова. Хронологически печать относится к более раннему периоду воеводства Пашкова в Енисейском остроге, т.е. до его прибытия в Даурию на государственную службу, в которой Пашков пробыл с 1657 по 1662 гг.

Печать воеводы черновосковая, малых размеров (d = 15 мм), матрица перстневая, в центре овала изображен идущий в правую геральдическую сторону лебедь (Прилож., табл. 3). Печатью Пашкова заверены грамоты:

«Данная Осипу Семенову на владение двором с землею, доставшейся ему по закладной кабале от Богдана Борщева по Двинскому уезду за № 335» от 1645 г. [Сб. снимков, 1858, табл. XIV, № 163].

«Данная старцу Енисейского Спасского монастыря Пафнутию с братией на пашенные земли и сенные покосы по реке Усолки и озере» [РГАДА. Ф. 281. Д. 4558].

«Данная Боярскому сыну Василию Колесникову на владения пашенной земли и сенными покосами» от ... 1654 г. [Там же. Ф. 281. Д. 4559].

Видному государственному деятелю России конца XVII – XVIII вв., соратнику Петра I, «первому министру» Ф.А. Головину, посланному в 1688 г. в Дауры для урегулирования русско-китайских отношений, в Нерчинском воеводстве была дана не только дипломатическая, но и административная власть [7]. Текст русского, маньчжурского и латинского экземпляров Нерчинского трактата (договора), заключенного 27 августа 1689 г. в полуверсте от Нерчинска, скреплен печатями соответствующих сторон. Данные «Комментария к статейному списку Ф.А. Головина» в РКО-1, приведенные В.С. Мясниковым, указывают, что на русском и латинском текстах имеются печати Ф.А. Головина и нерчинского воеводы И.Е. Власова [8]: «52. Приложение печатей и клятва: После того как договор был подписан, послы приложили свои печати в том же порядке, что и подписывали». Оттиски, приложенные к латинскому тексту договора, хранятся в Архиве внешней политики России (Ф. Трактаты, д. № 220). К сожалению, «Оттиск печати И.Е. Власова на договоре почти не сохранился. Не удалось обнаружить ее оттисков и на других документах» [РКО-2, 1972, с. 645 – 659, 726, с. 793].

Печать Ф.А. Головина известна в нескольких вариантах. По данным «Комментария», во время действий посольства Головин употреблял овальную перстневую печать с изображением, являвшимся, по-видимому, гербом рода Головиных [РГАДА. Ф. Сношения России с Китаем, 1685 г., д. 2, ч. 2, л. 316 об.]. На ее оттиске, находящемся на одной из отписок Головина, всю поверхность печати занимает фигура идущего на задних лапах льва, обращенного вправо и держащего в правой поднятой лапе древко знамени, полотно которого складками ниспадает на спину льва. Однако к Нерчинскому договору приложена другая печать – круглой формы (d = 37 мм). На печати также изображена фигура льва, обращенная вправо, но уже

идущего на четырех лапах. В правой лапе лев держит поднятый вертикально вверх меч. Над львом изображена корона. По краю печати круговая надпись: «Окольничей и наместник Федор Алексеевич Головин» [РКО-2, 1972, с. 793]. Необходимо дополнить, что фигура льва является составной (1/5 частью) герба «графов и дворян» Головиных, ведущих свою родословную от византийских аристократов, занимавших престол империи и составлявших «во все три первые века московского государства высшую аристократию». Лев на гербе графов Головиных изображен во второй (правой верхней части): «в красном поле поставлен золотой коронованный лев с саблею, вверх поднятою». Щитодержатели герба «звери: коронованный лев с мечом и соболь со стрелою» [История родов, 1991, с. 87 – 88] [9].

В фондах РГАДА найдены сведения о том, что, будучи в Нерчинском воеводстве, Ф.А. Головин употреблял еще одну свою перстневую печать, имеющую необычный рисунок. На овальном аверсе печати (d = 15 x 20 мм) изображена мужская голова с характерным римским профилем, обращенным в правую геральдическую сторону. Голова находится на спине согнутой фигуры другого человека лицом вниз (Прилож, табл. 3). Печать окольничего и воеводы Ф.А. Головина заверяет грамоту 1688 г. «Данную игумену Селенгинского Троицкого монастыря Феодосию с братией, на поступную отставного селенгинского казака Филипа Чернаго деревню Темлю, со всем хоромным строением и угодьями по Селенгинскому уезду за № 4» [Сб. снимков, 1858, табл. XVIII, № 286]. По всей вероятности, символика этой личной печати Головина характеризует его как человека гордящегося своей классической родословной.

В России в течение последующего времени велась интенсивная работа по созданию дворянских гербов, ее пик приходится на XVIII в. Персонифицированные печати администраторов управленческих учреждений Восточной Сибири дворянского происхождения, наряду с гербовыми и территориальными печатями, по-прежнему широко использовались в течение всего столетия. Один из документов – «Донесение в Нерчинское горное

правление» заверен личной подписью и печатью начальника Нерчинских заводов (с 1787 г.) Егора Егоровича Барбота де Марни, создателя Нерчинской горной экспедиции [ГАЧО. Ф. 282 Оп. 1. Д. 63. Л. 741 об.]. Француз по происхождению, де Марни также имел на печати свой фамильный герб, на котором в качестве щитодержателей изображены львы с повернутыми назад головами.

Среди примеров можно назвать сургучный оттиск печати с монограммой и личным гербом (изображение знамен, клинка и древней царской короны) балаганского частного комиссара Бейтона – потомка уже упоминавшегося русского полковника и картографа А.И. Бейтона, возглавившего героическую оборону Албазина 1687 – 1688 гг. Печать малых размеров (d = 20 мм) помещена на рапорте Бейтона в Иркутское губернское правление о получении указа Его императорского Величества о кавказских переселенцах от 3 января 1805 г.
[Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 331 об. – 332 об.]. В других фондах была обнаружена печать, принадлежавшая Бейтону предположительно. Судя по слегка продолговатому виду, печать представляет изящную матрицу-перстень. На это указывают чрезвычайно ровный двойной овал оттиска и его очень малые размеры (d = 13 мм). Обычно оправа таких перстневых печатей делалась из драгоценного металла, а в нее вставлялся камень-матрица.

Выявлен сургучный оттиск прикладной печати с монограммой «РР» в центре и личным гербом обер-коменданта Нерчинской области, полковника П.П. Панкратьева на «Указе Е.И.В. самодержца всероссийского Государя Павла Петровича о ввозе рекрутского провианта» от 6 янв. 1797 г. [ГАЧО, Ф. 31. Оп. 1. Д. 359. Л. 283] и других источниках. Характерен мастерски выполненный рисунок печати, детальная прорисовка рельефа на гербе рода Панкратьевых: вверху – корона и мантия, справа (геральдическая сторона) стоящий на задних лапах лев, слева – орел впрямь, расправивший крылья, снизу пушка (Прилож., табл.3).

Кроме того, на документах встречаются печати должностных лиц значительно ниже рангом. Так, «Промемория в Нерчинское уездное казначейство из Цурухайтовской пограничной дистанции» заверена печатью капитана Данилова [ГАЧО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 354 об.]. На оттиске в центре солнечного диска –монограмма «Д», вверху правой геральдической стороны характерный в европейской геральдике рисунок – облако и выдвинутая из него рука со шпагой. Возможно, этот знак указывает на то, что его владелец родом из вологодской земли, поскольку представляет – элемент герба города Вологды, на котором изображена выдвигающаяся из облака рука со шпагой и державой.

Часто на рапортах, доношениях и других документах конца XVIII в. встречается печать прапорщика Рика [Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 303. Л. 258].

Личные печати имели и духовные особы православных объектов. Так «Рапорт и донесение в Нерчинское духовное правление о получении указа о крещении иноверцев» заверен «Печатью Дмитрия Малышева Дучарской церкви Благовещенской священника» [Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 66, Л. 173]. В этом же деле выявлена печать священника Богородской церкви Урульгинского княжева села Елизара Пляскина [Там же. Л. 219]. На оттиске под царской короной изображена монограмма владельца печати.

Четыре не атрибутированные печати-матрицы имеются в небольшом коллекционном собрании печатей-матриц Нерчинско-Заводского краеведческого музея (филиал ЧОКМ). Три из них имеют латинские монограммы. Их дешифровка затруднена, в том числе и плохой сохранностью матриц.

Забайкальская сфрагистика является ярким выражением региональной воинской символики. Гербы воинских подразделений являлись творчеством военного ведомства и как геральдические символы были использованы на соответствующих печатях. Гербами регулярных воинских батальонов, организация которых была введена Петром I, занимался Департамент Герольдии.

Первоначально батальон состоял из четырех однотипных рот, но после восшествия на престол Екатерины II и последующей реформы 1762 г. была принята шести ротная организация (5 пехотных и 1 гренадерская рота). Сенатом активизируется деятельность по утверждению символики батальонов, в том числе и Нерчинского воеводства.

Превосходно сохранившийся на сургучном оттиске герб Селенгинского батальона (d = 40 мм) представляет собой стоящего в центре круга оленя со стрелой в спине. Фоном служит небо и облака (Табл. 1.6.; 5). «Печатью Селенгинского пехотного полка» заверен один из интересных бытовых документов, датируемый ноябрем 1769 г. Это «сей паспорт...», «выданный жене мушкетера десятой роты Селенгинского полка Аксентия Гурьева – Акулине, которая отпущена для свободного жилья в г. Казани и прочих великих городах, где она жить пожелает...» [ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 109. Л. 503].

Селенгинский острог, построенный в 1666 г., получил звание города раньше других забайкальских острогов (1685 г.). [Резун, Васильевский, 1989, с. 232]. Самое значительное в нем событие XVII в. – бунт 1696 г., когда казаки Селенгинска заключили «войсковой договор» с Верхнеудинским, Кабанским и Ильинским острогами, свергли местную администрацию и, выбрав органы своего казачьего управления, двинулись походом на Иркутск и осадили его. Вероятно, именно к этому времени и относится создание селенгинскими казаками своей символики, представляющей раненого оленя.

Возможно также, что символ был «срисован» с печати Войска Донского начала XVIII в., на которой изображен олень «с вонзенную в его спину стрелою».

Олень – древний образ в христианском символизме, победа над силами зла. «По уверению натуралистов, запахом своим прогоняет змею и потому служит эмблемою воина, перед которым бежит неприятель» [Лакиер, 1990, с. 41].

В данном случае раненый стрелой олень – непобежденная воля и сила духа казаков, среди которых бытовала пословица: «Раненый олень не гибнет, раненый казак – не сдается».

Печать, на которой изображен бегущий в левую геральдическую сторону олень со стрелой в спине и вырезкой по окружности: « [печать] его императорского величества города Иркуцка Селенгинского пригорода» (d = 35 мм) заверяет грамоты (Прилож., табл. 1.6; 5):

- «Указ из Селенгинской Воеводской канцелярии Архимандриту Селенгинского Троицкого монастыря Мисаилу с братией, на владение пахатною землею с сенными покосами по течению реки Селенги, по Селенгинскому уезду за № 12» от ... 1734 г. [Сб. снимков, 1858, , табл. XX, с. 34].
- «Указ монаху Посольского Преображенского монастыря Феоктисту об отдаче в его владения пахотной земли и сенных покосов, состоящих близ Кабанского острога» от 12 марта 1735 г. [РГАДА. Ф. 281. Д. 4957].

На грамоте же указано, что «к сему приложена города Селенгинска печать красного сургуча». Таким образом, изображение оленя со стрелой можно отнести к первому геральдическому символу города Селенгинска [10].

15 марта 1777 г. был «Высочайше утвержден доклад Сената» с приложением герба для знамени и барабанов Нерчинского батальона: «Щит разрезанный по полам горизонтальною чертою, верхняя часть золотая, по середине которой положена рудоискательная лоза, обращенная концами вниз, зеленого цвета, показующая производимые промыслы руд при сих заводах, так как златое поле, изъявляет богатство сих промыслов. Нижняя часть щита зеленого цвета, на которой видно три штуфа, положенные треугольником, концом вниз, два верхние из сих стуфов серебряные, а нижний золотой, изъявляющий тамошние серебряные и золотые промыслы, а поле цветом своим показует надежду и более богатства сими промыслами обрести» [ПСЗ-1, т. XX, № 14599]. Изображение [А.В. Константинов, Н.Н. Константинова, 2002, с. 160]. Описание герба предворяет обращение:

«Всемилостивейшая Государыня, Сенат просит на сие Всевысочайшего указа». К сожалению, печати с гербом Нерчинского батальона не выявлены.

В фондах ГАЧО выявлены образцы более поздней воинской символики: герб Забайкальского казачьего войска и Памятный нагрудный знак ЗКВ, созданные по инициативе и поручению Наказного атамана ЗКВ и Военного губернатора Забайкальской области А.И. Кияшко в 1913 –1914 г.г. [Т.А. Константинова, 2001, с. 152 – 153].

Но заострение внимание на этих образцах нарушает хронологический принцип данного параграфа, к тому же забайкальская воинская символика является объектом дальнейшего исследования.

Переходя к физической характеристики печатей Нерчинского воеводства, необходимо заметить, что здесь употреблялись уже более поздние – прикладные печати, которые получили широкое распространение с XV столетия. Матрицы печатей (форма вырезанного рисунка и надписи) обычно делались из свинца как более дешевого и мягкого материала, но часто из серебра и золоченого серебра.

О том, что матрицы печатей вырезались на серебре, свидетельствуют описание городской иркутской печати 1696 г.: «Великого государя царя ... самодержца печать в Иркутском серебреная» [ОИН, 1988, с. 63] и «Росписной список имущества и внутреннего убранства Нерчинской судебной канцелярии на 1 января 1737 года во время правления Нерчинским воеводством Г.Ф. Деревниным»: «В судейской канцелярии: в поставце ящик, а в ящике две печати серебряные города Нерчинска, третья печать серебряная ж, у печати на гоитане киска [11] серебрена» [ГАЧО. Ф. 10. Оп.1. Д. 28. Л. 166, 166 об.].

Поскольку матрицы изготавливались из драгоценного металла, нередко происходили их кражи с целью сбыта. Причина была еще в возможности использования украденных печатей в фальсификации документов.

В первой четверти XVIII в. матрицы изготавливают также из стали. Часто печать имела матрицу из камня (гемма) и обрамлялась в металл. К

изготовлению матриц привлекались талантливые мастера, поскольку здесь часто требовалась ювелирная работа по драгоценному или поделочному камню, серебру или другому металлу (в зависимости от значимости и назначения документа).

Для изготовления оттисков применяли воск, смешанный с краской (обычно черного, красного или желтого цвета). В некоторых источниках, наряду с другими сведениями о приложенной печати, есть указания на цвет воска.

Так, на памяти енисейского воеводы Яковлева нерчинскому воеводе Аршинскому о приеме отправленных в Нерчинский острог боевых снарядов, хлеба и вина в 1672 г. указано, что «внизу на лицевой стороне приложена небольшая черновосковая печать» [АИ, 1842, № 225].

В одном из актов Алексея Михайловича «Наказание за подделку казенной печати прикладываемой к жалованным грамотам в Печатном Приказе» указано, что Большая государственная печать приложена «на красном воске» [ПСЗ-1, т. I, ул. IV. 1. 2.]. Еще один выявленный документ правительства Петра I «О прикладывании Государевой печати» регламентирует прикладывать государственную печать «на хорошем и черненном воске, так, чтоб оная изображалась во всей полноте» [ПСЗ-1, т. IV, № 1906].

Но, как известно, воск – материал непрочный, и оттиски, сделанные на нем, разрушались очень быстро. К воску стали добавлять смолы, жиры или муку. Восковые печати с такими добавкам назывались воскомастичными и имели часто красный цвет, т. к. лучше всего в такой массе держались киноварь и сурик [Каменцева, Устюгов, 1963, с. 46].

Именно такими печатями был скреплен судьбоносный для России текст Нерчинского договора. «Оба оттиска воско-мастичные, красные, наложены непосредственно на бумагу, в результате чего на ней образовались большие жирные пятна» [РКО-2, 1972, с. 793].

Исследования оттисков печатей XVII – XVIII вв. в фондах РГАДА показывают, что основным цветом воскомастичных прикладных территориальных печатей этого времени является черный цвет. Наряду с этим часто сам документ указывает, что к нему приложена «печать красного воска», в результате чего можно сделать вывод, что красномастичные печати просто темнеют от времени.

С первой четверти XVIII вв. Нерчинском воеводстве в качестве материала для получения оттисков начали употребляться сургуч, получивший в последующем широкое распространение. Сургуч изготавливался целевым назначением, специально покупался воеводскими канцеляриями в лавках вместе с бумагой и другой канцелярской утварью. На обследованных фондах ГАЧО различных хронологических периодов зарегистрированы оттиски красных, коричневых и даже черных образцов сургучных печатей Нерчинской воеводской канцелярии.

На источниках довольно часто встречаются и оттиски так называемых «копченых» печатей. Такая печать получается в результате копчения на огне каменной или металлической матрицы. Оттиск представляет собой черный отпечаток на бумаге, а вырезанный рисунок или надпись остаются белого цвета. В XVIII в. и позднее «копченые» печати имели широкое применение в Восточной Сибири. Ими пользовались городские учреждения, волостные старшины, сельские и улусные старосты и другие частные лица. Известны также изображения копченых оттисков и с территориальными символами. «Печать города Доронинска уездного казначейства» 1786 г [ГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 1. Л. 186 об.] (Прилож., табл. 1.7.); «Печать Нерчинской области нижнего земского суда» [Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 303. Л.. 452 об.], на которых изображен один из видов летящего орла с луком тетивою вниз.

Интерес представляют также копченые печати забайкальских острогов. Так, «Печать государева Аргунского острогу» не имеет никаких символов, только надпись по центру овала [Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13].

Характерно, что копченые печати встречаются и в управлении самого Нерчинского горного округа, где делопроизводство было поставлено более основательно, чем в подчиненных учреждениях. Копченый оттиск с государственным гербом в центре и вырезкой по окружности «Печать Ея Императорского величества Нерчинской конторы» заверяет «Доношение в канцелярию Нерчинского горного начальства из Нерчинской горной конторы» [Там же. Ф. 31. Оп.1. Д. 228. Л. 272 – 272 об.].

Но в большинстве случаев копчеными печатями скрепляли свои документы, адресованные государственным властям, представители инородческих родов Восточной Сибири. На оттисках превосходно сохранились тотемные животные (белка, козел, волк), а также родовые тотемы в виде натянутого лука и приложенных к нему стрел в боевой готовности.

Эти изображения, а также копья или меча, по мысли Ю.В. Арсеньева, выражают вид службы или занятий соответствующего рода, а также вид оружия, которым пользовались предки.

Родовой тотемизм, имея по своей сути основу религиозного культа почитаемости первопредка, распространен по всему миру и представляет своего рода натурализм – обоготворение сил природы в более ограниченной форме, относящийся к отдельным ее явлениям. У народов Северной Азии, тюркского и монгольского происхождения, отличительные знаки рода выражены в тамгах [1908, с. 3]. Позже тамги сделались знаком и частных лиц, и соответствовали гербу или гербовой печати. В ряде документов тамги приложены вместо подписи.

Встречающиеся родовые тамги на документах Нерчинского воеводства:

- «Доношение в Сретенское уездное казначейство Сухановой новокрещенной слободы от ясашного старшины Федора Суханова». Печать копченая с надписью по окружности: «Печать старшины сухановой слободы», d = 30 мм.

Изображение: человек с луком, целящийся влево, в белку на дереве, в центре помещена дата – 1733 год [ГАЧО. Ф. 272. Оп. 1. Д.. 13. Л. 43].

- «Ведомости о хлебопашестве у эвенков. Списки ясашных эвенков. 1801 г.». Копченая печать с надписью «Печать Баягирского роду князца Ивана Васильева», d = 25 мм. Изображение лука и стрелы [ГАЧО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 14. Л. 274].
- «Рапорт из Иркутского земского суда в Иркутское губернское правление. 1804 г.». Печать копченая с надписью «Печать Хойгодского роду Тункинского ведомства», d = 30 мм. Изображение двух перекрещенных стрел и лука. [Там же. Ф. 29. Оп.1. Д. 1. Л. 135, 138 об.] (Прилож., табл. 2).

Тамги на основе источников ГАЧО представляют прекрасный исследовательский материал, но это тема также отдельного, более глубокого изучения. В настоящем исследовании тамги представляют интерес как образцы родовой собственности, в данном случае как эквивалент территориальной (к примеру – местность Адон-Чалон) сибирской символики прошлых столетий и как примеры копченых печатей Восточной Сибири.

Появление в дальнейшем в России каучуковых печатей и специальных к ним мастик в большинстве случаев сменило сургучные оттиски прикладных печатей канцелярий Иркутского губернаторства и подчиненных ему областей Восточной Сибири.

В первой четверти XVIII в. матрицы государственных печатей горных учреждений Забайкалья были изготовлены из стали. Об этом говорит факт их изготовления для Нерчинской горной экспедиции на источниках ГАЧО [Ф. 31.Оп. 1. Д. 333. Л. 33 –77].

В декабре 1799 г. из государственной берг-коллегии канцелярией Нерчинской горной экспедицией был получен Высочайший указ Правительствующего Сената от 26 августа этого же года о замене печатей горнозаводских учреждений, в котором сообщалось: «О получении указа отрапортовать; в здешний монетный департамент сообщить, дабы благоволил приказать сделать на монетном дворе по вновь, изданному,

рисунку стальных печатей, как для сей коллегии, канцелярии главного завода правления Нерчинской горной экспедиции, так равно и для всех горнозаводских контор». Это был указ, «распубликованный» по всей России «О изображении на печатях утвержденного Российского герба» [ПСЗ-1, т. XXV, № 19089]. «Ведомости об изготовлении печатей для Нерчинской горной экспедиции» включают переписку на 44-х страницах архивного дела, среди которых немалый интерес представляют рапорты об исполнении указа Нерчинской горной экспедицией и заводскими конторами: «потребное число приказать в здешней чертежной скопировать..., чтобы против положенного рисунка герба должно поставлены быть российские гербы вместо нынешних» [ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 333. Л. 33 –77].

Печати для Нерчинской горной экспедиции «берг-конторы и тамошних заводских контор по приложенному реестру» были заказаны и сделаны на Екатеринбургском монетном дворе: «с приложением сего рисунка о вновь изданном российском императорском гербе и чтоб оный во всех тех местах должно поставлен был, сообразно чему и изображение на печатях». Заказ и деньги на изготовление печатей (27 рублей) были посланы в Екатеринбург в 1800 г. из Нерчинского завода при отправлении в Санкт-Петербург каравана серебра, возглавляемого гитен-фервалтером Булгаковым.

В чем же была необходимость заменять гербовые печати государства в региональных горных учреждениях? Ответ находим в реалиях конца XVIII в., времени правления династии Романовых.

Известно, что Павел I все годы своего короткого царствования усиленно занимался установлением и упрочением порядка престолонаследия. Его характеризует и повышенное внимание к герботворчеству. В.К. Лукомский указывает: «С восшествием на престол Царствующего Рыцаря в истории русской геральдики начинается новая эра, рядом сенатских указов повсеместно предписано было о доставлении самых точных и подробных сведений о дворянах. 1 января 1798 г. последовал Манифест об утверждении 1 части «Общего гербовника» [12] [1917, с. 19]. Приняв звание Великого

Магистра Державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского, Павел I издал указ о том, чтобы Государственный российский герб был дополнен католическим «крестом мальтийским ... и высочайше повелеть соизволил утвержденным указом 10 августа, сего года российский императорский герб изображать и на печатях кои сообразно сему и переделать» [ГАЧО. Ф 31, Оп. 1. Д. 333. Л 35].

Тогда же был изготовлен Манифест о полном Государственном гербе, подписанном императором 16 декабря 1800 г. [ПСЗ-1, т. XXIV, № 17749]. Но Манифест не был «распубликован», ввиду неожиданной смерти «Царствующего Рыцаря», последовавшей в ночь на 12 марта 1801 г.

Замена прежней гербовой печати и российских территориальных эмблем на новый символ государственной власти – двуглавого орла с мальтийским крестом – произошла не сразу. Ей, как уже было указано, предшествовал ряд соответствующих мер, главная из которых – Высочайший указ Правительствующего Сената от 26 августа 1799 г., полученный в Нерчинские Заводы только в конце года.

Целый год ушел на канцелярскую документацию, изготовление матриц и доставку. Матрицы также, попутно, привез нарочный, возвращающийся из столицы в январе 1801 г. «При сем представлено девять печатей, одну для сей горной экспедиции, а прочие для восьми заводских контор» [ГАЧО. Ф 31. Оп. 1. Д. 333. Л. 74].

Это были печати с государственным гербом и надписями по окружности, указывающими на принадлежность печати Дучарской, Кутомарской, Шилкинской, Газимурской, Петровской, Александровской, Кадаинской, Кличкинской и Нерчинско-Заводской горных контор. Печати были разосланы во все заводские конторы Нерчинской экспедиции с уведомлением о получении, на что в течение месяца со всех мест были присланы рапорты. Рапорт из Кутомарской заводской конторы подписал шихтмейстер Иван Бальдауф. Новые гербовые печати получили и все другие горные ведомства России – Колыванский, Олонтецкий (Олонецкий), Гороблагодатский,

Кронштадский и Луганский горные заводы – стратегическая собственность императорского двора.

Учитывая то обстоятельство, что Александр I Высочайшим указом от 26 апреля 1801 г. восстановил прежний герб с двуглавым орлом, в том виде, «каков он был до 1797 г.», администрации нерчинско-заводских контор, получив матрицы в январе 1801 г., могли заверять документы новыми печатями не более полугода (с прибавкой времени, ушедшее на преодоление указом расстояния от Петербурга до Забайкалья). И все же реальные следы геральдической деятельности Павла I отыскались в фондах ГАЧО на материалах Нерчинской Горной экспедиции.

Сравним два документа, заверенных государственной гербовой печатью: первый из них – «Рапорт в Нерчинскую горную экспедицию от унтер-шихтмейстера Степанова из городищенской слободы» от 1795 г. (до нововведений Павла I) – заверен печатью с двуглавым орлом, в центре, которого «герб московский», расположенный на полукруглом немецком щите (щитке) [Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 303. Л. 445 об.].

Второй документ – «Доношение в Иркутское губернское правительство ... из Нерчинской горной экспедиции» 1801 г. – заверен печатью (сохранилась большая часть сургучного оттиска), d = 40 мм, с двуглавым орлом, в центре которого расположен Георгий Победоносец (Московский герб). Внимательно присмотревшись, можно обнаружить изменения на груди орла: под щитком Московского герба (щит изменен на французский) и орденскою короною помещен остроконечный Мальтийский крест. Вырезка по окружности: «Печать Нерчинской горной экспедиции», [Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 607 об.]. (Прилож., табл. 4). Подобные печати сопровождают архивные документы Колыванского горного ведомства, адресованные в Иркутское горное правление. Но в этом же деле обнаружен идентичный оттиск, датируемый 1805 г., что говорит о неимении возможности администрации Нерчинской горной экспедиции оперативно восстановить

старый государственный герб на казенных печатях горнозаводских контор [Там же. Л. 444 об.].

К сожалению, физическая сохранность единичных оттисков печатей нерчинскозаводских контор первой половины 1801 г. очень плоха. Это говорит о крайней редкости, ценности и коллекционности каждого сфрагистического экземпляра.

В целом же, большинство оттисков печатей Нерчинского воеводства и ряда последующих лет не сохранилось. В первую очередь это относится к восковым и воскомастичным оттискам. Наиболее хорошая сохранность отмечается у копченых печатях.. Сургучные оттиски сохранены, в большинстве своем, фрагментарно, и лишь в нескольких случаях наблюдается стопроцентная сохранность печати. Соответственное положение объясняется не только «старостью» печатей и воздействием на сургуч неблагоприятных условий окружающей среды. В предписаниях и доношениях соответствующему адресату с текстом основного документа указывалось уничтожать печати для исключения возможности их повторного использования с другими целями. Таким способом выполнялся указ Елизаветы Петровны: «Казенные печати на конвертах истреблять тот час по распечатании оных» [ПСЗ-1, т. XII, № 9492]. В реалиях Нерчинского воеводства примером может служить «Доношение в Иркутскую духовную конкистаторию из Нерчинского Успенского монастыря». «Репорт о получении указа Ея Императорского Величества из Иркутской духовной конкистатории, писаный июля 6 числа сего 1748 года под № 484, которым велено впредь в получаемых на ковертах печатей по разпечатании тех ковертов отнюдь нигде не оставлять, но по разпечатании того же числа те печати ломать и бросать. ... сего же 1748 г. августа 11 числа полученный. Августа 12 дня 1748 г.» [ГАЧО. Ф. 282. Оп.1. Д. 6. Л. 271 об.].

Изготовление большинства печатей Нерчинского воеводства велось петровскими и другими учреждениями на местах под патронажем Сибирского и Печатного Приказов, с 1722 г. Герольдмейстерской конторы и

Департамента Герольдии Правительствующего Сената. В то же время исследовательский материал позволяет сделать вывод о самостоятельном изготовлении некоторыми региональными учреждениями территориальных печатей. Примером может служить старинная гемма с вырезкой по окружности: «Печать Татауровской волости Нерчин.: окр.», выявленная в ходе изучения фондов Нерчинско-Заводского краеведческого музея (Прилож.,табл. 4).

Гемма-инталия (каменная матрица с углубленным изображением), печать больших размеров представляет неправильный четырехугольник высотой 40 мм. Длинна матрицы = 40 мм, ширина = 30 мм. В центре помещен герб (французский щит, поделенный надвое). В верхней части щита вверх ногами изображен герб Иркутский (бабр, бегущий в правую геральдическую сторону), в нижней части – летящая в правую геральдическую сторону птица, по всей видимости, подразумеваемая орлом. Гемма не датирована, но ясно, что печать была введена в действие не ранее 1822 г., к этому году относится создание Нерчинского округа Иркутской губернии. Появление территориальных печатей с изображениями губернского иркутского герба и герба г. Нерчинска относится ко времени, когда в действие было введено большинство сибирских гербов, пожалованных указами Екатерины II 1785 и 1790 гг. Гемма представляет большую историческую ценность, поскольку изображенный на ней герб волости является как знаком административной единицы крестьянского управления, так, в то же время, указывает на свою подчиненность окружной и губернской власти.

Изображение на гемме не единично. Источники ГАЧО располагают копченым оттиском печати с надписью: «татауровскаго волостного правления нерчинс. окру». Документ датирован 22 сентября 1828 г. Рисунок изменен. В Верхней губернской части бабр изображен бегущим в левую геральдическую сторону в правильном положении (не вверх ногами). В нижней уездной части изображен орел с луком тетивою вниз, летящий в правую сторону. Размер печати: четырехугольник (20 х 25 мм) со

срезанными углами. Более четкое изображение говорит о том, что матрица, по всей видимости, металлическая, а не каменная [ГАЧО. Ф. 159. Оп.1. Д.18 Л. 179].

К началу XVIII в. относится применение в сибирском делопроизводстве гербовой бумаги, которая начинает заменять печати на «купчих» и других документах.

Примером может служить царская грамота иркутскому воеводе Ивану Николаеву о введении в употребление гербовой бумаги от 18 декабря 1699 г.: « ... и в городех и в пригородках и в волостях, где приказные избы есть, писать всякие крепости и челобитные с допросами, и сказки, на клейменой бумаге, которые по нашему Великого Государя имянному указу, велено клеймить и ныне клеймиться под гербом нашим Великого Государя. И по нашему Великого Государя указу клейменая бумага в Сибирские городы послана в связках, пущена в продажу через Иркутскую канцелярию с печатью из Сибирского Приказа» [АИ, т. V, с. 535 – 536]. На некоторых грамотах еще довольно долго наблюдается одновременное использование, как гербовой бумаги, так и печатей.

Подводя итог проделанной работе по исследованию прикладных печатей документов Нерчинского воеводства XVII– XVIII вв. делаем вывод: в делопроизводстве Нерчинского воеводства применялось несколько видов прикладных печатей: восковые, воскомастичные, копченые и сургучные. Печати разной величины и разной толщины «подушки», не совсем правильной круглой или элипсообразной формы. Толстая «подушка» характерна для воскомастичных оттисков. Оттиски на сургуче, ввиду пластичности материала, – тонкие и плохо сохранившиеся.

Матрицы печатей – металлические, в основном, односторонние, с ушком или отверстием для шнурка, без ручки, которая стала применяться значительно позднее. Реже были использованыже каменные матрицы. По типам они делятся на печати персонифицированные, воинских

подразделений, учреждений и территориальные, последние из которых являются печатями основного звена местного управления.

Территориальные печати отличает разнообразие видовых изображений. Общим для них является наличие центрального изображения с вырезкой по окружности. На протяжении XVIII в. основными из них являлись печати:

- с изображением государственного герба России, окруженного надписью с названием местного учреждения;
- с изображением геральдического знака Даурской земли – летящего орла, держащего лук тетивою вниз, и соответствующей вырезкой по окружности.
- с изображением иркутского герба – «бабр несет в роте соболя»;
- с изображением совмещенных губернских и областных символов;
- с соответствующими надписями без изображений.

2.3. Печати Мангазеи, Енисейска, Красноярска, Илимска, Якутска, Иркутска, Нерчинска, Албазина, Сибирской губернии.

Изучение сибирской сфрагистики середины XVII – второй половины XVIII вв. чрезвычайно важно, поскольку именно в это время печати местных учреждений новых городов региона приобретают конкретное назначение и юридическую силу. В данном параграфе охарактеризованы печати уездных городов Восточной Сибири, связанных в последней четверти XVII в. единым административно-территориальным делением. Так, с начала XVII в. сложились Тобольский и Томский (1629 г.) разряды, включающие в себя все уезды тогдашней Сибири. В Восточной Сибири образование первого – Ленского разряда – относится к 1639 г. Он включает к 1648 г. Якутский и Илимский уезды. В 1677 г. был образован Енисейский разряд. В него входили Енисейский, Мангазейский и Нерчинский уезды. В 1681 г. сюда же был присоединен Красноярский уезд [История Сибири, т. 2, с. 126]. В начале 1683 г. все восточносибирские уезды – Красноярский, Якутский, Иркутский, Илимский, Нерчинский и выделенный из него Албазинский (1682 г.) – со

стратегическими целями были объединены в Енисейский разряд и «отдавались в ведение енисейского воеводы, которым был назначен крупный администратор князь К.О. Щербатов» [Александров, 1969, с. 115].

Начиная с середины XVII вв отличие от городов центра Русского государства практически все новые сибирские города приобретают печати с установившейся собственной символикой. Об этом свидетельствуют рассмотренные ранее «Росписи» печатей, являющиеся наиважнейшим источником сведений (дате и описании) русской сфрагистики указанного периода.

Исследование истории печатей восточносибирских городов, территориально обозначенных в данной работе и символического значения их эмблем удобнее всего начать с «Росписи» 1692 г., что обусловлено информационной полнотой самого источника и его новизной относительно рассматриваемого периода. Имеется возможность расширить территориальные рамки и показать описания печатей всех сибирских городов [РГАДА. Госархив. Разряд XXVII. Д, 359; ПСЗ-1, т. III, № 1443].

Описание печатей по «Росписи» 1692 г.:

«Для Тобольска. Два соболя, меж ими стрела, а около печати вырезана: «печать Государева Царства Сибирскаго города Тобольска» [13].

На Верхотурской: Соболь под деревом, а около вырезано: «печать земли Сибирския города Верхотурья».

На Березовской. Соболь же, стрела, а около вырезано: «печать земли Сибирския Березова города».

На Обдорской, что на Обском устье: Лисица держит стрелу, а около вырезано: «печать государева Сибирския земли Обскаго устья».

На Мангазейской. Олень; около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Мангазейскаго города».

На Тарской. Лисица, а около вырезано: «печать государева земли сибирския Тарскаго города».

На Тюменской. Лисица, да бобр, а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Тюменскаго города». На Туринской. Розсомаха, а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Туринскаго города».

На Пелымской. Лось, а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Пелымскаго города».

На Сургутской. Две лисицы и меж ими соболь, а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Сургутскаго города».

На Томской. Корона, а около вырезано: «печать Государева Томскаго города».

На Енисейской. Два соболя, между ими стрела. А под ними лук вниз тетивою; а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Енисейскаго города».

На Исетской [Кетск]. Рысь, а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Исетского [Кетского] острога».

На Нарымской. Белка, да горностай, а между ими стрела, а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Нарымского острога».

На Красноярской. Инорог, а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Красноярского острога».

На Кузнецкой. Волк, а около вырезано: «печать Государева земли Сибирския Кузнецкого острога».

На Великой реке Лене в Якутском остроге Орелъ поймал соболя, а около вырезано: «печать Государева новыя сибирския земли, что по великой реке Лене».

На Ленской, же таможенной печати. Барс поймал соболя, а около вырезано: «печать Сибирскаго Государства великия реки Лены таможенная».

На Илимской. Под соболем стрела, а над ним репей, а около вырезано: «печать Государева Ленскаго волоку Илимскаго острога».

На Даурской, Нерчинской. Орел одноглавый держит лук вниз тетивою, кругом написано: «печать Государева Сибирския земли Даурских остроговъ».

Рассмотрим территориальные печати Восточной Сибири в хронологии возникновения означенных выше городов. Внутренняя систематизация соответствует принципу от общего к частному: обоснование символики в свете исторического развития населенного пункта, характеристика печатей по источникам («Росписям»), фиксирование сохранившихся печатей на исторических документах.

Печать Мангазеи [14]. Основан как Мангазейский острог в 1601 г. [Н.П. Крадин, 1988, с. 95]. С 1601 – 1672 гг. Мангазея – крупный торгово-промысловый центр и северный порт на реке Таз (впадает в Обскую губу). В 1625 г. здесь была построена новая крепость, но с 1630 г. для Мангазеи начинается время упадка, с 1642 – 1662 гг. она была опустошена пожарами и междуусобными войнами воевод. Все большее экономическое значение приобретает Туруханское зимовье, расположенное к северу в 28 верстах от Енисея. Еще несколько лет Сибирский приказ сохранял за Мангазеей функции административного города, но в 1664 г. разрешил искать для города новое место. В 1672 г. мангазейские воеводы переехали в Туруханское зимовье, где и был построен город как центр ясачного сбора, сохранивший до 1780 г. свое прежнее название – Мангазея или Новая Мангазея [Кочедамов, 1978, с. 116]. Печать с изображением оленя была дана еще старому городу, в связи с огромной популяцией диких оленей в тех местах.

- «Роспись» 1656 г. Описание: «олень, а около вырезано: печать Государева, земли Сибирские Мангазейского города» [АИ, Т. IV, № 104; Арсеньев, 1908, с. 298].
- «Роспись» по Ремезову: Рукопись. Описание и изображение: «олень, а около вырезано: печать Государева, земли Сибирские Мангазейского устья». [РНБ, Эрм. № 237]. Вырезка по окружности, указывает, что «печать .... города Туруханска» (Прилож., табл. 1.1.).
- «Роспись» 1692 г. Описание идентично «Росписи» 1656 г [ПСЗ-1, т. III, № 1443].

Печать Енисейска [15]**.** Основан как острог в 1618 г. [ИА, 1890, с. 99]. Енисейск – первая русская крепость на Енисее. До 1629 г. был в подчинении Тобольска, затем приписан к Томску. В 1649 г. первый острог был смыт наводнением, новый был построен в 1651 г. воеводой А.Ф. Пашковым. В 1676 – 1677 г. Енисейск становится городом, ведающим всеми поселениями и острогами и всей «заенисейской Сибирью» вплоть до Нерчинска. С 1708 г. город из областного переименован в уездный. С 1724 – главный город Енисейской провинции, управляемый губернатором, находящимся в подчинении у Тобольского губернатора [С.У. Ремезов, 2003, с. 95]. В 1823 г. как окружной город был вновь приписан к Енисейской губернии. В 1623 г. здесь основан Крестовоздвиженский женский монастырь, в 1640 г. Спасский мужской монастырь [Кочедамов, 1978, с. 117]. С деятельностью православных монастырей и церквей Сибири неразрывно связано заселение и хозяйственное освоение новых земель.

Местная администрация выдавала служащим монастырей, желающим заполучить пашенные, лесные и сенные угодья, грамоты, заверенные печатями основного звена местного управления. В первой четверти XVII в. грамоты Енисейского уезда заверяются, в большей степени, личными печатями енисейских воевод: С.И. Шеховского, П.Ф. Соковнина, Н.Л. Веревкина, А.Ф. Пашкова, М.Г. Ртищева и других, имеющих разнообразную личную символику [РГАДА. ф.281. д. 4542 – 4594]. Со второй половины столетия наблюдается преобладание грамот, заверенных казенными государственными территориальными печатями.

- «Роспись» 1656 г. Описание: «два соболя, межъ ими стрела, а под ними лук вниз тетивою, а около вырезано: печать Государева, земли Сибирские Енисейского острогу» [АИ, Т. IV, № 104; Арсеньев, 1908, с. 298].
- «Роспись» по Ремезову: Рукопись. Описание: то же. Изображение [РНБ, Эрм. № 237] (Прилож., табл. 1.2.).

- «Роспись» 1692 г. Описание: «два соболя, между ими стрела. А под ними лук вниз тетивою, а около вырезано: печать Государева земли Сибирския Енисейскаго города» [ПСЗ-1, т. III, № 1443].

Изображение печати Енисейского острога 1671 г. [Сб. снимков, 1858, табл. XVI, № 230].

Список выявленных грамот, заверенных сохранившимися печатями с вырезкой по окружности: «печать Государева земли Сибирские Енисейского острога (города)» (прямая хронология):

«Память Великого государя Федора Алексеевича черному попу Иркутского Вознесенского монастыря Тарасию с братией на пашенную землю и сенные покосы по реке Ангаре» от 30 июля 1676 г. Черновосковая, d = 20 мм [РГАДА. Ф. 281. Д. 4910].

«Данная архимандриту Енисейского Спасского монастыря Пахомию на сенные покосы подъячего Федора Красильникова по реке Кеше» от ... мая 1721 г. Черновосковая, d = 25 мм, толщина подушки 4 мм. Подписано: «Печать Енисейского коменданта Василия Михайловича Беклемишева». Вырезка по окружности: «Печать царства Сибирского города Енисейска» [РГАДА. Ф 28. Д. 4605].

«Данная игуменье Енисейского Рождественского монастыря Марфе с сестрами на пашенную землю в Красноярском уезде» от 24 июля 1756 г. – Печать красная сургучная, d = 40 мм, толщина подушки 3 мм, изображение символики печати Енисейского острога, вырезка по окружности: «Печать Ея Императорского Величества Сибирской воеводской канцелярии [РГАДА. Ф. 281. Д. 4609. Л. 9].

Выявленные грамоты с печатью Енисейского острога в опубликованных источниках:

«Память Енисейского воеводы Яковлева Нерчинскому Приказному, сыну боярскому Аршинскому, о приеме отправленных в Нерчинский острог боевых снарядов, хлеба и вина для аманатов, ясачных и служилых людей» от 19 июня 1672 г. Подписано: «К сей памяти Великого государя ..., печать

Земли Сибирския Енисейского острогу столник и воевода Кирило Аристархович Яковлев приложил» (из Архива Нерчинского Городового управления) [АИ. – Т. IV, № 226].

Печать Красноярска [16]. Основан как острог Красный Яр в 1628 г. [ИА, 1890, с. 102]. Первые документы говорят о том, что основатель острога Андрей Дубенский был послан в Красный Яр для поставления острога в 1626 г. [Русская историческая библиотека, 1884, с. 387 – 388].

Царский наказ о принятии воеводой Акинфовым новопостроенного Красноярского острога датирован 31 января 1629 г. [Собрание, 1822, с. 299 – 304]. В XIX в. – центр сибирского казачества. С 1822 г. – главный город Енисейской губернии.

- «Роспись» 1656 г. Описание: «инрог, а около вырезано: печать Государева земли Сибирские Красноярского острогу» [АИ, Т. IV, № 104; Арсеньев, 1908, с. 298] [17].
- «Роспись» по Ремезову. Описание: то же. Изображение [РНБ, Эрм. № 237]. (Прилож., табл.1.3.).
- «Роспись» 1692 г. Описание: «инорог, а около вырезано печать Государева земли Сибирския Красноярского острога» [ПСЗ-1, т. III, № 1443].

Изображение печати Красноярского острога 1644 г.: [Сб. снимков, 1858, табл. XIV, № 160; Снимки русских печатей, 1880, с.71].

Список выявленных грамот, заверенных сохранившимися печатями с изображением единорога и с вырезкой по окружности: «печать Государева земли Сибирские Красноярского острога (города)» (прямая хронология):

«Данная служилому человеку Родиону Иванову Кольцову на пашенную землю и сенные покосы» от 7 мая 1644 г. Черновосковая, d = 25 мм, толщина подушки 3 мм [РГАДА. Ф. 281. Д. 6172].

«Данная строителю Ново-введенского монастыря Иоану с братией на покупную ими у сына Боярского Милослава Кольцова пашенную землю по речке Березовке» от 15 апреля 1657 г. Черновосковая, d = 25 мм [Там же. Грамоты архива коллегии экономии. Ф. 281. Д. 6174. Л. 7].

«Данная строителю Ново-введенского монастыря Иоану » от 7 ноября 1661 г. Черновосковая, d = 25 мм [Там же. Д. 6175].

«Указная царя Федора Алексеевича игуменье Рождественского монастыря Агрипине с сестрами о переписке своих крестьян и бобылей, также пашеных и непашеных земель и разных угодий, принадлежащих оному монастырю» от 28 февр. 1681 г. – Подпись: «Печать казенная черновосковая», d = 50 мм, полуразрушена [Там же. Ф. 281. Д. 4582].

Печать Илимска [18]**.** Начало Илимского острога относится к 1630 г. [Н.П. Крадин, 1988, с. 109]. Как укрепленный острог на правом берегу притока Ангары – реки Илим стал центром Ленского волока и большого уезда, снабжавшего через реки Мука и Кута хлебом Якутию. Отсюда в 1647 г. Е.П. Хабаровым была снаряжена экспедиция на Амур.

В 1672 г. Илимский острог был переименован в город, но вскоре (к 1775 г.) потерял свою былую значимость. Однако еще до первой четверти XVIII в. грамоты на земли Усть-Керенского Троицкого монастыря и других православных объектов скреплялись печатью Илимского острога. Необходимо отметить их хорошую сохранность в фондах РГАДА.

В 1720-х гг., при организации создания Герольдмейстерской конторой гербов российских городов, Илимск все еще значился как перевалочный и меновый пункт Восточной Сибири. В числе других сибирских городов для него по «Росписи» печати Илимского острога 1692 г. Ф. Санти с помощниками был составлен герб: «В голубом поле, бегущий в правую сторону соболь, вверху которого звезда, а внизу стрела» [Семивский, 1817, с. 176]. Но ввиду утраты Илимском своего былого значения герб не был известен и не использовался.

- «Роспись» 1656 г. – нет описания.
- «Роспись» по Ремезову: Рукопись. Описание и изображение: «Выдра, верх ея звезда, высподе стрела, а около вырезано: печать государева земли

Сибирские волоку Леснаго (Ленского) Илимского острогу». На рисунке печати изображен соболь из последующей «Росписи» [РНБ, Эрм. № 237].

- «Роспись» 1692 г. Описание: «Под соболем стрела, а над ним репей, а около вырезано: печать Государева Ленскаго волоку Илимскаго острога» [ПСЗ-1, т. III, № 1443].

Изображение печати 1705 г. [Сб. снимков, 1858, табл. XX, № 2]. Печать приложена к грамоте: «Данная с переписных Илимских книг Киренского Троицкого монастыря строителю монаху Иоасафу с братией на сенные покосы, принадлежащие к их монастырской деревне Скоблевской по Иркутскому уезду за № 35».

Список выявленных грамот, заверенных сохранившимися печатями с вырезкою по окружности: «печать Государева земли Сибирские Илимского острога» (прямая хронология):

«Данная на пашенную землю Василия Скоблевского, пожертвованная им для постройки церкви Казанской божьей матери и Николая Чудотворца, что в Илимском уезде» от 11 марта 1659 г. – Печать черновосковая, d = 20 мм, практически стерта [РГАДА. Ф. 281. Д. 4892].

«Данная крестьянину Никите Макарову на землю и сенные покосы по реке Лене» от 30 июня 1659 г. – Печать черновосковая, d = 20 мм, толщина подушки 3 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4893].

«Данная Усть-Керенского Троицкого монастыря черному попу Гермогену на землю в Ленском волоке» от 10 июня 1663 г. – Печать черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4895].

«Данная строителю Керенского монастыря Гермогену на землю с дворовыми строениями» от 25 февр. 1664 г. – Печать черновосковая, d = 20, толщина подушки 3 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4897].

«Отводная память сыну Боярскому Ерофею Хабарову на пашенную землю и сенные покосы за рекою Леню» от 21 июня 1664 г. – Печать черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281 Д.. 4898].

«Данная строителю Усть-Керенского монастыря Гермогену с братией на порозеную землю по реке Керенге» от 16 февр. 1665 г. – Печать черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4899].

«Данная строителю Усть-Киренского Троицкого монастыря Иосифу с братией на острове пашенного крестьянина Андрея Чарошкина» от 17 июня 1699 г. – Печать черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4923].

«Данная казначею Усть-Киренкого Троицкого монастыря Иосифу с братией на пашенную землю сына Боярского Ерофея Хабарова, состоящие в Керенском лугу» от 9 февр. 1671 г. – Печать черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4907].

«Межевая память строителю Троицкого монастыря старцу Иосифу с братией на пашенные земли по реке Лене» от ... июня 1680 г. – Печать черновосковая, d = 2 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4912].

«Грамота Усть-Керенского Троицкого монастыря строителю Иосифу с братией об освобождении их от платы со вкладных земель в казну оброчного хлеба и от казенной пашни» от ... 1680 г. – Печать черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4913].

«Данная строителю Усть-Керенского Троицкого монастыря Иосифу с братией на сенные покосы по реке Керенге» от 27 января 1705 г. Печать черновосковая, d = 20 мм. На гербовой бумаге [Там же. Ф. 281. Д. 4926].

«Данная строителю Усть-Керенского Троицкого монастыря Иосифу с братией на землю с мельнице и сенными покосами за рекою Леною» от 28 апреля 1705 г. Печать черновосковая, d = 20 мм. На гербовой бумаге [Там же. Ф. 281. Д. 4927].

«Данная строителю Усть-Керенского Троицкого монастыря Иосифу с братией на заимку Хабаровскую» от 22 марта 1706 г. Печать черновосковая, d = 20 мм, толщина подушки 3 мм. На гербовой бумаге [Там же. Ф. 281. Д. 4929].

«Данная строителю Усть-Керенского Троицкого монастыря Иосифу Милюкову с братией на рыбные ловли по реке Киренге от 13 мая 1714 г. Печать черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4939].

«Данная строителю Усть-Керенского Троицкого монастыря Иоакиму с братией на землю и рыбные ловли по реке Лене » от 8 декабря 1719 г. Печать черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4939] (Прилож., табл. 1.4.).

Печать Якутска [19]**.** Основан П.И. Бекетовым в 1632 г. как Якутский или Ленский острог [ИА, 1890, с. 111]. В 1642 г. острог был перенесен на новое место, на берег Лены. Опорный пункт русского освоения Дальнего Востока, крупнейший военно-административный и торговый центр. В 1670-х гг. в Якутске жило около 2000 человек [Кочедамов, 1978, с. 123].

- «Роспись» 1656 г. Дано два описания: 1.«На великой реке Лене печать, орел поймал соболя, а около вырезано: печать Государева Новые Сибирские земли». 2. «На Ленской таможенной, барс изымал соболя, а около вырезано: печать Сибирского государства великия реки Лены, таможенная» [АИ, Т. IV, № 104; Арсеньев, 1908, с. 298].

- «Роспись» по Ремезову: Рукопись. Дано два описания и два изображения: 1. «На якутской бабр в роте несет соболя, высподе горы и трава, а около вырезано: печать государева земли Сибирские Якутского острогу». 2. «Печать ... на Лене, на ней сокол под ним соболь» [РНБ, Эрм. № 237]. Однако рисунок соответствующий последнему описанию изображен на печати Иркутска (Прилож., табл. 1.5.).

- «Роспись» 1682 г. Описание изображения: «Орел вцепился когтями в зверька. На печати же подписывается около орла так: печать Великого государя Новые Сибирские Земли, что на великой реке Лене».

- «Роспись» 1692 г. Дано два описания изображения: 1. «На Великой реке Лене в Якутском остроге печать Государева, орел поймал соболя, а около вырезано печать Государева новыя Сибирския земли, что на Великой реке Лене». 2. «На Ленской же таможенной. Барс поймал соболя, а около

вырезано: печать Сибирского Государства великия реки Лены таможенная» [ПСЗ-1, т. III, № 1443].

Как уже указывалось в первом параграфе: печать Якутского острога выполняла функции таможенной печати [АИ, т. V, № 124].

Список грамот, заверенных сохранившимися печатями Якутского острога (прямая хронология):

«Память строителю Троицкого Монастыря Усть-Киренского острожка старцу Иосифу с братией на владение заимкой и мельницей на р. Алгале [20] по вкладной записи пашенного крестьянина Никиты Макарова по Иркутскому уезду за № 24» от 13 июля 1682 г. – Печать черновосковая, d = 25 мм, верхняя часть разрушена [РГАДА, ф.281, д. 4915]. Изображение именно этого экземпляра печати известно с рисунка, данного П.И. Ивановым [Сб. снимков, 1858, табл. XVII, № 261]. Затем было опубликовано в дореволюционном издании П.П. Винклера [1900, с. IV] (Прилож., табл. 1.5.).

Сведения о печати Якутского острога [21] в опубликованных источниках:

«Память Якутского воеводы Андрея Барнешлева священнику Троицкого собора Стефану, о крещении Тумацкой волости ясачного якута Якуна Бинтина» от ... февраля 1678 г. Подписано: «К сей памяти великого государя царя ... самодержца, царства Сибирского новой земли великие реки Лены Якутцкого острогу печать воевода Андрей Афонасьевич Барнешлев приложил (Из Архива Якутского областного правления) [ДАИ, т. 8, № 12].

Печать Нерчинска [22]. Основан как малый острожек в 1653 г. [Н.П. Крадин, 1988, с. 149].

- «Роспись» 1656 г. – нет описания.
- «Роспись» по Ремезову: Рукопись. Нет описания. Изображение идентично описанию печати Иркутска: «Орел, в левой ноге лук держит тетивою вниз, под высподом трава, а около вырезано: печать Государева земли Сибирские Иркутского города»[РНБ. Эрм. № 237] (Прилож., табл. 1.7.).

- «Роспись» 1692 г. – Описание: «На Даурской, Нерчинской. Орел одноглавый держит лук вниз тетивою, кругом написано: «печать Государева Сибирския земли Даурских остроговъ» [ПСЗ-1, т. III, № 1443].

Данной печати будет уделено отдельное внимание в следующей главе.

Печать Иркутска. Датой основания Иркутска считается лето 1661 г.,[23] когда енисейским боярским сыном Я. Похабовым на правом берегу Ангары был заложен укрепленный острог [ДАИ, т. IV, с. 249 – 250].

- «Роспись» 1656 г. – нет описания.
- «Роспись» по Ремезову: Рукопись. Описание и изображение: «Орел, в левой ноге лук держит тетивою вниз, под высподом трава, а около вырезано: печать Государева земли Сибирские Иркутского города». Однако рисунок соответствующий последнему описанию изображен на печати Нерчинска. На печати Иркутска же изображен сокол, а под ним соболь (Ленская печать) [РНБ, Эрм. № 237] (Прилож., табл. 1.8.).
- «Роспись» 1692 г. – нет описания.
- «Воеводский наказ» из Сибирского Приказа 1694 г. Описание: «Великого государя царя и Великия и Малыя и Белыя россии самодержца печать в Иркутском серебреная вырезано бабр а от головы вырезанож печать государевой земли сибирския» [ОИН, 1988, с. 62 – 63]. Данной печати будет уделено отдельное внимание в следующей главе.

Печать Албазина (Олбазин)

Ко времени утверждения печатей сибирских городов времен царствования Алексея Михайловича (1656 г.) Албазинская крепость еще не была известна правительству. Первые упоминания о ней приходятся на 1650 г., когда отряд Е.П. Хабарова занял на зимовку городок даурского князя Албазы [Артемьев, 1999, с. 104]. Фаза острожного становления Албазина приходится на середину 1660-х гг. В последующих «Росписях» (по Ремезову и 1692 г.) Албазина как населенного пункта уже не существовало, он был разрушен в конце 1680-х гг. в результате военных действий с маньчжурами.

Албазинский острог – единственный город-крепость, центр русских поселений в Приамурье, расположенный на левом берегу Амура, в ста восьмидесяти верстах по его течению ниже урочища Стрелки или соединения рек Шилки и Аргуни, и одновременно окраинная область Московского государства. Истории Албазина посвящены исследования Г.С. Новикова-Даурского [1953], П.Т. Яковлевой [1956], В.А. Александрова [1969], Н.Ф. Демидовой [1973], Н.П. Крадина [1985, 1987, 1992], А.Р. Артемьева [1995, 1998, 1999] и других. Главным источником остаются документы, опубликованные в РКО (1-2).

В результате похода на Амур Е.П. Хабарова, прибывшего в Москву осенью 1654 г., русское правительство решило создать в Приамурье воеводство, подчиненное нерчинскому воеводе, центром которого сделать острог Албазин или какой-либо другой, «где б не чаять приходу воинских богдойских людей» [РКО-1, 1969, с. 14]. Маньчжуры признавали район Албазина русской территорией, но также понимали стратегическое значение крепости на Амуре – основной водной магистрали всего края – и считали эту землю своей. Острог располагался на месте даурского городка Якса. Началу военных действий предшествовал дипломатический нажим маньчжурского двора на русские пограничные власти. Нерчинский воевода Ф.Д. Воейков в марте 1682 г. сообщил в отписке царю Федору Алексевичу «о приготовлениях китайцев к походу под Нерчинск и Албазин и о неимении в Нерчинске средств для защиты» [ДАИ, т. 9, с. 208 – 210].

Албазинское воеводство, подчиненное нерчинскому воеводе, было создано в 1682 г. В Албазин были присланы воевода (сотник Алексей Толбузин), царские писцы и другие московские чиновники. Одновременно с этими мерами для Албазина была учреждена и изготовлена серебряная печать (Прилож., табл. 1.9.) Н.В. Семивский называет ее гербом: «В серебряном поле одноглавый парящий Орел, имеющий в правой лапе лук, а в левой стрелу» [1817, с. 95]. Но печать Албазина скорее можно отнести лишь к гербовому изображению, поскольку в допетровскую эпоху

территориальные эмблемы еще не были установлены как собственно гербы и как гербы не приобрели законченный художественный образ.

По данным «Комментария к статейному списку Ф.А. Головина», первое описание печати найдено в памяти, посланной в конце 1680-х гг. якутскому таможенному целовальнику: «На даурской орел одноглавый, держит лук да стрелу, а около тое печати вырезано: “Печать великих государей Сибирской земли Албазинского острогу” (РГАДА. Ф. Якутская приказная изба, 1689 – 1690. Оп. 3. Д. 6 / №, л.1)» [РКО-2, 1972, с. 793]. Слова надписи: «великих государей» указывают на время изготовления печати, т.е. печать Албазина была изготовлена уже после восшествия на престол царей Иоанна и Петра Алексеевичей, которое произошло (венчание) 25 июня 1682 г. [ИА, т. V, с. 135 – 137].

Албазинская печать хранилась в приказной избе, известно, что ею закатывались отписки, посылавшиеся из Албазина в Нерчинск. Возможно, это была «Отписка стрелецкого головы Бейтона и воеводы Ф.А. Головина о съезде китайских послов и переговоров с ними» от ... 1689 г.» [РГАДА. Ф. 1142. Оп.1. Д. 48. Л. 9 об.]. Подлинник имеет следы разрушенной черновосковой печати. «Отписки воевод Федора Головина и Афанасия Бейтона Нерчинскому воеводе Ивану Власову, о набегах китайцев на Албазин, и о необходимости снабдить Албазинских поселенцев хлебом и скотом и увеличить для защиты городка, число ратных людей. 1688 г. в сентябре, октябре» помечены, что «подлинник был запечатан» [АИ, т. V, № 169].

Сейчас трудно установить изображения оттисков, указанных на источниках РГАДА и опубликованных в «АИ». Один из вариантов не исключает того, что отписки были заверены личными печатями полномочного посла России Ф.А. Головина или полковника А.И. Бейтона. Символ одноглавого коронованного орла, готового отразить неприятеля, был выбран в Москве не случайно.

Занятая внешнеполитическими проблемами Запада, Россия далеко не сразу оценила опасность и возможные последствия маньчжурской агрессии. И только в самом конце 1683 г. приняла сильно запоздавшее решение об усилении обороны Забайкалья и Приамурья.

С военно-оборонительной целью была изменена структура управления Восточной Сибирью. Из системы острогов Нерчинского уезда выделился Албазинский уезд, самостоятельно входящий в Енисейский разряд Сибирского Приказа [История Сибири, т. 2, с. 126]. Выделение Албазина из состава Нерчинского уезда и образование отдельного Албазинского уезда, охватывавшего территорию собственно Приамурья, было демонстративным политическим актом, которым правительство подчеркивало незыблемость присутствия на Амуре русской администрации, ничем не уступавшей воеводствам других сибирских уездов [Александров, 1969, с. 116]. Этим же целям призван был служить и геральдический символ Албазина.

«Профессор русской истории» Редедей в своих записках, носящих популярный характер, резюмировал: «... когда Албазин был уже сдан китайцам на капитуляцию, когда пушки, аманаты и ясырь были китайцами отобраны, а сам воевода с ратными людьми вышел в Нерчинск, – пришло радостное известие: Москва пожаловала Албазину герб (1684 г.). Это обстоятельство, к сожалению, запоздало и спасти обезоруженную крепость оказалось невозможно» [Редедей, 1913, с. 8].

Судьба печати представляет немалый интерес. При первом разрушении Албазина маньчжурскими войсками она была вывезена воеводой А.Л. Толбузиным, впоследствии погибшим при защите Албазинской крепости в бою с маньчжурами.

Подъячий Албазинской приказной избы П. Хмелев, сбежавший из маньчжурского плена, писал о ее спасении в 1690 г.: «И я, холоп Ваш, помятуя бога и ваше, великих государей, крестное целование и жалованье, ушедчи от тех богдойских бояр в острог, ис приказной избы вашу великих государей, печать и Соборное уложение и денежную казну взял и принес на

берег и отдал воеводе Алексею Ларионовичу Толбузину я, холоп ваш, своими руками имянно при многих русских людях перед боярами богодойскими (РГАДА, ф. Сибирский приказ, стлб. 544, ч. 2, л. 285)» [РКО-2, 1972, с. 793 – 794].

По возвращении в Албазин, печать употреблялась вплоть до разрушения Албазинского острога по Нерчинскому договору. Затем ее вывез из Албазина полковник А.И. Бейтон. Печать была сдана в Нерчинскую приказную избу, где не только хранилась еще в первые десятилетия XVIII в., но и даже при необходимости заверяла документы Нерчинского воеводства [ПФ РАН. Портфели Миллера. Оп. 4. Кн. 23. Л. 78; Кн. 29. № 60. Л. 78 об.; ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 129 об.]. В 1786 г. в числе хранившихся в архиве Нерчинского воеводства предметов печать была передана в Иркутскую губернскую канцелярию. Оттуда ее переправили в канцелярию бывшего и полномочного посла графа Ю.А. Головкина [Берх, 1821, с. 203 – 204; Артемьев, 1999, с.103].

«Печать эта является редким и интересным геральдическим памятником, так как опровергает до некоторой степени распространенный взгляд на то, что геральдические знаки были чужды XVII столетию», – сообщал С.П. Тройницкий в докладе «О печати Албазинского острога», опубликованном в «Записках Приамурского отдела Общества востоковедения (Благовещенск, 1915 г.)» [Новиков-Даурский, 1953, с. 50]. Имеется более подробное описание печати, сделанное позднее в Нерчинске: «... печать албазинская серебряная, весом 6 золотников. А на ней вырезан орел стоячей, крылья распростерты, а правом объятии держит лук, а в левом стрелу» [ПФ РАН. Портфели Миллера. Оп. 4. Кн. 29. № 60. Л. 78 об.]. Фотокопия матрицы в натуральную величину, помещенная в РКО-1, позволяет дополнить описание аверса и сделать вывод, что печать представляет круг диаметром 30 мл с верхним ушком для гойтана (шнурка) размером 8 мл. Вырезка по окружности шириной 5 мл, в круге с двойным ободком (15 мл) помещен орел с трехзубчатой царской короной, смотрящий

в левую геральдическую сторону [РКО-1, 1969, с. 331]. При этом в описаниях герба и печати допущена распространенная ошибка в характеристике левой и правой стороны геральдических фигур. В геральдике правой считается сторона, которая при взгляде на фасад герба кажется левой, и наоборот. Таким образом, орел в правой лапе держит стрелу, а в левой лук.

Матрица хранится в нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа. Ее оттиск первым получил Амурский музей краеведения в начале 1950-х гг., благодаря переписке с Эрмитажем его научного сотрудника Г.С. Новикова-Даурского. Вместе с оттиском в музей было прислано профессиональное описание печати: «Серебряная, круглая, плоская, в виде монеты или медали с граненым ушком. Диаметр 30 мл, толщина 3 мл. Оборотная сторона гладкая. Вес 23, 95 г. на лицевой стороне, в центре окруженное двойным линейным ободком, углубленное изображение увенчанного короной о трех зубцах орла с обращенной в левую сторону головой. В левой лапе орла лук, в правой – обращенная вниз острием оперенная стрела. Вне ободка круговая надпись, ограниченная вдоль края печати линейным ободком: «Печать великих государей Сибирской земли Албазинского острогу». На лицевой стороне ушка орнамент. Печать носит следы употребления. Вероятно, ее хранили и носили на шнурке» [Новиков-Даурский, 1953, с. 50 – 51].

Несмотря на то, что создание и функционирование печати является лишь кратковременным эпизодом истории Албазина, значение ее очень велико.

Уникальность печати заключается в ее стратегическом значении времен сложнейшей международной обстановки России XVII столетия. Ее символическому изображению придавалось немаловажное значение пропаганды русской государственности на Амуре. Кроме того, она является единственной старинной печатью городов и острогов восточных окраин России этого времени. Ее матрица, возможно, оказалась также единственной среди печатей сибирских городов XVII в., дошедшей до современности.

Таким образом, территориальные эмблемы, созданные во время царствований Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, царевны Софьи и Петра I, к началу XVIII в. получили региональное распространение, играли определенную роль в российской символике и стали элементами экономической и политической деятельности Российского государства.

Каждая сохранившаяся территориальная печать Восточной Сибири признается исторической реликвией.

«Росписи» печатям явились одним из источников составления российских гербов в Герольдмейстерской конторе, организованной в 1722 г. Петром I. Занимавший с 1724 г. в российском государстве должность товарища герольдмейстера Ф. Санти с помощниками творчески сочинил и изобразил «провинциальных и городовых 137 гербов» российского государства [РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 3. Л. 298 – 302 об.]. На это указывает в своей работе и В.К. Лукомский: «Санти 137 из 220 потребных составил проекты гербов [Лукомский, Типольт, 1917, с. 9]. Н.А. Соболева, уделившая в своих исследованиях этим фактам, впрочем, как и личности Санти, определенное внимание, опровергает эту цифру и указывает, что эти сведения не совсем точны: из тщательного сопоставления различных реестров выплывает цифра 97, включающая названия городов и областей, чьи гербы сочинил, исправил, нарисовал по правилам геральдики граф Санти [Соболева, 1985, с. 55].

Нас же эти цифры интересуют постольку, поскольку в этом же числе было 16 сибирских гербов, прежде значившихся геральдическими эмблемами на печатях, данных правительством сибирским городам указом 1692 г., в том числе и гербы восточносибирских городов – Мангазеи, Енисейска, Красноярска, Илимска, Якутска, Иркутска и Нерчинска.

После ссылки Санти в Сибирь в 1727 г. (за подозрение в участии заговора), составление гербов продолжил граф Миних с помощником Андреем Барановым [Каменцева, Устюгов, 1963, с. 164]. Городские гербы,

составленные Санти и Барановым (всего 88), были утверждены верховной властью 9 марта 1730 г.

Вопрос о вхождении в этот список гербов Восточной Сибири находится в стадии дальнейшего изучения. Во всяком случае, сведения о гербах приходили в регионы несколько раньше. Так, первый герб Нерчинска был «прислан ...в 1726 году июня 27 дня, а когда и кем пожалован – известия не отъискалось» [ОИН, 1988, с. 110 – 111].

В первом параграфе говорилось о том, что в 1692 г. в таможню г. Верхотурья был отправлен наказ воеводе с «Приложением» («Росписью») и описанием территориальных печатей сибирских городов. Правительство Петра I было чрезвычайно озабочено многочисленными нарушениями таможенных правил. Однако в течение последующих лет на Верхотурской таможне, в воеводских канцеляриях, да и в самом Сибирском Приказе по-прежнему наблюдались «прижимки», поборы и другие нарушения при даче проезжих памятей. Для устранения взяточничества и расхищения стратегического сырья Петр I, кроме городских печатей, именным указом от 9 декабря 1696 г. «О сделании вновь казенной печати Сибирского царства, о прикладывании оной к грамотам и подорожным, о непропускании никого с грамотами без печатей и о конфисковании привозимых товаров и вещей, у которых сей печати не будет, повелел сделать новую печать Сибирского царства» [ПСЗ-1, т. III, № 1444]. Печать представляла двух соболей, стоящих на задних лапах, а в передних держащих щит с надписью: «Царства Сибирскаго» [Лакиер, 1990, с. 102] (Табл. 1.10.).

От 31 декабря 1696 г. сибирским воеводам была разослана Царская грамота о новой печати Сибирского приказа. Петр I повелел сделать «Особую свою Великого Государя печать, которою впредь в Сибирском Приказе в сибирские и иные городы, где о каких Его Великого Государя или о челобитных делах писать доведется печатать грамоты ... и только при такой печати дозволил пропускать через Верхотурье; всех же лиц, имеющих воротные печати, из разных приказов, или другие какие грамоты –

задерживать, доносить и ожидать распоряжение о пропуске в Сибирь или в Россию».

Также без печати «подвод давать не велено, а велено держать до Его Великого Государя указу за караулом. ... за тою же печатью всякого чина людей пропускали и слушали» [ПСЗ-1, т. III, № 1559].

Описание печати на грамоте иркутскому воеводе Семену Полтеву: «...А на той печати вырезаны два соболя стоячие, над ними корона, а поперечь соболей по грудьям лук с тетевою, у соболей накрест две стрелы с копьем и перьем. Посторонь стрел внизу соболей подписан 7205 год, и под соболь-ями земля, а около печати слова таковы: «Печать Великого государя Сибирского приказу» (Прилож., табл. 1.10.) ...и тою нашего Великого государя печатью, впредь, во все Сибирские городы учнут печатать наши Великого государя грамоты, и проезжия, и подорожныя, для того чтоб впредь никто из Русских городов в сибирские городы по особым нашим Великого государя грамотам и подорожным и проезжим из иных Приказов, без ведома и отпуску Сибирского Приказу, не проезжал [АИ, т. V, № 259].

Эта печать была заменена в 1699 году новою, общею для всего государства, такого вида: весы, в руке выдвигающейся из облака, над которым зрительное око, кругом надпись: «правда на нюже око державствующаго зрить» [ПСЗ, т. III, № 1727]. Сведения об этой сохранившейся печати или ее следыв могут быть только предположительными. Так, на «Грамоте Енисейского воеводы из Сибирского Приказа Иркутскому воеводе» от ... 1700 г. выявлена полуразрушенная черновосковая печать с изображением части руки, выдвигающейся из облака [РГАДА, Ф. 1121. Стл. 505. Л. 8].

Однако именно «Печать Великого государя Сибирского приказу» послужила основой для создания печати Сибирской губернии 1710 г., которая заверяет одну из грамот: «данную архимандриту Успенского Долматова монастыря Исакию с братией на монастырские их земли; по Тобольскому уезду за № 33» от ... 1717 г. [Сб. снимков, 1858, табл. XX, № 7].

Послужила она и основой для создания сибирского герба, сочиненного Ф. Санти, но получившего Высочайшее утверждение лишь в мае 1729 г.: «Два соболя черных, стоящие на задних ногах, держат лук и корону золотые, межь ими две стрелы черные, а перья и копья красные; поле белое» [Винклер, 1900, с. XV] (Прилож., табл. 1.10.). Этот герб Высочайше утвержденным докладом Военной Коллегии от 18 января 1777 г. был помещен на знамени десяти-эскадронного драгунского Сибирского полка, состоявшего ранее при Сибирском корпусе [ПСЗ-1, т. XX, № 14562].

Сибирский герб на протяжении столетий, среди других территориальных гербов, сопровождал видоизменяемый со временем полный государственный герб Российской империи. В 1893 г. П.П. Винклер в статье о государственном двуглавом российском орле, заказанной ему редакцией энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона, также указывает на левом геральдическом крыле главного символа России герб царства Сибирского.

2.4. Генезис и обоснование символов территориальных печатей

Большинство символов рассмотренных территориальных печатей – пушные звери, «мягкая рухлядь» Сибири, олицетворение ее пушного промысла и стратегического российского сырья.

В первую очередь рисунки печатей, игравших роль товарных клейм, несли функциональное назначение.

«Мягкая рухлядь», другие товары и грамоты запечатывались печатью-клеймом красной краской с эмблемой соответствующего административного пункта, от которого исходило разрешение на вывоз товара из Сибири. С помощью печатей с легко запоминающимися образами лесных сибирских зверей происходил скорый визуальный обмен информацией и таким образом облегчался тщательный таможенный досмотр.

При общей известности символических значений пушных зверей, есть смысл остановиться на них подробнее и рассмотреть с точки зрения

теоретической геральдики. Можно дать или указать опорный образ, от которого будет позволено глубже исследовать зооформизм сибирских печатей. Так ли он утилитарен, как кажется с первого взгляда?

Представляется интересным проследить, в какой степени землепроходцы были знакомы с промысловыми зверями Сибири, что знали об их распространении и образе жизни. В источниках встречается очень мало сведений, освещающих этот вопрос [Скалон, 1951, с. 82].

В то же время, рассматривая человека как творца модели окружающего мира с помощью знаков, можно предположить концепцию создания территориальной эмблемы не ареалом распространения пушного зверя в окрестностях сибирского города, а с точки зрения ценности меха, соответствующего статусу населенного пункта.

Выше соболя расценивался только бобр, затем значительное место занимали лисицы, доля которых в заготовках возрастала со временем. Второстепенное значение имели белка, горностай, рысь, куница, единично росомаха, совсем редко волки [там же, с. 27].

Переходя к характеристике символических рисунков печатей, рассмотрим изображения представителей животного мира Сибири. Пушные: соболь (Тобольск, Верхотурье, Березов, Сургут, Енисейск, Якутск, Илимск, Томск, позднее Иркутск); лисица (Обдорск, Тара, Тюмень, Сургут); бобр (Тюмень); росомаха (Туринск); рысь (Исетск [Кетск]); белка (Нарым); горностай (Нарым); волк (Кузнецк); барс (Ленск), бабр (тигр) (Иркутск). Копытные: олень (Мангазея); лось (Пелым). Птица (орел) – (Якутск, Иркутск, Нерчинск, Албазин). Исключение составляют мифический единорог (Красноярск) и корона (Томск).

Итак, эмблемой девяти городов, в том числе уездных восточносибирских Енисейска, Якутска, Илимска и Иркутска, является соболь – особенно значимое сибирское сырье на протяжении веков «... как множеством и дороговизною своего рода, так и знаменитою торговлею, которая очень славна...» [ОИН, 1988, с. 18]. Эмблема самой Сибири в начале

XVII в. представляла двух соболей на задних ногах по бокам дерева. В указе 1666 г. она была описана: «Печать Сибирская, на ней дерево стоящее кедровое, к дереву два соболя стоят на задних ногах» (Прилож., табл. 1.10.).

Соболи были помещены в уже рассмотренных печатях «Сибирского царства», «Сибирского Приказа» 1696 г., «Сибирской губернии» 1710 г., а также в гербе Сибирском 1729 г. То есть даже в символике самой Сибирской губернии доминантой является фигура соболя.

Представитель зарождающегося общественного сибирского экологического движения, иркутский купец второй гильдии А.И. Швец писал: «При поступательном движении первых русских в Сибирь и далее, одним из главных мотивов..., были пушные шкурки разных зверей, из которых соболь, конечно, играл главенствующую роль. Его было в Сибири так много, что один только ясак сдавался до 5000 сороков, или 200 000 штук... мягкая рухлядь получалась казною в то время в таком большом количестве, что, несмотря на отправляемые громаднейшие караваны в Пекин и Ургу, большая часть мехов все-таки оставалась в кладовых. Сибирь представлялась русским естественным зверинцем, неисчерпаемой кладовой мягкой рухляди...» [Швец, 1911, с.1].

Образ соболя с самого начала освоения русскими Сибири стал играть роль ее материального символа, «...соболю мы до известной степени обязаны присоединением этого края к России» [там же].

Но символ нельзя создать искусственно или вложить в него только личное толкование. Знаки, выражающие значение явлений, могут иметь или условный, или реальный характер.

По мнению А.В. Арциховского, гербы главных русских городов с изображениями животных, узаконенные в XVI в., имеют в большинстве случаев «древние корни». Но эту ситуацию ученый рассматривает с точки зрения археологии соответствующего региона. Так, «нижегородский герб – лось [24] заставляет вспомнить о фигурках лося, известного в археологических материалах этой области. Пермский герб, медведь, заставляет вспомнить о

постоянно находимых на Верхней Каме бронзовых фигурках медведей. В Восточной Европе археологи отмечали две области, где медведя издревле почитали особенно: одна из них впоследствии стала Ярославской землей, другая Пермской: обе они (и только они) получили в герб медведя» [Арциховский,1947, с. 213].

Исключительный интерес в понимании генезиса русского зооформизма представляет средневековье, пронизавшее мир сложной символикой, связывавшей все в единую априорную систему. Разнообразные звери с древнейших времен служили символами при изображении природы и человека – от мифологии с ее символизмом и зооформизмом до средневековых сатир [Лихачева, 1976, с. 99]. Средневековые сборники философско-богословского характера были распространены по всей Европе, в том числе и на Руси. Это «Шестидневы», «Физиологи», «Слово», «Азбуковники», «Палеи» и другие. В данных сочинениях прослеживается главная нить – представление о природе как о собрании целесообразно устроенных объектов. Символика животных давала средневековым моралистам обильный материал. Русское церковное сочинение XVII в. «От Шестиденца избрано о животных» удачно представляет сжатую и умелую передачу содержания пятого и шестого слова «Шестоднева Иоана Ексарха», в котором передана основная религиозно-нравственная мысль автора, заложенная в характеристике животных.

Это их обычаи, образ жизни, разнообразные способности, как-то: сообразительность, забота о потомстве, умение предугадывать погоду, исход болезней, разнообразные природные явления, а также пороки – лютость, лукавство, жадность и другие. «Лев заметает свой след хвостом не только, чтобы уйти от охотника, но чтобы указать человеку на тайну воплощения» [Дурново, 1902, с. 45].

Средневековая «Физиологическая сага» рассматривала всех животных и все их свойства – реальные и вымышленные – с точки зрения тайного нравоучительного смысла, в них заключенного [Д.С. Лихачев, 1956, с. 166].

К символам сибирских богатств можно отнести и оленя (печать Мангазеи) и лося (печать Пелыма). В международной символике, в том числе древнерусской, копытные животные наделены человеком некоторыми символическими значениями и мистическими свойствами, символами «вечных» и «временных отношений». «Олень устремляется к источнику не только для того, чтобы напиться воды, но и чтобы подать пример любви к богу» [Дурново, 1902, с. 45].

И все же информационное средневковое пространство приводит к варианту понимания, что на сибирских печатях копытные животные, в частности, представлены как «ядомые» или «снедные звери», т. е. как и дикие козы, кабарги, кабаны и другие животные Сибири, добываемые населением и употребляемые в пищу, и служащие средством выживания колонистов в суровом сибирском краю.

Соболь, как и белка также относились к «ядомым зверям» на Камчатке и разных местах Сибири. «Камчадалы убивали соболей не для меха, который считали хуже собачьего, а более для мяса, которое употребляли в пищу» [Швец, 1911, с. 12]. В результате, выразив внешним зооморфным символом скрытое содержание явлений реальной жизни, человек обозначил этим значение данного символа и использовал знаки, которыми определил реальные жизненноважные явления своего существования.

Из двадцати сибирских печатей – шесть имеют изображение стрелы (Тобольск, Березов, Обдорск, Енисейск, Нарым, Илимск), две – лук тетивою вниз (Енисейск и Нерчинск). Лук изображен также на печати Сибирского приказа 1696 г. и печати Сибирской губернии 1710 г. Лук в сочетании со стрелой – один из видов древнейшего метательного оружия – играл немаловажную роль в знаковой системе мира.

Можно согласиться с мнением, что Сибирь имела стрелу как эмблему с XVI в., означающую, по-видимому, великие завоевательные походы в Сибирь Ермака и его последователей [Сперансов, 1974, с.186].

Как вид древнейшего оружия многих народов, лук и стрела были главными боевыми и промысловыми атрибутами многочисленных племен аборигенов Сибири. Их изображения в различных модификациях наблюдаются у сибирских народов в тамгах, генезис которых прямо не связан с тотемическими предками родов и племен. Это охотничьи, бытовые и орнаментальные группы символов. Они отражают, кроме того, суеверные представления бурят, приписывавшие этим предметам, особенно стреле, способность вмещать в человеческую душу, так называемую сулдэ (жизненную силу) [Михайлов, 1993, с. 41].

При создании несколько поздней символики герба (собственного) уездного города Ачинска Енисейской губернии Иркутского наместничества (1785 г.) лук и стрелы явились в нем единственным изображением: «в красном поле, лук и колчан для стрел, в знак того, что живущие в оном округе, прежние обыватели Сибири употребляют сие оружие» [Винклер, 1900, с. 7].

Так чем же руководствовались русские сибиряки, определяя доминантой символики новых городов образы стрел и лука?

В российских территориальных гербах лук является «говорящей» эмблемой. Изображение этого предмета вооружения на печатях городов Сибирского приказа и Сибирской губернии дает исследовательский материал и позволяет классифицировать лук по виду.

Известно три вида луков, изобретенных человеком, которые существовали одновременно на протяжении веков. Самым древним является простой лук – гибкая пружинная палка, стянутая по хорде тетивою в дугу. Такие луки встречаются на печатях документов Нерчинского воеводства XVIII в. с изображением летящего орла. Простым луком пользовались эвенки, буряты и другие сибирские народы. Следующий вид лука – усиленный – составлялся из нескольких разнородный частей, но эти части не скреплялись наглухо, как это делалось позднее, а плотно соединялись обвязкой. Третий вид – сложный лук. Он напоминает букву сигму. Обычно

его собирали из многих материалов – дерева, рога, кости, позднее металла. Именно такой лук присутствует в большинстве на сибирских печатях XVII в. Подобные орудия изображены в руках скифов на знаменитой куль-обской вазе, воины чингисидов также использовали сложные луки. Сложный лук был известен в странах Востока, кроме того, это могучее оружие племен Восточной Сибири. Производя раскоп на реке Лене у села Жигалова, А.П. Окладников обнаружил в неолитической могиле со скелетом пластины, которые были записаны в число «предметов неизвестного назначения». Позже выяснилось, что это обкладки усиленного лука, из которого вырос поздний тип лука – сложный [Успенский, Шнейдер, 1963, с. 287].

Известно, что сложные луки были на вооружении московского воинства XVI в. В настоящее время широко растиражирована гравюра З. Герберштейна из книги XVI в. «Записки о Московитских делах», на которой изображены русские воины с подобной формой лука.

В Европе уже в XVI в. лук и стрелы вытесняются сначала арбалетом, а затем огнестрельным оружием. Но ко времени возникновения в Сибири русских поселений, при использовании русскими огнестрельного оружия, мобильное метательное оружие также оставалась одним из промысловых средств. Об этом свидетельствуют археологические раскопки русских поселений XVII – XVIII вв. на севере Восточной Сибири, проведенные А.Н. Алексеевым в конце 1980-х гг.

На раскопе Алазейского и Стадухинского острогов, основанных служилыми людьми на берегах Индигирки и Колымы, были найдены десятки кремневых и железных наконечников разных форм и предназначения, а также десятки фрагментов древков стрел и лука [Алексеев, 1996, с. 42 – 45].

Характерен также пример раскопов русского селения Засопка под Читой, где среди разнообразного археологического материала наряду с пулями были найдены наконечники стрел [Ковычев, 1988, с.27].

Железные и бронзовые наконечники стрел были найдены в раскопах на месте полуземлянки с останками не погребенных русских защитников

Албазинского острога среди нательных крестов, иконок, пуговиц, перстней и т.д. [Артемьев. 1999, с. 293, 295, 298].

В каждом историческом периоде человечества рождаются свои знаково-образные системы. Но в каждой культуре одни и те же символы нередко имеют свои значения. В этом плане несколько особняком стоит символика стрелы и лука, не имеющая скрытого смысла. Потому, вероятней всего, на сибирских печатях в ней запечатлено содержание известного международного образа – готовности к войне и отражению неприятеля. Это естественно, поскольку стремление России к освоению «свободного» пространства, продвижению дальше на север и восток Сибири, а также способность удержать завоеванные территории и охраны границ сыграли главную роль в утверждении лука и стрелы в качестве геральдических символов первых городов и острогов новых российских земель.

В то же время в российской геральдике лук указывает на охотничье хозяйство, лесные угодья сибирских регионов, он является символом как обороны, так и охоты и охотничьего промысла как главного занятия страны (в данном случае сибирского региона) [Похлебкин, с. 125].

При этом нерчинский орел, как и албазинский, держит лук за дугу, обратив тетиву от себя. В более поздних печатях он несет лук в полете тетивою вниз, и в том и другом случае отсутствует стрела. Орел Албазинского острога изображен держащим лук и стрелы не наготове, а в разных лапах.

Соболи на сибирских печатях также стоят на луке тетивою вниз (печать Енисеского острога) или держат его подобным образом, как символ обороны и защиты своих земель (печать Сибирского приказа).

Все это говорит о мирном намерении как внешней, так и внутренней сибирской политики российского государства. Троичность печати Сибирской губернии 1710 г., где наряду с гербом Сибирского приказа в изображение включены вятский и пермский гербы, указывает на начало границ Сибири, ее территориальную неприкосновенность и защищенность (вятский герб), а

также на распространение на ее территории православной веры (пермский герб).

Из общего ряда жизнеспособных образов сибирских печатей выделяется на печати Красноярского острога популярное мифическое существо – единорог. Этот символ занимает существенное место в геральдике, его именем названо экваториальное созвездие (Monoceros, лат). Но в территориальной символике мифические образы встречаются редко и сводятся всего к нескольким фигурам: «грифу, дракону и змию» [Винклер, 1900, с. 38].

В восточной мифологии единорог носит название «лошадь-дракон», здесь он наделен разными замечательными качествами человечества. Он облачен в шкуру праздничной окраски; наделен добрыми чувствами и проницательным умом.

В разные эпохи и в разных культурах единорог выглядел по-разному, но везде являет собой положительный образ: символ чистоты, целомудрия, долголетия и непобедимости. Его появление символизирует приход хорошего правительства или рождение истинного монарха.

Обычный образ единорога включает в себя тело и голову лошади, ноги и копыта оленя, бороду козла, хвост льва и витой рог во лбу. Именно таким он изображен на гербе Великобритании первой половины XVII в. времен короля Джеймса I. Известно, что самые ранние изображения единорога в виде однорогого быка встречаются в памятниках культуры третьего тысячелетия до нашей эры, в частности, на печатях древних городов Мохеджо-Даол и Хараппы (долина реки Инд). Единорог фигурирует в священных индийских текстах «Махабхарата» и «Атхарваведы» (миф о потопе). Именно к его рогу прародитель людей Ману привязал свой корабль, и единорог привел его к возвышающейся среди воды северной горе. Отсюда влияние позднейшей индийской традиции на появление мифического существа в западноазиатских и раннеевропейских мифологических системах [Иванов, 1987, с. 429].

Любопытно, что в древнеиндийской легенде о потопе «Шаталатха – брахмане», сходной по сюжету с древними мифами Шумеры и Греции, была впервые изложена легенда о рыбе-единороге, спасшей корабль: «Ману привязал корабли к рогу приплывшей рыбы». Возможно, древние имели в виду существующих в природе китов-нарвалов, имеющих единственный рог во лбу, которых в средневековой Европе также называли единорогами.

И все же, как любой внешний символ, единорог имеет скрытое значение, раскрывающее содержание соответствующего явления. Нельзя в символе русского города ограничить поиск его происхождения мифологическими сюжетами востока и запада. Пряма или опосредована его связь с русской культурой? За неожиданным появлением в государственной символике XVI в. Этого, на первый взгляд, неведомого Руси образа скрывается во многом еще не исследованная история.

Как известно, впервые мифический зверь появился на печати Ивана IV в 1562 г. На реверсе, в центре (в картуше) двуглавого орла вместо обычного всадника, поражающего копьем змия, изображен инрог – известный к этому времени, согласно тексту, уже упомянутого средневекового «Физиолога» – символ чистоты и девственности. Вот почему первое из известных древнерусских изображений единорога в Псалтири 1397 г. относится к текстам, указывающим направление поиска значения этого символа на царских печатях.

А.Г. Силаев выдвигает версию появление единорога в первую очередь мистико-религиозными исканиями Ивана Грозного, который придавал новому символу царской власти собственное значение. По мнению исследователя – только благородная чистота единорога, а не символика опричнины приличествовала царскому гербу [2003, с. 122]. Кроме того, эта фигура в дальнейшем встречается на некоторых печатях царей Б.Ф. Годунова, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича [Лакиер, 1990, с. 147]. Единорог изображался не только на государственных, но и на личных гербах дворянских родов России.

Хорошо известен пример единорога на гербе графов Шуваловых [25].

На наш взгляд, присоединение Сибири к России, строительство острогов и учреждение городов побуждали человека искать соединенные религиозно-символические образы. В позднесредневековых текстах «Русских азбуковников» XVI – XVII вв. единорог описывается как непобедимый зверь, вся сила которого заключается в его роге. Человек в суровой окружающей действительности подсознательно видел в этом образе защиту и питал надежду на благополучие своего нового сибирского пристанища. Кроме того, Красноярский острог возник на новых сибирских землях в 1628 г. – времени правления царя Михаила Федоровича. Царю принадлежала печать «Дворцовая Государя и Великого князя Михаила Федоровича» с изображением идущего единорога в правую геральдическую сторону. Эта печать носила название «Печать Приказа Большого Дворца» и использовалась в течение нескольких десятилетий.

В фондах РГАДА просмотрена печать на грамоте: «Данная соликамскому воеводе Илье Ивановичу Злобину по спорному земельному делу Пыскорского монастыря с гостем Г.Л. Никитниковым» от 30 августа 1632 г. Печать черновосковая, d = 25 мм, надпись: «Большого Дворца» [РГАДА. Ф. 281. № 11260. Л. 6] (Прилож., табл. 1.3.). Следующее изображение отличается тем, что под ногами единорога положена ветка и расширена надпись. Печать сохранилась на грамоте 1638 г.: «Данная архимандриту Троицко-Сергиевского монастыря Нектарию с братией по судному делу о монастырских рыбных ловлях в реке Волга, которыми завладели посадские люди Нижегородской Кунавинской слободы; по Нижегородскому уезду за № 150» [Сб. снимков, 1858, табл. XIII, № 139, с. 22].

Сибирского – красноярского единорога, практически идентичного своему изящному собрату на царевой печати Михаила Федоровича, отличает лишь большая экспрессия в движении. Он уже не шествует величественно подобно царской особе, а устремляется вперед. Думается, что в данном

случае создание печати Красноярского острога с изображением единорога следует рассматривать и как религиозно-символический образ непобедимости, и как инсигнию власти царствующего тогда на Руси Михаила Федоровича. Сама же символика единорога имеет древнейшие славянские корни. Единорог – символ мифологический, а символически толковать свою мифологию склонны были еще древние православные апологеты. Средневековье символически истолковывало Ветхий и Новый заветы и тем же путем все явления природы [Д.С. Лихачев, 1956, с. 166]. В «Ветхом завете» единорог – одно из действующих лиц, его символика играет существенную роль в средневековых христианских сочинениях, восходящих к греческому тексту «Физиолога» (II – III в.в. н.э.). Хотя печать Красноярского острога была переутверждена Петром I и в последующих актах («Роспись» 1692 г.), и активно использовалась в региональном делопроизводстве XVII в., образ единорога оказался нежизнеспособным. В XVIII в. следы красноярской печати теряются, и ее отличает крайняя физическая редкость.

К началу XIX в. при создании герба города Красноярска Томской губернии, как указывалось, геральдические традиции края не были использованы. В середине этого же столетия в красноярских гербах Енисейской губернии главенствующую позицию занял лев.

Лев – образ не приобретенный, он также появился из глубин славянской мифологии, обрел новое звучание благодаря распространению христианства, оставаясь в памятниках Владимиро-Суздальской Руси выразителем характерного для X – XIII вв. двоеверия, декларировал незыблемость власти владимиро-суздальской династии Мономашичей.

Нельзя исключить и иные версии этого культурного заимствования, в том числе влияние тюрских народов Великой Степи, в представлении которых лев являлся зверем – покровителем власти [Силаев, 1993, с. 51].

Действительно, сибирский геральдический лев не только композиционно сходен со львом «герба Владимирского», но и во многом

повторяет его. Владимирского льва можно видеть на Титулярнике Алексея Михайловича, рисунки которого достаточно растиражированы в российской историографии. Отличие заключается в направлении движения символов: (владимирский лев шагает в левую геральдическую сторону), а также в атрибутах: святительский крест в лапах и корона на голове (лев владимирского герба), лопата с серпом (лев красноярского герба). Но положение лап, головы и всей фигуры львов практически идентичны, как и высунутый язык.

Итак, основным признаком территориальной символики Красноярского острога, а затем города Красноярска XVII – XVIII вв. является попытка реанимировать религиозно-мифологические и властные древнерусские сфрагистические образы.

Символика печати Илимского острога уже рассмотрена, за исключением одного из образов – символа, имеющего религиозную основу. На печати по «Росписи» 1692 г. хорошо виден изображенный над соболем «репей». В. И. Даль дает несколько характеристик этого слова. Первое в обычном понимании – «растение с небольшими колючими головками», второе – «полоска ткани как украшение», третье – «колесцо звездочкою в шпоре» [Даль, 1882, с. 92]. В данном случае в илимской печати репей употреблен именно в значении маленькой многолучевой звездочки с колесиком внутри, которая является деталью сапожной шпоры или просто звездочки. Шпоры с колесиком возникли на Руси в 1220 – 1230-х гг. и были распространены здесь раньше, чем где-либо в Европе. Археологические изделия показывают, что на севере Руси их употребляли вплоть до начала XVI в.

Таким образом, несмотря на татарское военное давление (а татары шпор не знали), распространение шпор сохраняло общерусский характер [Кирпичников, 1976, с. 48 – 49].

В предыдущей «Росписи» по Ремезову описание печати более конкретно: «Выдра, верх ея звезда». Значит именно звезда является

первичным символом илимской печати. В указанной «Росписи» она изображена шестилучевой. На оттиске же печати по «Росписи» 1692 г. звезда-репей восьмилучевая. Откуда же этот нюанс в старой сфрагистике России? И так ли он случаен? При включении в рисунок печати более двух символических знаков миниатюра может вызвать впечатление громоздкости изображения. Однако печать Илимска отличает конкретность и лаконичность, несущая максимальную информацию. Вверху соболя значение, которого уже рассмотрено, расположена звезда – легко читаемый и воспринимаемый человеческим сознанием астральный знак, принятый в геральдике всех народов земли, символ вечности и путеводности.

Субъективное интерпритирование шести или восьмилучевой звезды объективно рождает ассоциацию образа, которым в данном случае служит икона Богоматери. Среди сотен старинных иконописных творений Пресвятой Богородицы выделяется большинство с изображением в трех случаях на её ризе (голове и плечах) восьмилучевого, редко шестилучевого астрального знака [Снессорева, 1993, илл.].

Восьмилучевая звезда – издревле символ Пресвятой Богородицы и состоит она из двух четырехконечных звезд, которые по своей форме создают крест – символ света во мраке ночи. Россию называют Богородичной страной, чудотворная икона – памятник духовного величия России. Русский православный народ считает Россию Домом Пресвятой Богородицы, и выходил он на защиту Отечества с оружием в руках со словами: «Постоим за дом Владычицы нашей Богородицы». Символ Божьей Матери – символ России, при этом Богородица является заступницей и покровительницей русской земли.

Н.П. Лихачев первым в историографии русской сфрагистики вынес на обсуждение символическое значение Божьей Матери. Данные исследований тридцати двух печатей «С изображением богородицы» в его монографии «Моливдовулы греческого Востока», подготовленной к выходу в свет АН СССР, иллюстрируют результат продолжительных наблюдеий и основной

вывод ученого, что изображение Богородицы «традиционно для сфрагистических регалий лиц, связанных в правовом отношении с церковью» [Н.П. Лихачев, 1991, с. 154 – 175].

В сибирской реалии середины XVII в. таким лицом может являться иеромонах Гермоген, основавший Усть-Киренский Троицкий монастырь, один из главных монастырей Иркутской епархии и обозначенный в предыдущем параграфе на монастырских грамотах. Грамоты на земли Усть-Киренского Троицкого монастыря, полученные от местной администрации, заверялись, как и во всех сибирских уездах территориальными печатями, в большей степени, Илимского и Иркутского острогов.

Монастырь строили священнослужители Илимска и многого добились в распространении православной веры среди коренного населения.

В пользу персонофицирования изображения илимской территотриальной печати говорит и факт истории иконы «Албазинской Божьей матери», которая, по свидетельству А.Р. Артемьева, и в настоящее время является самой почитаемой церковной святыней на всем Дальнем Востоке.

Гермоген привез икону Богородицы в Албазин в 1665 г. и основал в 1671 г. в верхнем течении Амура Спасский монастырь. После разорения монастыря монах спас икону и доставил в Сретенск. В 1860 г. реликвия была подарена епископом Иннокентием епархии города Благовещенска, где хранится до сих пор [Аретемьев, 1999, с. 103].

Символика печати Илимска представляет синтез государственности, православия и экономической сферы. Кроме того, создатель печати сознательно нес зашифрованную информацию, что дальняя сибирская земля православная и на нее распространяется не только заступничество и покровительство, но и владычество Божией Матери, а значит России.

Иеромонах Гермоген, в данном случае, явился неким связующим звеном в православии и государственной символики новых сибирских земель.

Подводя итог характеристики территориальным печатям Восточной Сибири XVII – XVIII вв., можно во взаимосвязи отметить следующие факты. Рассмотренные сфрагистические материалы наглядно доказали начало эпохи сибирской сфрагистики и в последующем ее развитии – геральдики. Они указали на формирование и существование в регионе территориальной печати, в которой ее эмблематика выражена зооморфным изображением, главным образом, пушных зверей как символа Восточной Сибири – центра пушного промысла государства. Основным признаком другого ряда сибирских сфрагистических образов является как религиозно-мифологическая основа русской православной культуры, так и знаковость высшей государственной власти. Немаловажное значение приобретал символический орел на печатях главных городов Восточной Сибири – Иркутска, Якутска, Албазина и Нерчинска, которому будет уделено отдельное внимание в следующей главе.

Глава 3

Территориальная символика конца XVII – второй половины XIX вв.

3.1. Генезис, основные признаки и эволюция зооморфного символа (орел) в печатях и гербе г. Нерчинска (1790)

В 1655 г. по указу Алексея Михайловича был возведен в степень воеводства Нелюцкий (Нелюдский) острог. С 1659 г. он официально назван Нерчинским, а с 1689 – 1690 гг. возведен в степень города. В 1690 г. была установлена Нерчинская администрация и образован Нерчинский уезд [Константинова, Халецкий, 2003, с. 10].

В первую партию территориальных печатей, утвержденных в царствование Алексея Михайловича и получивших документальное подтверждение в «Росписи» 1656 г., Нерчинск не вошел по причине своего официального небытия. Первые сведения о печати «Даурских острогов на Нерчинской» находим в «Росписи государевым царевым ...» «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова [РНБ. Эрм. № 237]. Здесь дано изображение печати без описания, но рисунок идентичен следующей «Росписи» 1692 г.: «На Даурской, Нерчинской. Орел одноглавый держит лук вниз тетивою, кругом написано: печать Государева Сибирския земли Даурских остроговъ» [ПСЗ-1, т. III, № 1443]. Рисунок с печати, сделанный С.У Ремезовым, изображает птицу, обращенную в левую геральдическую сторону, стоящую на земле с поднятыми крыльями и с поднятой кверху левой ногой, в которой держит лук тетивою вниз. Изогнутую дугу лука птица поддерживает клювом и как бы готовится взлететь.

<u>Сведения о печати с надписью: «Орел одноглавый держит лук вниз тетивою» в опубликованных источниках:</u>

«Память Нерчинского воеводы князя Матвея Гагарина в Троицкий, что на устье Тунгузки монастырь, о праве владеть монгольским мальчиком, по духовному завещанию прежняго его владельца казака Игнатьева» от 11 июля 1693 г. В подлиннике надпись: «Писан столбцем, на одном листе. К сей

памяти Великих Государей Царей и Великих князей, Иоана Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великие и Белые и Малые России самодержцев печать земли Даурской города Нерчинска столник и воевода князь Матвей Петрович Гагарин приложил. Из архива Нерчинского Городового Управления» [АИ, т. V, № 222].

В XVIII в. этот рисунок был изменен, и на прикладных печатях документов Нерчинского воеводства он изображает уже летящего орла, оборачивающегося назад [Куренная, 1997, с. 8; 2003, с. 102]. В «Географическом описании Нерчинского уезда» Г.Ф. Миллер сообщал: «Во время нашего присутствия в 1735 г. весь штат канцелярии составляли шесть канцеляристов и несколько копиистов... Печать канцелярии представляет собой летящего орла с повернутой назад головой, держащего в когтях землю» [Миллер, 1990, с. 177]. Описание печати неверно, поскольку изображенный на оттисках орел держит в лапах не землю, а лук. Ошибка вкралась не в текст Миллера, а в его перевод с немецкого в 1739 г., когда переводчик принял слово «боген» (лук как оружие), за «боден» (земля). В результате в русском тексте были не просто перепутаны два совершенно разных понятия, но исказилась сама семантика сфрагистического символа нерчинской земли. Образ орла на разных печатях несколько варьируется, но везде птица одинаково взмахивает правым крылом и оглядывается назад. Чем было продиктовано изменение рисунка?

Версия, которую предлагает автор, является лишь художественной. Орел летит на восток в сторону новых земель. Обозревая поворотом головы окрестности, птица парит в воздухе, и как бы приглашает под сень своих крыльев все народы и племена, живущие на сибирской территории.

Подобный рисунок говорит в пользу мастеров, которые занимались изготовлением воеводских и других сибирских печатей. Способности и талант резчиков в создании круглых сибирских государственных миниатюр XVII – XVIII вв. несомненны. Несомненно и то, что на азиатский континент резчиком нерчинской печати был привнесен мотив русского бытия, в

частности, – древнейший элемент буквенной вязи в заставках русской книги. Так, в буквицу очень часто включали зооморфный орнамент в виде сказочной птицы с подобным поворотом головы и идентичным положением крыльев. Композиционное решение автора было определено еще и круглой формой печати. При этом рисунок необычного, но традиционного для древнерусского искусства орла вписан в пространство очень естественно и органично, в соответствии с заданной формой.

Список выявленных документов Нерчинской воеводской канцелярии, заверенных сохранившимися печатями с изображением одноглавого орла, держащего лук тетивою вниз:

«Книга для записи казенного прихода и расхода соли, провианта и денежных сумм по Нерчинскому воеводству» 1765 г. – вырезка по окружности: [печать] «Императорского Величества Сибирской земли Нерчинской», красного сургуча, d = 30 мм [ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105 Л. 221].

«Книга для записей сборов Нерчинской воеводской канцелярии» за 1766 г. Надпись та же, рисунок тот же, фрагмент печати красного сургуча [Там же, Д. 96. Л. 27].

«Книга для записи приход и расход, выручаемым деньгам запродаваемые питья» 1784 г. – рисунок изменен, вырезка по окружности: «Печать Нерчинской области экспедиции казенной полаты», красного сургуча, d = 35 [Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л. 110].

«Сообщение Доронинского уездного казначейства в Нерчинское уездное казначейство» от ... 1786 г. – рисунок изменен, вырезка по окружности: «Печать города Доронинска уездного казначейства», печать копченая, d = 35 мм [Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 1. Л. 186 об.].

«Расходная книга Доронинского уездного казначейства». «Вырезка по окружности: «Печать города Доронинска уездного казначейства» [Там же. Ф, 266. Оп. 1. Д. 12. Л. 46].

«Книга Стретенского уездного казначейства о положенном на жалование приказным служителям и на какие расходы приходная и расходная на 1791г.» Рисунок изменен, вырезка по окружности: «Печать города Стретенска уездного казначейства», элипс красного сургуча, d = 35 мм х 40 мм [Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д.. 8. Л. 30].

Характерно, что традиции старой символики Даурии не были забыты в начале XX в. После введения в 1917 г. земских учреждений в губерниях и областях Восточной Сибири в Чите была изготовлена печать: «Печать Читинской земской избы». Матрица, (d = 40 мм), желтый металл (медь), на аверсе изящная летящая птица, по виду напоминающая журавля, держащая лук вниз тетивою, на реверсе резьба для ввинчивающейся ручки [фонд ЧОКМ]. Совершенно очевидно, что стилизованный образ птицы взят автором из образцов регионального сфрагистического материала конца XVII в. Вырезки по окружности печатей документально подтверждают факт использования образа орла с луком в качестве официального регионального символа даурской земли, независимо от территориально-административного обозначения данной местности в течении XVII – XVIII вв. Как уже рассмотрено, города Якутск , Иркутск и Албазинский острог имели на своих печатях изображение одноглавого орла.

Это была государственная политика России. Символика птицы становится государственной еще со времен первых князей Древней Руси. Искусство домонгольской Руси было богато архаичными изображениями двуглавых птиц, которые народное восприятие отразило в мифических и сказочных сюжетах. Образ символической двуглавой птицы в славянских поволжских и других областях становиться художественным, а ее эмблема распространилась на огромной территории от Индии до Беломорья и Западной Европы. Орел в качестве символа царского достоинства существовал единовременно со львом, святыми воинами и светскими всадниками, поочередно со служившими эмблемами великокняжеской власти, и терпеливо дожидался того времени, когда его востребует

политическая реальность Всея Руси [Силаев, 2003, с. 37, 84]. До времени царствования Михаила Федоровича двуглавый государственный орел имел две короны и между ними обыкновенно находился русский шести или восьмиконечный крест, символизирующий православие. В 1625 г. вместо креста стали помещать третью корону. Три короны двуглавого орла являли собой символ святой Троицы или эмблему трех царств – Казанского, Астраханского и Сибирского. Сибирский орел как бы отделился от основного государственного символа и был запечатлен на городских печатях. Вот почему в надписях по окружности указано, что орел – «одноглавый». Можно только предполагать – какие чувства испытывали при этом первые русские сибиряки. Утилитарно понимая значение орла в российской государственности как символа верховной власти и отводя этой птице достойную роль в фауне обжитого края, русский человек подсознательно наделил орла всеми теми чудесными качествами, которыми наделяли его другие народы земли – финны, иранцы, древние индусы, тунгусо-маньчжурские и монгольские племена.

С незапамятных времен существовал культ орла у сибирских народов – бурят и якутов. У них орел – божественное существо первого ранга. У якутов орел – хозяин и повелитель солнца, хозяин огня. У бурят-шаманистов хищная птица являлась спасителем человеческого рода и первым шаманом. По их мифологии орел знакомит людей с ремеслами и науками, приносит им в дар культурные ценности [Окладников, 1970, с. 117]. У монголов орел возводит на престол государя – самого Чингисхана. В боевых походах монгольское войско сопровождало знамя с геральдическим символом – белой летящей хищной птицей. Стражники православных городов издалека иной раз принимали птицу за белый христианский крест и открывали ворота захватчикам. В символике в целом, в разных интерпретациях запечатлены образы креста, подразумеваемого птицей, и наоборот.

Большой интерес, по данным А.П. Окладникова, представляют писаницы с изображением орлов на территории Забайкалья эпохи бронзового

века в пределах Читинской области, Бурятии и Северной Монголии, то есть в долинах реки Селенги и ее притоков – Джиды, Уды, Хилка, Чикоя, Толы, а также в бассейне Шилки-Амура. Всего в писаницах насчитывается 475 фигур птиц: они представлены в одной и той же стандартной позе. «Птицы вертикально парят в воздухе, широко распластав крылья, концы которых слегка загнуты кверху...». Хищная птица расшифрована археологами как носитель светлой небесной силы, залог плодородия и счастья. Появившаяся в I тысячелети до н.э. в забайкальском регионе символика птицы продолжала бытовать в различных вариациях бурятских тамг до настоящего времени [Михайлов, 1993, с. 19]. Символика орла обнаружена в материалах по старинной культуре бурят. Мотив национального орнамента с орлом был зарегистрирован в 1920-х гг. на шерстяных тканях ольхонских бурят. [Хороших, 1929, с. 200].

Таким образом, изображение величественной птицы на древних печатях не только символично, но и имеет исторические параллели и закономерности. Здесь мы наблюдаем совпадение, связывающее византийский образ орла с мировоззренческими символами древних славян и магическими формулами сибирских аборигенов. Символ орла – один из лидирующих геральдических образов международной символики. Один из первых зарубежных теоретиков геральдики И.Х. Гаттерер характеризует орла как «... так же смелости, остраго разума, астрологии и воздуха; изображенный с громовою стрелою, означает Юпитера или верховную и самодержавную власть. Он часто изображается в гербах Государей, князей и великих людей, для изъявления их власти, силы, могущества, добрых их нравственных качеств и добродетелей» [Гаттерер, 1885]. Это «символ власти и господства, также великодушия и прозорливости, он имеет разнообразные композиционные решения, но абсолютное его положение – впрямь, показывая грудь и переднюю часть тела с широко распростертыми крыльями, концы которых обращены кверху» [Винклер, 1900, с. 25].

К концу XVII вв начале правления нового воеводы Самойлы Николаева Нерчинск уже завоевал более прочное положение российского форпоста и центра караванной торговли с Китаем. Но в 1725 г. рубленый город-крепость с восемью башнями и четырьмя крепостными воротами был снесен обильным наводнением от разливов рек Нерчи и Шилки. В 1752 г. неподалеку от прежнего места вверх по Нерче он был отстроен заново. Но именно тот, разрушенный наводнением Нерчинск, принявший в 1693 г. Московское посольство в Китай, первый из забайкальских городов, и единственный тогда, получил герб в петровскую эпоху и вошел в знаменитый список первого российского геральда – графа Санти. При составлении герба Нерчинска Ф. Санти использовал государственную печать Даурской земли «Росписи» 1692 г. Первые сибирские топографы так описали созданный Санти герб Нерчинска, присланный спустя два года после его создания: «На серебре изображен орел одноглавый, держащий в кохтях лук» [ОИН, 1988, с. 110]. Здесь мы наблюдаем тождественность понятий «территориальная печать» и «территориальный герб», что было характерно для городов и острогов, имеющих городские печати. Но печать Нерчинска активно использовалась в XVIII в., а герб, созданный Санти, не ипользовался. Об этом говорит «Анкета» «Топографического описания Иркутского наместничества 1792 г.», отвечающая на запрос о существовании городского герба Нерчинска: «Прислан из бывшей еще провинциальной канцелярии в 1726 году июня 27 дня. А когда и кем пожалован – известия не отыскалось…» [Там же, с. 111].

При создании в 1782 – 1783 гг. Иркутского наместничества Нерчинску был дан новый герб: «В серебряном поле черный летящий одноглавый орел» [ПСЗ-1, т. XXIII, № 16913]. В докладе Сената указывалось, что старые эмблемы допетровской эпохи, имеющие единственную символику, расположенную в центре щита, составляют исключение и оставлены Герольдмейстерской конторой неприкосновенными. Тут и таится разгадка

того, что в ПСЗ-1 герб Нерчинска, утвержденный Екатериной II, сопровождает пометка «Старый герб» или «Сей герб старый».

Подобные эмблемы относятся к редкой, созданной на основе территориальных печатей середины и второй половины XVII в., группе. Тогда возникает предположение, что в Герольдмейстерской конторе имелись сведения о другой нерчинской печати, созданной с началом образования Нерчинского воеводства, на которой был вырезан летящий одноглавый орел без лука. Это изображение считается самым первым символом Нерчинска, возникшим в середине XVII в. [Сперансов 1974, № 227]. В то же время, многолетние поиски существования такой печати в архивных документах и сведений о ней в опубликованных источниках успехом не увенчались. Возможно, что М.М. Щербатов при составлении нового герба Нерчинска, возвратил городу его старый символ, в связи с правилами доклада Сената.

Но рассмотрим реальную причину замены прежнего герба Нерчинска, составленного Ф. Санти. Глава «О Нерчинской области» «Описания Иркутского наместничества 1792 г. » сообщает, что ко времени утверждения нового герба в 1790 году «Сей город [Нерчинск] ни под чьим владением, кроме российского, не был и в течении времяни управляем был от бывшей губернской канцелярии начальниками или прямо ис Правительствующего Сената, или от ея Императорского величества присылаемыми. Перемен же более никаких не имел, кроме того, что начальный город наводнением снесло».

Город-форпост юго-востока Сибири отстоял свое право существования в 1680-х гг., когда его казакам пришлось вести тяжелую борьбу с маньчжурскими войсками на Амуре и с монгольскими отрядами в Забайкалье. В свете этих недавних событий, орел с луком как символ русского государя и в его лице государства на печати 1692 г. символизировал готовность России защищать свои земли от посягательств внешнего врага – маньчжуров и монголов.

Лук присутствовал как сфрагистический и геральдический символ нерчинской земли еще целое столетие. К концу XVIII в., ввиду нормализации отношений России и приграничного с Нерчинской областью Китая необходимость в оборонном оружии отпала, и в угоду мирного существования двух стран, первый, Высочайше утвержденный петровский герб с орлом, «держащим в когтях лук», был заменен на летящего орла без лука. «Ныне по высочайшей ея императорского величества конфирмации удостоен черный одноглавый орел, летящий в серебреном поле» [1] – описание герба Нерчинска 1790 г. [ОИН, 1988, с. 111].

Указом Екатерины II подобный орел был утвержден и в гербе областного города Якутска. На гербе был изображен: «В серебряном поле орел, держащий в когтях соболя». При составлении герба Якутска 1790 г. эмблема старой печати «Великого государя Новые Сибирские земли, что на великой реке Лене: «Орел вцепился когтями в зверька» [ПСЗ-1, т. III, № 1443] получила реалистическое изображение в виде орла, очень сходного по внешнему виду с орлом Нерчинска, только смотрящего в противоположную сторону.

С птицей, поймавшей другое животное можно провести аналог одного из древнейших сакральных образов ближневосточной мифологии. Это мог быть ворон или сокол. Первые «Росписи» сибирских печатей также указывают: ««Печать ... на Лене, на ней сокол под ним соболь». То же в печати Иркутска [РНБ. Эрм. № 237].

«В серебряном поле черный летящий одноглавый орел» являлся официальным гербом города Нерчинска Забайкальской области с 1790 по 1920 г. Герб никогда официально не был отменен и не запрещался как региональный символ. Его образ возник из первой печати новых Даурских земель XVII в. Герб является одним из самых первых старинных российских гербов и входит в первое «Полное собрание законов Российской империи» под № 16913 с пометой «Старый герб».

Сегодня этот исторический образ занимает одно из мест в социокультурном аспекте региона, на его исторической канве создан герб субъекта Российской Федерации – Читинской области.

3.2. Генезис, основные признаки и эволюция зооморфного символа (бабр-тигр) в печатях и гербах г Иркутска (1790 г.) и Иркутской губернии (1878 г.)

К разряду городов Иркутский острог был отнесен к 1686 г. [Иркутская летопись, 1911, с. 5]. Впервые описание печати Иркутска появилось в «Росписи» по Ремезову: «Орел в левой ноге лук держит тетивою вниз, под высподом трава, а около вырезано: печать Государева земли Сибирския Иркутского города». Однако по ошибке художника «Росписи» на печати Иркутска изображен сокол, а под ним соболь (Одна из ленских печатей) [РНБ. Эрм. № 237].

По Пежемскому и Кротову 1690 г. (18 февраля), Иркутск получил печать [Иркутская летопись, 1911, с. 6]. Но по данным седьмого параграфа «Описания Иркутского наместничества 1792 г.» следует, что: Герб города Иркутска прежде имел в серебреном поле бабра, несущего во рту соболя... Как в приложенном изображении видно, получен из бывшего Сибирского Приказа в Иркутск 1694-го года с изданным в воеводском наказе, воспоследовавшем 1696 года февраля 18-го дня, следующим описанием: «Великого государя царя и Великия и Малыя и Белыя россии самодержца печать в Иркутском серебреная вырезано бабр а от головы вырезанож печать государевой земли сибирския».

Первый документ, обнаруженный в фондах РГАДА, заверенный новой собственной печатью Иркутска, датируется 1696 г. (см. «Список грамот»).

Необычным в истории сибирской сфрагистики выглядит тот факт, что первоначально фигура бабра и барса возникла на ленских печатях 1656 г. Но спустя сорок лет главные города восточных окраин России Иркутск и Якутск «обменялись» эмблемами печатей. Смена сфрагистических символов

Иркутска и Якутска произошла по той причине, что к концу столетия быстро начало возрастать значение Иркутска как важного административного и торгового пункта Сибири. При этом «барс, поймавший соболя» до конца XVIII в. оставался на таможенной ленской печати.

Опираясь на данные исследователей сфрагистических памятников центра Руси: «печати-матрицы с изображением «барса» использовались в делопроизводстве псковской администрации XVI – XVII вв. [Белецкий, 1994, с. 15]. Несмотря на то, что традиционный русский сфрагистический материал продолжал вписываться в исторический контекст новых сибирских городов и расширять свои территориальные границы, сибирские бабс и бабр имеют самостоятельную основу.

Печати с изображением бабра сохранились в достаточном количестве.

Благодаря Иркутску как административному центру, на протяжении столетий документы, заверенные в канцелярии Иркутского генерал-губернаторства оседали впоследствии в архивах Восточной Сибири, в т. ч. в ГАЧО. Небольшое, очень редкое коллекционное собрание иркутских печатей XVII – XVIII вв. хранится в РГАДА. Особенно ценными и редкими являются Малая и Большая иркутские печати с вырезкой: «Бабр несет соболя в зубах», заверяющие документы конца XVII – первой половины XVIII вв. Но и более поздние изображения представляют немалый интерес в разнообразии своих художественных образов.

Список грамот и других документов, заверенных сохранившимися печатями с изображением бабра и с вырезкой по окружности «земли сибирския Иркутского города» – Малая печать (прямая хронология):

«Данная по указу царя Петра Алексеевича строителю Иркутского Знаменского монастыря Власу Сидорову на землю и покосы по реке Ангаре» от 22 октября 1696 г. «Приложил стольник и воевода Афанасий Савельев». Черновосковая, d = 20 мм. Подушка 4 мм. Вокруг печати сплетена коса из старинной пеньки, что удерживает ее на бумаге в более прочном положении и предохраняет от разрушения [РГАДА. Ф. 281. Д. 4920] [2].

«Выпись игумну Иркутского Вознесенского монастыря Макарию с братией на соляные варницы на малом острове реки Ангары» от 13 марта 1704 г. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4924].

«Данная игуменье Иркутского Знаменского девичьего монастыря Акулине с сестрами на землю и сенные покосы за рекою Тонкою» [3] от 12 сентября 1704 г. Надпись: «Малая города Иркутска казенная печать». Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4925].

«Данная архимандриту Иркутского Вознесенского монастыря Михаилу с братией на три мельницы на реках Иркут и Белой» от 27 сентября 1705 г. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д 4928].

«Данная посадскому человеку Гавриле Пирошкову на сенные покосы, состоящие в урочищах Кадильного мыса» от 19 декабря 1707 г. Черновосковая, d = 20 мм. Приложена на гербовой бумаге [Там же. Ф. 281. Д. 4932].

«Данная игумну Посольского Преображенского монастыря Макарию с братией на пашеную и непашенную землю» от 26 октября 1709 г. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4934].

«Данная игумну Посольского Преображенского монастыря Макарию с братией на порожнее место, состоящее близко устья реки Голаустной» от 21 декабря 1709 г. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4935].

«Данная игуменье Знаменского девичьего монастыря Акулине с сестрами на пашенную и непашенную землю, с лесными угодьями и сенные покосы по реке Китою» от 8 ноября 1710 г. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281 Д. 4936].

«Данная сыну боярскому Ивану Федорову Рупышеву на владение пахотной землей и сенными покосами за Байкалом на р. Кабанье вместо государева хлебного жалованья» от ... 1711 г. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4937].

«Данная Дворянину Федору Иванову Рупышеву на пахатную землю и сенные покосы за морем Байкалом»» от 5 марта 1714 г. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф, 281. Д. 4938].

«Данная строителю Преображенского посольского монастыря Акиму с братией на три крестьянских двора» от 2 августа 1714 г. Малая печать. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4940].

«Данная дворянину Ивану Федорову Рупышеву на пахотную землю и сенные покосы по реке Кабаньей» от ... февраля 1718 г. Малая печать. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4941].

«Данная иеродъякону Преображенского монастыря Митрофану с братией на пахотную землю и сенные покосы по реке Куде» от ... декабря 1718 г. Черновосковая, d = 20 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4942].

Список грамот и других документов, заверенных сохранившимися печатями с изображением бабра и с вырезкой по окружности «Печать ея императорского Величества Сибирской губернии города Иркуцка» – Большая печать (прямая хронология):

«Данная Архимандриту Иркутского Вознесенского монастыря Антонию с братией на зимовье и сенные покосы» от 20 июля 1721 г. Из красного сургуча, d = 30 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4945].

«Указ Игуменье Иркутского Знаменского девичьего монастыря Акулине с сестрами об отдаче им во владение земли и сенных покосов по реке Китою» от 4 июня 1729 г. Из красного сургуча, d = 30 мм. Приложена на гербовой бумаге [Там же. Ф. 281. Д. 4952].

«Указ Игуменье Иркутского Знаменского девичьего монастыря Акулине с сестрами об отдаче им во владение рыбные ловли по реке Ангаре» от 8 апреля 1731 г. Из красного сургуча, d = 30 мм. Приложена на гербовой бумаге [Там же. Ф. 281. Д. 4954].

«Указ Игуменье Иркутского Знаменского девичьего монастыря Акулине с сестрами об отдаче в их владение мельницу на речке Целоты» от 3

августа 1732 г. Из красного сургуча, d = 30 мм. Приложена на гербовой бумаге [Там же. Ф. 281. Д. 4955].

«Указ посадским людям Афонасью Мясникову и Андрею Дементьеву на владение пахотными землями и сенными покосами, состоящими от реки Тугутая вниз по речке Мурине» от 10 мая 1733 г. Из красного сургуча, d = 30 мм. Приложена на гербовой бумаге с подписью Вице-губернатора Алексея Жолобова [Там же. Ф. 281. Д. 4956].

«Приходно-расходная книга по соляному и винному сбору Нерчинской воеводской канцелярии» за 1735 г. Из красного сургуча, d = 35 мм [ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 61. Л 16].

«Выпись Игуменье Иркутского Знаменского девичьего монастыря Акулине с сестрами на землю и сенные покосы, лежащие к Байкалу» от 18 сентября 1739 г. Из красного сургуча, d = 30 мм [РГАДА. Ф 281. Д. 4958].

«Указ Игуменье Иркутского Знаменского девичьего монастыря Акулине с сестрами об отдаче в их владение порожней пахотной земли и сенные покосы в урочищах по речке Биликтую» от 2 октября 1739 г. Из красного сургуча, d = 30 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4959].

«Указ Ея Императорского Величества императрицы Елисаветы Петровны об отдаче монастырской земли и степных покосов монаху Иннокентию с братией Преображенского Посольского монастыря по городу Иркутску» от 21 октября 1743 г. Из красного сургуча, d = 35 мм [Там же. Ф 281. Д. 4962].

«Указ из Иркутской провинциальной канцелярии наместнику Посольского Преображенского монастыря монаху Иннокентию с братией на владение пахатной землей и сенными покосами по любовному соглашению с прежними владельцами посадскими людьми братьями Мясниковыми, с ежегодным платежом в казну окладного провианта» от 24 октября 1743 г. Из красного сургуча, d = 35 мм [Сб. снимков, 1858, с. 34].

«Указ строителю Иркутского Воздвиженского монастыря Вениамину с братией на рыбные ловли по речке Култушной» от 21 марта 1749 г. Подпись:

«Приложена Иркутской провинциальной канцелярии красного сургуча печать». d == 35 мм [РГАДА. Ф. 281. Д. 4963].

«Указ монаху Посольского Преображенского монастыря Федосию с братией об отдаче в их владение пахотной земли и сенных покосов, состоящих по речке Хоме» от 7 июня 1749 г. Подпись: «Приложена Иркутской провинциальной канцелярии красного сургуча печать». d = 35 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4964].

«Указ монаху Посольского Преображенского монастыря Федосию с братией об отдаче в их владение пахотной земли и сенных покосов, в урочищах по речке Хомоне» от 7 июля 1749 г. Подпись: «Приложена Иркутской канцелярии экономии, печать красного сургуча». d == 35 мм [Там же. Ф. 281. Д. 4965].

Список документов, заверенных сохранившимися печатями с различными изображением бабра и разнообразными вырезками по окружности (прямая хронология):

«Запрос из Иркутского наместнического суда в Нерчинскую городскую экспедицию» от 18 июня 1795 г. Вырезка по окружности: «Печать иркутского наместнического суда». Рисунок изменен. Фрагмент оттиска красного сургуча, d = 25 мм [ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 303. Л. 466]

«Сообщение в Иркутское губернское правление из Иркутской казенной палаты» от 26 августа 1804 г. Вырезка по окружности: [печать] «иркутского земского суда». Фрагмент оттиска красного сургуча, d = 25 мм [Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 136 об.]

«Книга о сумме принадлежащей к выдаче поставщикам за провоз с винокуренных заводов вина 1798 года Стретенского уездного казначейства» Вырезка по окружности «Печать Городнических дел г. Стретенска» [Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 10. Л. 93].

Опубликованные изображения иркутских печатей:

Изображение Малой печати [Сб. снимков, 1858, табл. XX, № 6]. Изображение Большой печати [Сб. снимков, 1858, табл. XX, № 9].

Изображение печати «Якутского городового магистрата» [Арсеньев, 1908, табл. 4]. Изображение печати «Городнических дел г. Сретенска» [Куренная, 1997, с. 28]. (Прилож., табл. 1.8).

В период с 1724 по 1727 г. для Иркутска по старым печатям был составлен первый герб. В 1790 г. как губернскому наместническому городу Иркутску был Высочайше пожалован новый герб. «Иркутская летопись» П. Пежемского и В. Кротова повествует о гербе города Иркутска: «а сего года 26 октября [1790] высочайше подтвержден. Он представляет в серебреном поле бабра, бегущего по зеленой траве и имеющего в челюстях своих соболя» [1911, с. 6].

Наместническим городом Иркутск выбрали не случайно. Это был крупный «торгово-промысловый» центр с населением около девяти тысяч человек. В городе действовали мужской и женский монастыри, девять церквей, пять училищ, большое количество торговых лавок, магазинов, гостиный двор, больница, кожевенные заводы, прядильня, стеклянная фабрика и другие необходимые для жизни крупного поселения заведения и предприятия.

Наместнический герб Иркутска сопровождало следующее описание: «В серебряном поле щита бегущий бабр, а в роту у него соболь (Сей герб старой)» [ПСЗ-1, т. XXIII, № 16913].

Слова в скобках указывают на то, что и этот символ создан на основе существовавшей ранее городской иркутской печати. В «Описании Иркутского наместничества» эта эмблема характеризуется так: «Звери сии для того удостоены изображением на печати, что первой, т.е. бабр из всех в Сибире зверей режее, а второй, т. е. соболь как множеством и дороговизною своего рода, так и знаменитою торговлею, которая соболями очень славна в Иркутском наместничестве».

Другими словами, появление в гербе Иркутска этих двух зверей закономерно. Символическое значение соболя было рассмотрено в предыдущей главе. В отношении бабра в Прибайкалье более столетия ходили

разнообразные слухи, в сибирской историографии автором выявлены данные о неоднократном обсуждении его образа. Поэтому для понимания генезиса и характера необычного геральдического символа Восточной Сибири, необходим не только исторический, но и углубленный историографический анализ.

Приступая к решению задачи, в первую очередь обратимся к малоизвестному свидетельству прошлых веков: «Бабр находится по Иркутской области из всех в Сибире зверей реже и превосходит своей крепостию и храбростию. Он имеет по беложелтоватой шерсти черноватыя поперечныя полосы неправильно расположенныя; ростом не превосходит большого волка. Все звери ужасаются и не переходят чрез след его; сколько же он не жесток и сердит, но здешния братские изредка убивают. Барс бабру хотя и подобен, но не столько могуществен и имеет желтоватую шерсть и по ней черныя пятна» [ОИН, 1988, с. 44].

Есть и другое древнее свидетельство из книги Ф.А. Котова «О ходу в Персию»... 1624 г. [Словарь, 1975, с. 62]. «А что в Казбине [4], зверь величеством болши лва, а шерстью глиннаст, а шерсть ниска, а по нем полосы черны поперег, а губа что у кота и прыск котовой, а сам черевист, ноги коротки, а длиною долог, а голосом велик и страшен, ногти что у лва».

Московский купец Федор Афанасьевич Котов был отправлен в 1623 – 1624 гг. с государственной казной в Персию. О его посольстве сохранился рассказ, писанный им самим или с его слов. Путешественник описал земли от Астрахани до Турции и Индии, народы Персии, их быт, одежды, сведения о местной флоре и фауне, а в качестве бабра – тигра, по всей видимости, бенгальского или закавказского.

Необходимо учесть взгляд на проблему Н.Н. Сперансова, который указывает на созвучие слов бабр – барс и от этого предположительно ведет этимологию «нового» слова. Русские люди, по его мнению, поселившись в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, впервые встретились с незнакомым тигром. Конечно, сильный и красивый зверь произвел на них

большое впечатление. Тогда, вероятно, и было решено избрать его главной фигурой ленской печати. Но слово «тигр» в то время еще не знали. Поэтому сначала неизвестного зверя назвали более знакомым именем барса. В Сибири новое название (тигр) не прижилось. В это же время ставший хорошо знакомым зверь получил у живших в этом краю русских новое имя – бабр [Сперансов, 1974, № 125].

Однако, «новое название» появилось в Сибири не случайно. На территории Срединной Азии, куда входила часть территории Восточной Сибири, в VI – X вв. н. э. господствовал тюрский Каганат [Гумилев, 1993, с. 290 (табл.)]. Некоторые тюркоязычные народы, например, жители предгорий Тянь-Шаня, Алтая, Саян, истоков Лены и Енисея издавна бабром называли тигра.

В «Русско-персидском словаре» слову «тигр» соответствует персидское «бабр». Оно распространено в тех местах Индии, Пакистана, Таджикистана, Ирана, Закавказья, где люди говорят на дари [Юргенсон, 1994]. Русские землепроходцы-промышленники переняли его для обозначения редкостного зверя от племен Восточной Сибири.

Таким образом, слово «бабр» имело место в Сибири раньше, чем его перенесли сюда русские путешественники, имеющие торговые связи с Востоком, а также сведения о том, что тигры обитают в сибирских и дальневосточных землях. Во всяком случае, в XVII и XVIII вв. оно было в обычном речевом употреблении: «один бабр цена шесть рублев. 1706 г.» [ГАЧО. Ф. 10. Оп. 8. Л. 57 об.].

«... ясашной казны: шесть бабров на семнадцать рублев один бабр с ясашных иноверцев. 1732 г.» [Там же. Оп. 21. Л. 105 об., 147].

« ... а присылается из Сибири царская казна, ежегодь: соболи..., бобры, рыси, песцы черные и белые, и зайцы, и волки, бабры, барсы...» [Котошихин, 1906, с. 93] [5].

Немецкое же слово «тигр» – (tiger) пришло в русский язык после того, как восточные рубежи России обжили русские. Уже в XIX в. оно полностью

вытеснило «бабра»: «... сохрани господь встретиться с ним. Деды наши уже бабра не захватили. Бабр раньше наших дедов поизвелся. Афанасьев Т.» [Элиасов, 1980, с. 57].

Об этом свидетельствует и подробная характеристика зверя, данная прекрасным знатоком даурской тайги, ее летописцем А.А. Черкасовым: «Вероятно, читатель уже догадался, какого зверя сибиряки называют бабром; да оно и не трудно для образованного человека. Ну, а если да мои заметки попадутся в руки только грамотному, да еще простолюдину, который прочтет – бабр и станет в тупик! В голове его быстро завертятся все известные ему звери, а этого не найдется, ручаюсь в этом. ... Всего вероятнее, что он сначала почешет в затылке и скажет: «это зверь не тутошний, поди-ка, заморской». ... Оставаясь при старом мнение, я скажу ему, что бабр зверь не заморский, а просто попадающийся в Восточной Сибири и на р. Амур и что сибиряки бабром зовут без различия барса и тигра, зверей лютых, сильных, кровожадных, питающихся преимущественно живою добычею и некоторые по величине не меньше медведя» [Черкасов, 1867, с. 376].

Сибирский тигр имеет характерную особенность в сравнении с южным зверем. «Шкура его светло-желтоватого цвета с черно-белыми поперечными полосками» [Иркутская летопись, 1911, с. 123].

В труде Н.В. Семивского мы также встречаемся со светлой шерстью таинственного хищника: «Бабр большой, сильный и лютый зверь, имеющий хвост длинный и шерсть на шкуре своей светложелтоватого цвета с чернобурыми поперечными полосами, живущий в жарком климате в Китайских и других, Южных, Иностранных владениях, которого относят к роду тигров. Из Китайских владений чрез границу иногда перебегают бабры в Иркутскую Губернию; особенно бывают нередко в краю Нерчинском; и случалось даже, что промышленные звероловы находили и убивали их неподалеку от Якутска» [1817, с. 31]. «Сверх сих животных, не редко заходят в Иркутскую Губернию, или перебегают в нее чрез границу из китайских

владений посторонние гости, как-то тигры (felis tigris), бабры (felis panthera), барсы (felis pardus) [там же, с. 189].

Как видим, в семействе кошачьих (Felidae), которых отличает большое видовое разнообразие. Н.В. Семивский склонен больше относить бабра к «роду тигра», то есть пантеры, нежели самого тигра. В «Толковом словаре» В.И. Даля обнаруживаем характеристику: «Б» – Бабр сиб. зверь, равняющийся по лютости и силе льву; тигр полосатый, королевский, царский тигр на Амуре. ... Бабровыя шкуры идут на полсти, подстилку, на вывески в меховых лавках и пр.» [Даль, 1880, с. 35].

«Т» – Тигр м. лютый зверь Felis tigris, бабр [1882, с. 405]. «Бабр есть отродие тигров. Топ. Оренб. 1 280. Пестрый бабр и лев долгогривый, произносит на нас страшное рыканье» [Словарь, XVIII, 1984. с. 124].

Тем более что в современной научной зоологической литературе появление в Сибири такого вида кошачьих, как пантера, не упоминается совсем. В то же время «... тигр отличается большой подвижностью и иногда забредает далеко за пределы постоянных мест обитания. Известны, например, случаи захода тигров до северной оконечности Байкала, в Читинскую область и даже в Якутию» [Жизнь животных, т. 7, с. 323].

«Известно с давних времен, что в Даурию нередко заходят из Маньчжурии, Тибета и других уголков Небесной империи тигры и барсы... Надо заметить, что здешние промышленники чрезвычайно боятся бабров... Про них, как временных гостей даурской фауны, распространяться описанием я не считаю вправе тем более, потому, что о них знает весь образованный мир и без моих замечаний» [Черкасов, 1867, с. 376 – 386].

Собранные эти свидетельства старых бытописателей, мнения исследователей прошлого и современности дают четкое представление о том, какое животное двести лет назад русские землепроходцы называли бабром и почему. Составители и художники гербов Иркутского наместничества владели ситуацией и, хорошо зная, кто такой бабр, изобразили его на щите герба

полностью соответствующим образу тигра, в том числе в правильной цветовой (светлой) гамме, идентичной описанию древних свидетельств.

Со знанием дела и всей ответственностью отнеслись к созданию городских гербовых печатей также администрации учрежденных в наместничестве городов. Выполненные изображения печатей источников Нерчинского воеводства характеризуют животное, держащее соболя в зубах, только как представителя породы кошачьих. Прекрасно за двести лет сохранившаяся миниатюра (см. «Печать Городнических дел Стретенска». Прилож., табл. 1.) представляет образ тигра (наместнический герб), бегущего по серебряным слиткам Забайкалья (герб г. Сретенска). Да и сама Большая иркутская печать, изящно выполненная миниатюрная работа, изображает животное, у которого можно различить и узнать пропорции тела, подушечки лап, ушные раковины и хвост. Сверху все ещё странного, но уже не такого загадочного зверя имеется надпись: «Бабр».

Во второй половине XIX в., в связи с реформой геральдической науки в России, которая пришлась на эти годы, при создании нового герба Иркутской губернии возникло непредвиденное. Слово «бабр» через восемьдесят восемь лет на Руси было забыто и сотрудники Департамента Герольдии (а к этому времени в нем было создано специальное Гербовое Отделение) приняли его за искаженное «бобр». Возможно, за разъяснением непонятного обозначения они обратились к «Полному собранию законов Российской империи», опубликовавшему в 1738 г. доклад обер-егеймейстера А.П. Волынского «О ловле в России и Персии зверей и птиц и о присылке в Россию». А в нем, по воле случая, в «Реэстре зверям, какие есть в России и где которые водятся и каким образом оных удобнее ловить и чрез какое время и как, по поимке которых зверей, в зверинцы присылать» была допущена ошибка. Слово «бабр» значилось через «О». «Бобры или леопарды. Барсы или тигры. В Якутской и Иркутской провинциях и близ Селенгинска и Китайской границы. 1738., мая 13» [ПСЗ-1, т. X, № 7581]. Поэтому в новом Высочайше утвержденном 5 июля 1878 г. гербе Иркутской губернии был изображен

черный удивительный зверь, не имеющий ничего общего с приведенными выше характеристиками бабра из цитат старинных свидетельств: Ф.А. Котова, П.И. Пежемского, Н.В. Семивского и других.

По всей видимости, истории превращения реального животного в фантастическое может быть дано следующее объяснение... Указом 1878 г. кроме герба Иркутской губернии Сенат утвердил и ввел в действие еще тридцать пять губернских и одиннадцать областных гербов [ПСЗ-II, т. LIII, № 58684]. Во многих гербах по распоряжению начальника Гербового отделения Департамента Герольдии Б.В. Кене [6] были перерисованы рисунки и изменены гербовые эмблемы. Это вызвало путаницу в официальных документах. Так произошло и с сибирскими городами – Иркутском, а также и Якутском. В новом гербе Якутской области, подчиненной Иркутскому генерал-губернаторству, старая эмблема превратилась в изображение орла, также несущего в когтях соболя, но уже в новом стилизованном рисунке, где на первый взгляд орел больше походит на попугая.

Но и этот образ далеко не однозначен. Веерным разворотом крыла, положением головы, раскрытым клювом и высунутым языком он являет квинтэссенцию одного из братьев-близнецов – орлов российского государственного герба. Смысловая нагрузка достаточно ясна – орел символ государственной власти на северо-восточных территориях империи.

При составлении эскиза герба Иркутской губернии художник, вероятно, имел перед собой не только новое описание герба с «бобром», но и старое изображение герба Иркутского наместничества, утвержденного Екатериной II, с четкой эмблемой в виде тигра и соответствующим описанием. Вот почему изображение включает нечто среднее между породой кошачьих и водяным грызуном. Произошло некое трансформирование двух художественных образов в один. Все это привело к тому, что герб Иркутска (Иркутского наместничества 1790 г.) и герб Иркутской губернии 1878 г. стали иметь между собой совершенно различный внешний вид. К новому гербу было дано описание: «В серебряном щите, черный бегущий бобр, с

червлеными глазами, держащий во рту червленого соболя. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентою». В. И. Даль резюмирует в своем словаре: «Ученые ошибочно назвали бабром одного из барсов, а географы даже, в Иркутском гербе, переименовали и переписали его в бобра». В одной и той же статье «Толкового словаря», в одном случае Даль определяет бабра как тигра, в другом как барса.

С мнением В.И. Даля не согласился видный сибирский зоолог, автор труда «Речные бобры Северной Азии» В.Н. Скалон: «Как символ былого значения бобра в экономике Восточной Сибири, – пишет он, – следовало бы рассматривать герб Иркутска, на котором, как известно, изображен бобр. Однако этот вопрос довольно спорный и требует рассмотрения. Прежде всего, само изображение на гербе может быть названо бобром лишь условно. Типичные для этого грызуна хвост и лапы сочетаются с фигурой и пастью хищника, держащего в зубах зверька, похожего на соболя или белку. В силу, очевидно, этого давно возникло мнение, что этот «бобр» есть не что иное, как «бабр», имя, которым в Восточной Сибири искони называют тигра. Так, хищником (не изменяя, впрочем, самого слова «бобр») трактует его А. Мартос (205, стр. 162). В то же время Е. Зябловский, например, изображение на гербе понимает именно как бобра (116, стр. 86). Сомнения, казалось бы, должны считаться разрешенными В. Далем, который в специальной заметке разъяснил, что в герб Иркутску и был дан «бабр», сиречь тигр – редкий гость Восточной Сибири... Однако с мнением В. Даля согласиться нельзя. Трудно думать, чтобы авторы наказа и самого символа, украшающего вновь устанавливаемую государственную печать, имели в виду редчайшего, мало известного хищника далекой восточной окраины, вовсе для нее не характерного» [1951, с. 25]. Как видим, специалист по грызунам утверждает, что в Иркутском гербе действительно должен быть и есть бобр. Профессор В.Н. Скалон любил объект своего изучения, он посвятил сибирским бобрам годы творческого, научного труда, знал и изучал места их древнего распрос-

транения и выживания. Поэтому естественным было его желание видеть именно бобра в символике родного города.

Спор о том, кто изображен на Иркутском гербе, начался в начале XIX в. В 1817 г. иркутский вице-губернатор Н.В. Семивский указывал на похожесть двух совершенно разных слов и предупреждал не путать их значения: «Бабр не бобр, и бобр не бабр. Бобр (Castor fiber) известное земноводное животное; но Бабр (Felis panthera)... Да послужит сие примечание к поправлению Типографских, может быть, ошибок в землеописаниях наших, в коих напечатано, что Герб Иркутской губернии представляет бобра (вместо бабра) несущего в зубах соболя». Сибиряки, в большинстве своем, странного зверя грызуном не считали, а принимали его за хищное «ископаемое», «мифическое» или в других случаях «начисто истребленное» русскими промысловиками животное, именуемое бабром. Другие считали его неверно нарисованным тигром. Сами иркутяне гораздо большее внимание уделяли спору о том, какой герб Иркутска «лучше, важнее и законнее» [7].

Иркутский законодательный казус 1878 г. имеет более раннюю историю. Города Селенгинск и Троицкосавск, подчиненные Иркутской губернии в первой половине XIX в. (с 1851 г. они вошли в состав Забайкальской области), имели на своих гербах еще более искаженный губернский символ. Гербы Селенгинска и Троицкосавска были утверждены 20 июля 1846 г. Николаем I, 19 октября 1846 г. был опубликован Сенатский указ [ПСЗ-II, т. XXI, № 20531].

П.П. Винклер указывает: «В царствование Николая Павловича, получили утверждение гербы городов: ... Селенгинска и Троицкосавска (19 октября) [1900, с. XX]. Но рисунков гербов нет в его книге, нет их также ни в одном, посвященном русской геральдике издании или публикации [Куренная, 1997, с. 47 – 50]. В 1996 г. их изображения были впервые зарегистрированы в фондах ГАЧО, где хранятся копии, присланные городскими управами этих городов Военному губернатору Забайкальской области В.И. Косову по его просьбе в 1911 г. [ГАЧО. Ф.21. Оп. 1. Д. 242. Л.

12, 17]. Рисунки гербов помещены в «Сборнике Высочайше утвержденных городских и местных гербов», составленном Гербовым отделением в 1887 г. [РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 6. Л. 637; Д. 7. Л. 739]. Оба герба поделены на две части действующими тогда правилами российской геральдики. В верхней части их геральдических щитов помещен герб Иркутский губернский, в нижней герб собственный.

Казус заключается в том, что в верхней – губернской (в прошлом наместнической) части геральдических щитов (губернском гербе) изображено непонятное существо, напоминающее выдру, но с мордочкой соболя и с широким, чешуйчатым, в виде лопасти, хвостом и утиными перепончатыми лапами. В зубах оно держит подобного зверька поменьше. Характерно, что никто – от чиновников Департамента Герольдии и Николая I, который лично требовал, чтобы гербы составлялись по строгим правилам геральдики, до управ обоих городов и канцелярии Военного губернатора Забайкальской области – не указал на ошибку составителя герба и художника, пытавшегося в верхней части щита изобразить бобра. Кроме того, бобр помещен в гербах городов Иркутской губернии не только исторически неверно, но и не соответствует своему физиологическому облику.

Возможно, это произошло по той причине, что в 1846 г. в Герольдии для художников оставались вакантные должности, которые заняли иностранцы, не имеющие права в обычном порядке вступать в гражданскую службу [Соболева, 1985, с. 113 – 114]. Возможно, забайкальских «бобров» рисовал ганноверский подданный А. Беземан или уроженец Финляндии О. Альтдорф. Оба они честно и долговременно прослужили в Герольдии живописцами, но не подозревали о том, что их рисунки через столетия вызовут у потомков улыбку и что бобры в Прибайкалье уже к началу прошлого века станут очень редки, а в Забайкалье не водятся совсем. Указывает на это и В.И. Даль: «... бабр; переделан в Иркутском гербе на бобра, коего там нет, а бабры заходят» [Даль, 1880, с.]. В.Н. Скалон все же

остается верен своему убеждению: «Очевидно, изначала было предусмотрено изобразить на печати – герб именно бобра, одного из виднейших пушных животных края...» [Скалон, 1951, с. 25].

Но какие бы делопроизводственные процессы ни происходили в истории сибирского герботворчества, к середине XIX в., то есть за три столетия, на которые пришлось массовое освоение Восточной Сибири русскими людьми, практически все учрежденные города громадного региона, имеющие в прошлых столетиях городские печати, постепенно приобрели свои городские гербы. Половина гербов Забайкальской области имели в верхней части Иркутский губернский герб, но не со странным животным, а просто «из всех в Сибири зверей реже» – бабром-тигром местного происхождения или приходящим на север из ближних азиатских стран. Будучи божеством у орочонов, с давних времен тигр обитал в Восточной Сибири, а затем был изгнан человеком или практически истреблен. Нынешний амурский или уссурийский тигр – прямой его потомок, гордость российской природы. Если и сейчас это для россиянина чудо, то можно представить испуг, восторг, потрясение первых сибирских землепроходцев при виде его живым или мертвым.

Рассмотрим собственные гербы (нижнюю часть геральдического щита) городов Селенгинска и Троицкосавска. Описание герба г. Селенгинска: «Щит разделен на две части, в верхней, меньшей, в серебряном поле – Иркутский герб (в ПСЗ-II – губернский), а в нижней, пространной, в голубом поле на вершине зеленого холма возрождающийся феникс» [ГАЧО. Ф.21. Оп. 1. Д. 242. Л. 17; ПСЗ-II, т. XXI, № 20531]. (Прилож., табл. 6.5). Феникс – волшебная птица, по виду напоминающая орла, но с высокими голенастыми лапами, с красными и золотыми перьями. Она чудесна по своему происхождению, так как, согласно легенде, каждые 500 лет прилетает из Аравии в Египет, в город Гелиополь, в храм бога солнца Ра, где ее торжественно сжигают в благовониях, и она возрождается из пепла, через 40 дней полностью восстанавливая свой птичий облик. В международной

геральдике феникс – символ воскресения, бессмертия, эмблема вечного существования жизни [Похлебкин, 1989, с. 227 – 228]. Расшифровка символического ее значения выкристаллизовывается из известной истории становления города. Основанный как пограничный форпост в 1666 г. Селенгинск находился под постоянной угрозой нападения и подвергался многочисленным осадам монголов и бурят, после которых вновь возрождался.

Н.Г. Спафарий, проезжавший Селенгинск по пути в Китай в 1675 г., отметил его, как «тот острог лучше всех украинских сибирских острожков» [Спафарий, 1882, с. 128]. Во второй половине XVIII в. Селенгинск, в связи с укрепившейся внешнеполитической и внутренней обстановкой восточных окраин государства, теряет свое былое фортификационное, а также и торговое значение с возрастающей ролью Верхнеудинска и Кяхты. К тому же он несколько раз (в 1780, 1781 и 1783 г.) подвергался опустошительным пожарам, в результате которых значительно уменьшилось его население и промыслы. С надеждой на возрождение к активной жизни был пожалован остановившемуся в своем развитии городу Селенгинску геральдический символ – «возрождающийся феникс».

Безусловно, в образе феникса сильно влияние китайской символики, давних торговых связей приграничных городов России и Китая. Значение Селенгинского города как этапного пункта на большой торговой дороге в Китай особенно повысилось с заключением Нерчинского договора в 1689 г. По данным китаеведа В.Я. Сидихменова, птица Феникс в Китае издревле считалась эмблемой самой маньчжурской императрицы. Согласно китайской мифологии, феникс – самая красивая и самая почитаемая птица среди пернатого племени. Она добра и милосердна, ее происхождение связывают с солнцем и огнем, поэтому ее обычно изображали пристально смотрящей на огонь. Она символизирует солнце и тепло и имеет прямую связь с летом и урожаями, которые (овощеводство) в Селенгинске были очень обильны. Перья у феникса пяти цветов: желтые, белые, красные, синие, черные –

квинтэссенция пяти добродетелей: человеколюбия, долга, пристойности, знания и верности [Сидихменов,1985, с. 37].

Герб Селенгинска в целом характеризует жизнеутверждающееся начало. «Вершина зеленого холма», на которой сидит феникс – суть факта истории оборонительных функций Селенгинска. Когда в 1726 г. в Селенгинск прибыл посол С.Л. Владиславич-Рагузинский, он нашел укрепление города плохим и счел необходимым строить новую оборону. Посол сам выбрал для этого место: «такое имеет выгодное положение, что во всей Европе подобного сыскать трудно». Это был каменный утес, выход горных пород на противоположном берегу Селенги, так называемый «городовой камень», где предполагалось построить каменную цитадель. Для сооружения крепости был вызван поручик Преображенского полка Абрам Петров, больше известный под именем А.П. Ганнибал (прадед А.С. Пушкина). Ганнибал определил другое место, но на том же берегу Селенги. Это был холм, который он также предполагал приспособить под мощную крепость с четырьмя воротами, а на берегу построить «Государев дворец» и приказы. Но эти проекты, направленные на усовершенствование обороны Селенгинска, осуществлены не были [Кочедамов, 1974, с. 142]. Они остались в гербе города, только как символы его истории. Раненый олень, ставший первым геральдическим символом Селенгинска в конце XVII в. не нашел дальнейшего воплощения в символике города, собственно как и символы только рассмотренного герба.

Описание герба Троицкосавска: «Щит разделен на две части, в верхней, меньшей, в серебряном поле Иркутский герб (в ПСЗ-II – губернский), а в нижней, пространной, – в голубом поле рог изобилия, из коего сыплются золотые монеты; по сторонам оного, в песчаном грунте, слева казак, а справа бурят, оба верхом на конях» [ГАЧО. Ф.21. Оп. 1. Д. 242. Л. 12; ПСЗ-II, т. XXI, № 20531]. (Прилож., табл. 6.5). Упомянутый в гербе Троицкосавска рог изобилия – распространенная в международной геральдике эмблема довольства, изобилия, экономических успехов и процветания. В данном

случае он символизирует торгово-экономические отношения с Китаем, существовавшие в Троицкосавске –более известного в дальнейшем под именем Кяхта – торговой слободы, возникшей рядом с крепостью. Конные казак и бурят – символы пограничной Троицко-Савской крепости и к этому времени уже совместной (русские и буряты) охраны российской границы.

На каждом архивном листе имеются заверяющие подписи и пометки: «Копия с копии. На подлинном Собственною Его Императорскою рукою написано: «Утверждаю». Красное село. 20 июля 1846 года».

3.3. Герботворчество городов Иркутской губернии (1777 г.), Тобольского наместничества (1785 г.), Иркутского наместничества (1790 г.), Енисейской губернии (1851 г., 1878 г.)

Вторая половина XVIII в. в исторической литературе характеризуется как время абсолютизации государственной власти, реформ в местном управлении и изменения территориальной структуры государства. В связи с реформами Екатерина II уделяла особое внимание городскому законодательству. О своем внимании к городам императрица заявила еще в 1766 г., когда составляла новый сборник российских законов, так называемый Наказ (Большой), вышедший первым изданием в Москве в 1767 г. XVII глава в нем сообщала о том, что о российских городах необходимо издать общий закон.

В.К. Лукомский не относит царствование Екатерины II к особому фазису в истории символики России, но он отмечает в своем труде общее внимание императрицы к геральдическому законодательству и плодотворность в эту эпоху Герольдмейстерской конторы по составлению городских гербов [Лукомский, Типольт, 1917, с. 19]. При учреждении новых губерний и провинций и возведении в статус города населенных пунктов России возникла и необходимость «Высочайшего жалования городских гербов». В связи с этим явился ряд законодательных мер, в том числе в 1785 г. было «распубликовано» «Городовое положение» со статьей 40:

«Дозволение Градскому Обществу иметь печать с городовым гербом» [ПСЗ-1, т. XXII, № 16188]. По нему уже в 1786 г., например, в Санкт-Петербурге «Гербы во всех городах губернии утверждены» [ст. 28] и по статье 40 «Печать градского общества изготовлена» [Кизеветтер, 1909, с. 325]. Герольдмейстерской конторе было поручено изготавливать Высочайшие грамоты городам, получившим в 1785 г. новое устройство. Таких грамот за подписью императрицы было заготовлено значительное количество, причем в каждой из них, в тексте Городового положения, помещался в красках герб города, которому грамота жаловалась. При составлении гербов в них означалась «милость Ея Императорского Величества к сим селениям». Однако грамоты эти «за последовавшей смертью императрицы выданы не были» [Лукомский, Типольт, 1917, с. 19].

Первым актом внимания к сибирским городам правительства Екатерины II был «Высочайше утвержденный доклад Сената, с приложением гербов городов Иркутской губернии» от 13 марта 1777 г. [ПСЗ-1, т. XX , № 14598]. Герольдмейстерской конторой были отдельно составлены гербы для городов Балаганска, Алданска и Усть-Киренска, которые продолжили эпоху сибирской геральдики XVIII в. Гербы были созданы без интерпретаций рисунков с оттисков старинных печатей, которых у данных городов, как и у ряда других населенных пунктов Восточной Сибири не было.

Сибирские «Росписи» Алексея Михайловича и Петра I закончили свою жизнь с уходом их государей, последующих правителей земельная символика интересовала не в той мере.

Рассмотрим территориальные гербы указа 1777 г. (Прилож., табл. 6.1)

Герб города Балаганска: [8] «В верхней половине щита золотой Императорский восходящий орел; нижняя часть зеленая, с тремя треугольными золотыми шляпами каковые братские казаки носят изъявляя сим полевое обитание окружным сего города жителям, и что в сем городе с сих казаков собирают подать» [там же].

Город был заложен как острог в 1654 г., в самом центре бурятских кочевий. Еще в 1653 г. в местах будущего острога поселилось 60 семей русских переселенцев, но дальнейший прирост шел очень медленно, плотность населения и в последующее время оставалась ничтожной. Основное занятие бурят – скотоводство, благодаря чему Балаганский округ отличался большим поголовьем скота.

По всей видимости, свое название город получил из-за особенностей архитектурных строений, распространенных по всей Сибири и Дальнему Востоку.

Балаганами называли кладовые для запасов мяса и рыбы, они представляли простые конические постройки из бревен на высоких столбах для защиты от зверей и собак. Видовым тождеством балаганам являются распространенные головные уборы бурят с заостренной тульей и расширенным кверху околышком. Остроконечные золотые бурятские шляпы будут повторены в геральдике уездного города Нижнеудинска Иркутского наместничества, рассмотренного ниже.

Герб города Алданска: [9] «В серебряном поле, протекающая посредине щита, голубая извилистая полоса, показующая саму ту реку, по которой сей город наименованием учрежден» [там же].

Судьба герба Алданска, как и самого города, драматична. Собственно самого города как такового не существовало, при последующем утверждении гербов в 1790 г. вновь утвержденному северному городу Алекминску (Олекминску) и был отдан герб Алданска с измененным для Олекминска описанием.

Известный представитель российского ученого рода врачей и естествоиспытателей Шперков, климатолог и географ Франц Федорович Шперк, разбираясь в хитросплетениях названий и местонахождения городов северо-востока России, приводит в своем исследовании яркий пример официальной географической путаницы: «13 марта 1777 г. (т. XX, № 14598) утвержден был и герб для города на реке Алдан: «в серебряном поле

протекающая посредине щита голубая извилистая полоса, показывающая самую ту реку, по которой сие правительство наименовано и учреждено». Но ни городу, ни воеводству не суждено было появиться в назначенной местности, вероятно, вследствие встреченных затруднений в приведении этого распоряжения в исполнение; мы дозволяем себе высказать это предположение потому, что в следующих затем преобразованиях нигде не упоминается о городе Алданске и о воеводстве. Точно так же и управление Оленским округом никогда не было в Усть-Оленском или Оленском селении, а находилось в Верхне-Вилюйске, где по указу 31 января 1775 г., назначено было открыть комиссарство» [Шперк, 1892, с. 241].

Алданск, по данным П.П. Винклера, носит двойное название – «Алданская (Усть-Майская) Якутской области слобода». Само название поселения говорит о том, что Усть-Майская слобода расположена в устье реки Маи, впадающей в Алдан. Русские впервые достигли этого места в первой половине XVII столетия. В 1637 г. казаками было заложено Батальское зимовье в ста километрах выше впадения реки Маи. Ныне в устье Маи расположено селение Усть-Мая. Ошибочно принимать город Алдан, райцентр юга республики Саха, за тот первый не существующий Алданск, одним из первых в России, подобно Илимску, Высочайше удостоенный городского герба.

Новый Алдан никакого отношения к истории возникновения старинного города и его геральдики не имеет. Он был образован в 1939 г. из рабочего поселка Незаметный, который вырос среди безлюдной тайги в связи с открытием здесь в 1923 г. богатых золотых россыпей.

Герб города Усть-Киренска: [10] «В серебряном поле, три голубые полосы, соединяющиеся в середине щита так, что снизу сочиняют стропило, и от острия одного одна присоединяется к верху щита, изъявляющая устье Киренги при ее впадении» [там же].

Основание Киренска восходит к 1630 г., когда десятник Ермолин основал в устье Киренги на волоке, ведущим на Лену, Усть-Киренский-

Никольский погост. В 1655 г. он переименован в Киренский острог. В 1675 г. получил статус города. С 1783 г. – уездный город Иркутского наместничества. Затем окружной город Иркутской губернии, расположенный на острове правого берега реки Лены при впадении в неё двумя рукавами реки Киренги.

Киренск также загадал геральдическую загадку: по недогляду сибирской администрации и чиновников Герольдмейстерской конторой были составлены и в разное время Екатериной II утверждены два герба Киренска.

Первый из них 1777 г. принадлежит первоначальному топониму города – Усть-Киренску или Усть-Киренскому (Никольскому) погосту. Второй 1790 г. – уже вновь учрежденному уездному городу Киренску.

На геральдических щитах города в обоих случаях изображено устье Киренги – рыбной и судоходной в низовьях реки, на которой стоит и ныне мало преуспевающий в своем возрасте город.

В 1782 – 1783 гг., Екатерина II распространила над Сибирью указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». При введении нового административно-территориального деления России в Сибири были учреждены Тобольское и Иркутское наместничества [ПСЗ-1, т. XXI, №№ 15327, 15680]. В Тобольское наместничество вошло 12 основных городов западносибирского региона, получивших статус уездных (Березов, Ишим, Канск, Курган, Нарым, Омск, Тара, Томск, Тобольск, Тюмень, Туринск, Ялуторовск) и три города енисейских земель – Ачинск, Енисейск и Туруханск. 17 марта 1785 г. указом Екатерины II все они были удостоены городских гербов [ПСЗ-1, т. XXII, № 16164].

С последней четверти XVIII в. в российской геральдике в силу вступило новое правило, по которому в гербах уездных городов помещается часть или весь наместнический (губернский) герб [Винклер, 1900, с. XVII]. Этим фиксировалась идея господства над городом верховной власти. Щиты гербов были поделены на две части, в верхней из которых изображался наместнический герб, а в нижней – свой собственный. Поскольку главным

городом был назначен Тобольск, он имел главенствующий герб: «В синем поле золотая пирамида с воинскою арматурою, с знаменами, барабанами и алебардами (Старый герб) [ПСЗ-1, т. XXII, № 16164]. В данном исследовании он зафиксирован лишь как наместническая часть гербов Туруханска, Ачинска и Енисейска (Прилож., табл. 6.2).

Герб города Туруханска: [11] «В верхней части щита герб Тобольский. В нижнем – в зеленом поле, серебряный песец: потому, что онаго округа песцы наилучшими почитаются» [ПСЗ-1, т. XXII, № 16164; Винклер, 1900, с. 156].

Первый герб Туруханска, в бытность его Мангазеи был, создан в Герольдмейстерской конторе Ф. Санти в период с 1724 по 1727 г. При изготовлении городских гербов сведения черпались из разных источников, в том числе были использованы рисунки или описания территориальных печатей, установленных законодательством в XVII в.

Вполне вероятно, что на гербе Мангазеи был изображен лежащий олень, обращенный в правую геральдическую сторону. В 1780-х гг. Новая Мангазея окончательно теряет свое название и получает новое – Туруханск. Енисейская провинция находилась к этому времени в подчинении у Тобольской губернии.

Герб Туруханска Енисейской губернии имел вид, совершенно отличный от изображения печати Мангазеи. Хотя жители тундры Туруханского уезда и занимались оленьми промыслами, «нещадно истребляя диких оленей во время их переправ и миграций», мангазейский олень был или неизвестен в Герольдии, или новый герб был составлен по донесениям с мест как символ богатых пушных промыслов и торговли. Действительно, еще к началу XVIII в., благодаря обилию «мягкой рухляди», торговля в Туруханске имела большой успех. На широкие ярморки съезжались не только сибирские, но и купцы из России.

С упразднением сибирских наместничеств, енисейские города были предписаны в подчинение к Томской губернии. Туруханск был оставлен за штатом. Правительство Александра I какое-то время пыталось сохранить

традиции земельного российского герботворчества. Новое территориальное устройство требовало незамедлительного видоизменения гербов. 20 марта 1804 г. Туруханску и Енисейску, уже имеющим гербы, в одном указе с Красноярском были пожалованы новые.

Однако в гербе Туруханска изменения коснулись только смены главенствующего герба и небольшой перерисовки с сохранением прежнего образа рисунка собственного: «В щите, разделенном горизонтально надвое, в верхней половине герб Томский, а в нижней в красном поле серебряный песец, идущий в правую сторону» [Винклер, 1900, с. 156] [12].

Сама же концепция соподчиненности административной власти осталась прежней. Лесные пожары, беспорядочное истребление зверья, падение торговли, сокращение населения окончательно разрушают инфраструктуру Туруханска.

Герб города Енисейска: [13] «В первой части щита герб Тобольский. В нижней – в золотом поле, связка разных звериных кож, на которой лежит Меркуриев жезл; на разсуждение того, что всем городе бывает главная торговля мехами, на которую купечество съезжается из всех мест» [ПСЗ-1, т. XXII, с. 320-321; Винклер, 1900, с. 52].

История герботворчества Енисейска идентична Туруханску. Первый герб был также создан в Герольдмейстерской конторе в 1724 – 1727 гг. По всей вероятности он, как и на печатях других городов, повторял изображение печати Енисейского острога.

Герб Енисейска Тобольского наместничества прослужил совсем недолго с 17 марта 1785 г. до 20 марта 1804 г., когда был утвержден новый герб, который имел описание: «В щите, разделенном горизонтально на двое, в верхней половине герб Томский, в нижнем золотом поле, видна на земле связка звериных кож и на них диагонально положен Меркуриев жезл» [Винклер, 1900, с. 52].

На томской печати была изображена корона, но на губернском томском гербе: «В щите, имеющим зеленое поле, изображена белая лошадь, бегущая в правую сторону» [Винклер, 1900, с. 153].

Символ лошади перешел из предыдущего герба 1785 г. в бытность Томска в подчинении Тобольскому наместничеству: «В нижней – в зеленом поле серебряная лошадь; в знак того, что лошади сего округа почитаются лучшими, и что у близ живущих татар находятся конские заводы» [там же].

Герб города Ачинска: [14] «В красном поле, лук и колчан для стрел, в знак того, что живущие в оном округе, прежние обыватели Сибири употребляют сие оружие» [Винклер, 1900, с. 7].

Ачинск был основан в 1641 г. После пожара в 1683 г. с реки Белый Июс перенесен на реку Чулым при впадение в нее речки Ачинки. С 1782 г. стал уездным городом, а с 1822 г. окружным городом Енисейской губернии.

В 1782 – 1783 гг. именным указом, «данным Сенату» было учреждено Иркутское наместничество [ПСЗ-1, т. XXI, № 15680]. Оно включало в себя четыре области – Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую.

В Иркутскую область вошли города: Иркутск, Верхнеудинск, Нижнеудинск, Киренск. Ранее утвержденные города Алданск, Балаганск и Илимск «по невыгодности» краю были упразднены. Эта же участь постигла Верхоленское, Верхоянское, Верхневилюйское, Тункинское и другие комиссарства. В Нерчинскую область вошли вновь учрежденные уездные города: Доронинск, Стретенск и Баргузинск. Бывший городом Селенгинск [15] в числе других был упразднен по невыгодности, уезд разделен и приписан к округам окрестных городов.

В Якутскую область вошли города: Якутск, Оленск, Алекминск, Жиганск, Зашиверск.

В Охотскую область: города – Охотск, Ижигинск, Акланск, Нижнекамчатск.

От 26 октября 1790 г. был опубликован Высочайше утвержденный доклад Сената о гербах городов Иркутского наместничества: «В исполнении

Именного Вашего Императорского Величества указа Иркутская Губерния учреждена по образу Высочайших учреждений Наместничеством, и города оное составляющие, в силу Высочайше пожалованной от Вашего Императорского Величества городам грамоты, должны иметь гербы, которые утверждены Императорским Величеством. А как Иркутского Наместничества города Иркутск, Нерчинск, Якутск и Олекминск гербы имеют старинные, доныне там употребляемые, кои не были еще Вашим Императорским Величеством конфирмованы, а города: Верхнеудинск, Нижнеудинск, Киренск, Доронинск, Баргузин, Стретенск, Оленек, Жиганск, Зашиверск, Ижигинск, Акланск и Нижне-Комчатск гербов еще не имеют, и для того Герольдия собрав объявленным городам старые гербы, так и о тех городах, которых оных не имеют, истребовав оттуда сведение нужное к пособствию изображения по пристойности гербов, сочинила оные, и купно старые, и вновь сочиненные представила Сенату, который их рассмотрев, осмеливается всеподданейше представить оные с описанием на Высочайшую Вашего Императорского Величества конфирмацию и просить Всевысочайшего указа». Под докладом наложена резолюция: «Быть по сему» [ПСЗ-1, т. XXIII, № 16913].

Как видно из законодательного акта, за указом об образовании каждого наместничества Российской империи следом выходил правительственный указ о составлении гербов, предназначенных уже учрежденным ранее или новым городам наместничества.

К этому времени в российской геральдике оставалось в силе правило, по которому в гербах уездных городов помещается часть или весь наместнический (губернский) герб [Винклер, 1900, с. XVII]. Так и было изготовлено 13 из 17 гербов городов Иркутского наместничества. Щиты первых были поделены на две части. В верхней изображался герб Иркутского наместничества (с его упразднением до 1878 г. герб города Иркутска), в нижней части – собственный городской герб.

В докладе Сената указывалось, что старые эмблемы допетровской эпохи составляли исключение и были оставлены Герольдмейстерской конторой неприкосновенными. Речь идет об эмблемах на территориальных печатях, введенных законодательством Руси в царствование Алексея Михайловича.

Из городов Иркутского наместничества примером служат гербы Иркутска, Нерчинска, Якутска, Олекминска. В их проекте принимал участие князь М.М. Щербатов [16]. Эмблемы этих гербов относятся к редкой группе, созданной на основе территориальных печатей середины и второй половины XVII в., имеющих единственную символику, расположенную в центре щита. Описания этих гербов сопровождает пометка «Старый герб» или «Сей герб старый».

Рассмотрим символы гербов вновь утвержденных городов Иркутского наместничества. Принцип территориальный (по областям), описание герба полное (Прилож., табл. 6.3).

Герб города Иркутска. «В серебряном поле щита бегущий бабр, а роту у него соболь». (Наместнический герб. Рассмотрен в предыдущей главе).

Герб города Верхнеудинска: [17] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в золотом поле Меркуриев жезл и рог изобилия, в знак того, что в городе происходит знатный торг и условия о торге».

Верхнеудинск был одним из крупных населенных пунктов Восточной Сибири. К моменту учреждения его уездным городом имел деревянную крепость с башнями, пороховой погреб, артиллерийский цейхауз и гауптвахту, три церкви, пять магазинов, винный подвал, питейные дома, торговые лавки, богадельню, канцелярию, казармы и свыше ста жилых домов. Часть населения составляли старообрядцы. Число всех жителей превышало пять с половиной тысяч, всего же в Верхнеудинском уезде насчитывалось, вместе с иноверцами, свыше 48 тысяч человек. «Меркуриев жезл и рог изобилия изображены в знак того, что в уезде сего города, в Кяхте, производит знатный торг с китайцами и условия о торге... В Кяхте есть

большой гостиной двор, и казармы для жития приезжающих из купечества торговать... Некоторые выменивают у здешних иноверцев пышные товары, рогатой скот и лошадей, отводят через Троицкую крепость в Кяхту для промену китайцам» [ОИН, 1988, с. 81].

Считается, что рог изобилия в гербе принято изображать преимущественно в тех случах, когда богатство и благодеяние приобретены полезным трудом и торговлей. Но, несмотря на то что развитие хлебопашества в Верхнеудинском уезде способствовало росту города как торгового центра, все-таки фактически Верхнеудинск являлся торговым посредником, играл роль торгово-складочного пункта на пути между Иркутском, Нерчинском и Кяхтой.

С одной стороны – развитие горной промышленности в Нерчинском округе, с другой – рост кяхтинской торговли с Китаем и Монголией [Кудрявцев, 1974, с. 246]. Участие во внешней торговле сыграло роль в учреждении символики герба города.

Через несколько десятилетий рог изобилия перейдет в герб города Троицкосавска (вместе с торгово-купеческой слободой Кяхтой он входил в Верхнеудинский уезд и фактически составлял единый город – общероссийский меново-торговый пункт на востоке страны).

Герб города Нижнеудинска: [18] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в голубом поле три золотые шляпы, в знак того, что около сего города обитают братские тунгусы и татары и оные шляпы употребляют».

Нижнеудинск основан русскими казаками в 1648 г. как Покровский городок. С 1664 г. – острог. С 1783 – уездный город, с 1822 г. окружной город Иркутской губернии. Долгое время обменно-торговый пункт Прибайкалья. Сюда стекались пушнина, золото, зерно, а в села и стойбища кочевников вывозились продовольствие, одежда и другие товары. Золотые шляпы идентичны символики Балаганска. Исключение составляет фон, замененный в гербе Нижнеудинска на лазоревый.

Герб города Киренска (см. **Усть-Киренск**): «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в золотом поле протекающая и разделяющаяся на два устья река Киренга, почему город по оной наименование получил».

Герб города Нерчинска: «В серебряном поле черный летящий одноглавый орел». Старый герб. Рассмотрен в предыдущей главе. Нерчинск оставался, как и столетие назад, главным городом забайкальского региона. К этому времени он имел две с половиной тысячи жителей, многочисленные строения, две церкви и полторы сотни жилых домов.

Герб города Доронинска: [19] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в черном поле вышедшая и созревшая рожь, в которой видны васильки, в знак того, что около сего города и в уезде давно уже упражняются в хлебопашестве».

Небольшому забайкальскому селу Доронинску основанному в 1709 г. и названному по имени небольшой речки, впадающей в реку Ингоду, с учреждением наместничества, как и остальным городам, был дан статус уездного города. К этому времени в нем находились небольшой приход, мельница, торговая лавка, 36 жилых домов и чуть более двухсот жителей. Первым промышленным предприятием стал кустарный кирпичный завод, построенный «собственным коштом городничаго» [ОИН, 1988, с. 121]. Но дальнейшее промышленное развитие города не коснулось. Описание герба поясняет его изображение, как развитые селькохозяйственные угодья уезда. Издавна, в отличие от других поселений Забайкалья, доронинские земли отличаются особыми плодородными свойствами. В конце XVIII в. указывалось, что «Плодородие земли изрядно без всякого удабривания.... Всякое брашно [20] плодов и от животных с довольствием доставляется от окружающих сей город селениев; овощи и нужныя травы садят в своих огородах» [там же]. Герб существовал семь лет, после упразднения Иркутского наместничества Доронинск потерял статус города и вновь был объявлен селом.

Герб города Стретенска (Сретенск): [21] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в голубом поле, положенные слитки серебра, в знак того, что в округе сего находятся серебряные руды, где и сплавливаются».

Уездный город Стретенск назван по дню церковного праздника Стретенья. К моменту пожалования герба, это был город с населением 336 человек, с церковью, с земским судом, уездным казначейством, соляной лавкою, хлебными магазинами и полусотней обывательских домов. Вместе с гербом город был удостоен печати «Городнических дел г. Стретенска». Рисунок печати повторяет искусно выполненный полный герб города. Миниатюра поделена на две части, в верхней изображен наместнический герб, в нижней части – собственный герб города. Печатью заверяли документы Стретенского уездного казначейства, главным образом, расходные книги по перевозкам различного провианта и других необходимых молодому городу товаров [ГАЧО. Ф. 272. Оп.1. Д. 10. Л. 93].

В отличие от Нерчинска или других городов Сибири XVII в., где первичной являлась печать города, а вторичным – интерпретированный с печати рисунок герба, герб Сретенска является первичным. Вторичным являются печати Сретенска с собственным гербом. К сожалению, перспектива коллекционного собрания этих городских печатей не велика. Символика герба вызывает ассоциации своеобразного памятника десяткам тысяч горнозаводских крестьян, которые трудились и погибали от крайней нужды на сереброплавильных заводах, рудниках и месторождениях Восточного Забайкалья. Добыча серебра здесь продолжалась почти полтора столетия. С 1704 по 1803 гг. серябряные заводы края выдали России 22 405 пудов серебра. Но серебряный телец не помог Забайкалью превратиться в процветающий в экономическом и культурном отношении регион. Для Сретенского округа серебро, а затем золотодобыча сыграли отрицательную роль в его развитии. С 1798 г. и ранее, с упразднением Иркутского наместничества в 1794 г., город становится на пятьдесят лет волостным селением. Экономически неразвитым он оставался до возникновения в нем

пароходства, когда личное участие в создании Амурской флотилии принял генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев.

Герб города Баргузинска: [22] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в серебряном поле сидящая белка, в знак того, что в округе оного города ловятся летучие белки».

Первый русский острог в Забайкалье. Основан в 1648 г. [Артемьев, 1999, с. 40]. К концу XVIII в. имел две деревянные церкви, казначейство и пятнадцать жилых домов. Символику герба несколько подробнее трактует «Топографическое описание»: «Герба дано не было, а по открытии Иркутского наместничества учрежден под изображением губернского герба в одном щите в серебреном поле сидящая белка, изъявляющая в великом множестве ея, лутшей доброты плодящуюся, что тунгусы, называющиеся орочоны, промышляя, за ясак вносят и продают много». Разумеется, зооморфный символ был дан городу не «в знак» простой ловли в его окрестностях белок. Пушной промысел в уезде был главным занятием местного населения, в большинстве своем инородческом. Уезд считался густонаселенным. Русских поселенцев, тунгусов и бурят насчитывалось в пределах сорока тысяч. В самом же Баргузинске обитал всего лишь двадцать один человек, из них шесть – церковнослужителей, один городничий, остальные жители разной социальной прослойки. Баргузинск считается одним из самых старых русских забайкальских поселений, но ввиду отдаленности от главного тракта стал впоследствии самым малым в Восточной Сибири городом.

Герб города Якутска: «В серебряном поле орел, держащий в когтях соболя. (Старый герб)».

При организации Иркутского наместничества Якутск получил статус областного города. Через полтора века своего становления Якутск имел крепости, церкви, духовное, полицейское, почтовое, дворянское и казачье правления, госпиталь, школу, гостиный двор. Герб рассмотрен в предыдущей главе.

Герб города Оленска: [23] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в голубом поле, серебряный олень, в знак того, что в округе его, великое множество сих зверей».

В 1890-х гг. старинный город Оленск случайно «сменил» название. Произошло это в то время, когда П.П. Винклер работал над своим трудом, посвященном территориальной геральдике, изданным впоследствии в С-Петербурге в 1900 г. Историк, используя созвучие топонимов Оленск и Верхоленск (Оленек), ошибочно присвоил забытое географическое название Оленск окружному городу Иркутской губернии – Верхоленску.

Верхоленск – центр Верхоленского комиссарства, упраздненного в 1782 г. – старейшее поселение Восточной Сибири. Как Верхоленский братский острог он основан в 1641 г., городом стал в 1857 г. Чуть позже Верхоленск – центр уголовной, а затем политической ссылки. До 1924 г. – уездный город Иркутской губернии, расположенный на правом берегу Лены в 305 км от Иркутска. Верхоленск (в скобках – Оленск), как город Иркутского наместничества вошел в труд Винклера с гербом, который оизображал: «В голубом поле, серебряный олень, в знак того, что в округе его, великое множество сих зверей» [Винклер, 1900, с. 29]. Сомнение автора исследования при поиске сведений относительно судеб и современного состояния первых городов Восточной Сибири, имеющих гербы, вызвало то обстоятельство, что «Топографическое описание Иркутского наместничества» относит город Оленск (ошибочно Оленек) не к Иркутской, а к Якутской области.

Поиски сведений прояснили, что по указу 2 марта 1783 г. Оленск был назначен «по удобности местоположения» и переведен в город из упраздненного Верхне-Вилюйского комиссарства Якутской области. С 1805 г. Оленск вновь именуется Вилюйским комиссарством и становится городом Вилюйском [Брокгауз, 1897, с. 869]. Кроме того, выяснилось, что в конце XIX в. поисками исчезнувшего города занялся Франц Шперк: [24] «об одном только Оленске не осталось никакого воспоминания, – писал он, – служа в

Якутской области в 1859 и I860 гг., мне никогда не приходилось при расспросах о крае слышать этого названия. Где причина этого забвения?» [1892, с.238 – 244].

Ссылаясь на «Посмертные записки Николая Васильевича Берга», труды Е. Зябловского, «Древнюю российскую Вивлиофику» и «Топографическое описание», анализируя и сопоставляя разноречивые и порой неверные сведения, Шперк приходит к выводу: «Так как Верхне-Вилюйское зимовье (волость) до переименования в город Оленск носило название Верхне-Вилюйского, а, за упразднением города Вилюйского комиссарства и, наконец, города Вилюйска, то вполне понятно совершенное забвение местным населением названия Оленск – города, недолго существовавшего». Не зная еще, что через пять лет Оленск войдет в геральдический справочник Винклера под именем Верхоленск, ученый пишет: «Вся эта путаница, с неправильным указанием на место нахождение Оленска, произошла от смутного понятия, которое имели об этом отдаленном крае составители статей, пользовавшиеся для своих описаний исключительно появившимися указами, которые, как увидим ниже, не всегда были приводимы в исполнение» [там же].

Далее герб Оленска как Верхоленска в 1974 г. вошел и в книгу-справочник Н.Н. Сперансова «Земельные гербы России XII-XIX вв.».

В настоящее время на левом притоке реки Лены – Вилюе стоит небольшое село Верхневилюйск, а вниз по течению – районный город Вилюйск. Оба они входили когда-то в Верхневилюйское комиссарство, затем в Вилюйский округ, главным и почти единственным занятием жителей которого было оленеводство. «В нем больше других количество людей обитает, и что сей округ лучшим и многочисленным скотоводством перед прочими отличается» [ОИН, 1988, с. 164].

Недаром будущему городу Вилюйску, носящему еще название Оленск, в наследство был дан красивый герб с изображением скачущего молодого оленя. Современное прибайкальское село Иркутской области Верхоленск,

расположенное в верховьях Лены и якутское село Оленек, стоящее на левом берегу одной из крупнейших северных рек – Оленек, не имеют к пожалованному Екатериной II гербу никакого отношения и даже не подозревают о возникшей больше столетия назад геральдической и географической путанице.

Герб города Жиганска: [25] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в голубом поле два осетра, в знак того, что около сего города жители промышляют ловлею рыбы».

Город расположен в низовьях Лены, при впадении в нее реки Стрекаловки. Главный промысел жителей – охота и рыболовство. В 1805 г. был оставлен за штатом. В 1820 г. Жиганск был подвержен эпидемии («моровое поветрие») по всей видимости оспы, унесшей жизни большинства жителей. Оставшиеся в живых покинули город, и с этого времени он опустел. Как город был упразднен в 1860-х гг.

Герб города Алекминска: [26] «В серебряном поле протекающая река» (Старый герб).

Город Олекминск Якутской области был удостоен герба, в точности по внешнему виду воспроизводящего герб Алданска, утвержденного в 1777 г. Описания этих гербов при идентичном изображении разные. На гербе Олекминска изображена протекающая река. Безусловно, речь идет о сибирской северной реке Лене, на которой и было в 1635 г. заложено Олекминское зимовье.

Герб города Зашиверска: [27] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в черном поле золотая лисица, в знак того, что жители сей округи ловлею сих зверей промышляют».

Еще большую трудность вызовет желание найти на сибирской карте местоположение города – владельца герба с изображением золотой лисицы. Это заполярный Зашиверск. Некогда уездный город наместничества, центр русской культуры на протяжении двух с половиной веков в освоении Севера, он был выстроен к середине XVII в. на правом берегу реки Индигирки, на

узком мысе, окруженном со всех сторон водой, экзотическими скалами, лесотундрой и горной цепью. Зашиверский острог строили русские пионеры Севера, когда шли дальше Якутска, в глубину северных пространств к Студеному морю. Вскоре Зашиверск стал форпостом освоения заполярной земли, через него шла речная и сухопутная дорога на Колыму, здесь отряды землепроходцев, среди которых был и Семен Дежнев, останавливались на отдых и пополнение запасов [Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977].

Первоначально Зашиверск имел тридцать домов, среди них провиантские склады и магазины, административные здания. В 1700 г. была срублена Спасо-Зашиверская шатровая церковь, единственная в Сибири, сохранившая свой первоначальный облик. Но неблагоприятные физические да и другие условия, в которых находился город, привели через полтора столетия к его упадку. В середине XIX в. Зашиверск трагически погиб, когда в его жилища был занесен вирус оспы, унесший с собой всех его жителей. Долгие годы судьба города и единственной, оставшейся от его строений церкви была неизвестна.

И только уже в 1960-е и 70-е гг., специальные научные экспедиции в Заполярье, организованные СО АН СССР с участием А.П. Окладникова, З.В. Гоголева, Е.А. Ащепкова, А.П. Деревянко и других не только разгадали тайну древнерусского города, но и спасли от вечного забвения прекрасное произведение древнерусской народной архитектуры Спасо-Зашиверскую церковь.

Но облик деревянных острогов того времени был типичен для Сибири, и в собственный герб Зашиверска не попало их символическое изображение. Тогда, в конце XVIII столетия, в герб города, центра ярких, богатых и интернациональных северных ярмарок, на которые собирались толпы обитателей северной земли, был дан символ его богатства – пушнины, мягкого золота. Это была золотая лисица на черном фоне гербового щита, как бы бегущая наперегонки с губернским иркутским тигром.

Герб города Охотска: [28] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в голубом поле положены два якоря и над ними штандарт, в знак того, что всем городе находится порт».

Охотск был основан в 1649 г. как зимовье Косой Острожек на северном берегу Охотского моря, недалеко от устья рек Кухтуя и Охоты. С 1716 г., когда было установлено постоянное сообщение сибирской администрации с Камчаткой, Охотск стал портовым городом. При устье реки Охоты был основан порт, в котором постоянно содержались морские суда. Острожек был оставлен на прежнем месте. В 1822 г. в Охотске было учреждено особое Приморское управление.

Герб города Ижигинска (Гижингинска): [29]

«В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в голубом поле видна часть крепости с башнями, каковая в сем городе находится».

Ижигинск – одно из важных поселений на берегу Охотского моря, административный центр и резиденция русских купцов во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Население его состояло преимущественно из сибирских казаков и потомков первопоселенцев, высланных из России и получивших свободу за принудительное изгнание.

Основан в 1753 г. как крепость с целью прекращения восстания коряков. Русские землепроходцы, впервые встретившиеся с корякскими племенами во время походов на Камчатку в начале XVII в., постоянно встречали их необычное для других северных народностей сопротивление. По свидетельству Дж. Кеннана, кочующие коряки отличаются прямотой и гостеприимством, но «кочующее, одинокое, независимое существование развило в характере коряков смелость, независмость и полнейшую самонадеянность, которая отличает их от камчадалов и других оседлых жителей Сибири. Цивилизация и правительство не касаются их. Они не подчиняются никаким законам и никакой власти. Каждый владелец дюжины оленей – сам себе закон. Предводитель группы из шести-восьми семей, в которые обычно объединяются коряки, не властен над остальными членами,

способ решения различных важных дел – общественный совет» [Кеннан, 1896, с. 164]. В результате – малейшая ошибка русских казаков в общении с ними могла привести к серьезному конфликту. Защитная крепость, явившаяся градообразующим объектом, стала главным и единственным символическим изображением герба.

Герб города Акланска: [30] «В золотом поле стоячий медведь, в знак того, что в округе сего города много их находится».

Построен как острог «со всею крепостью» в 1708 г. на реке Пенжине для более удобного пути на Камчатку. Описание герба подтверждает свидетельство Дж. Кеннана, указывающего, что на побережье Охотского моря – огромное количество медведей. «Черные и белые медведи бродят по поросшим мхом равнинам». Встречи человека с медведем не редки, в большинстве случаев оба расходятся в разные стороны [там же, с. 66].

Герб города Нижнекамчатска: [31] «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней в голубом поле кит, в знак того, что у сего города в океане много их находится».

Город основан в 1703 г. В 1731 г. был разрушен камчадалами, но через два года восстановлен. В годы наместничества получил статус уездного. В 1805 г. был отнесен к Иркутской губернии, в начале XIX в. упразднен. Главное занятие населения – рыбный и звериный промысел, что и легло в основу символики.

Таким образом, составители гербов вновь основанным уездным городам Тобольского и Иркутского наместничеств стремились каждому рисунку и геральдическому знаку придать определенное смысловое значение с соответствующим описанием. Все символические образы привлекательны, достаточно наивны и объяснены в самом своем описании – редкий в русской геральдике факт. В большинстве своем они отражают ремесленную или торговую жизнь города, главное занятие населения и события города, местоположение, а также характерные черты флоры или фауны.

Естественно, что составители гербов должны были располагать информацией о том или ином населенном пункте, иметь сведения с мест. Первым опытом такого общения с дальними городами России были восьмипунктовые анкеты, разработанные еще Ф. Санти, донесения и реестры, присланные по его заказу с разных концов России в середине 1720-х гг. [Филлипов, 1916, с. 122 – 130]. Но многие местные канцелярии присылали доношения с идентичными ответами о незнании ими никаких прежних гербов. Из Тобольска сообщили о громадных расстояниях и о том, что посланные запросы возвращаются только через год. А раз нет города, нет и положенного ему герба. Так и объясняется, вероятно, тот факт, что другие города Восточной Сибири, получившие статус города еще в XVII в., остались к тому времени за рамками деятельности Герольдмейстерской конторы.

Верхнюю часть городского герба составлял наместнический герб, занимающий в геральдической истории России соответствующее место. Идея его объединения с собственным городским принадлежала коллежскому советнику И.И. фон Эндену, занимавшему должность товарища герольдмейстера. Эмблема самого города являлась при такой композиции как бы второстепенной, а главным оставался губернский герб. При этом данная форма герба соответствовала реальной структуре административно-территориального деления, бывшего тогда в России. «В этих условиях внедрение городского знака, который призван был символизировать городское общественное самоуправление, производит впечатление камуфляжа» [Соболева, 1981, с. 99 – 100]. Но правило это было обязательным и действовало до середины XIX в.

Несколько особняком стоит символика Красноярска, являющая типичный пример смены геральдических изображений в угоду смены административного статуса города (Прилож., табл. 6.4; 6.6). В Герольдмейстерской конторе имелись сведения о создании в 1720-х гг. герба Красноярска. Но был ли на нем изображен единорог неизвестно, и как указывалось, в дальнейшем его образ не получил развития в геральдике

города. В 1804 г. при составлении герба Красноярска, входившего в Томскую губернию и утвержденного 20 марта этого же года, избрали негеральдическую фигуру, отразившую ландшафтные особенности Красноярска: «На щите, разделенном горизонтально надвое, в верхней половине герб Томский, а нижней в серебряном поле на земле с левой стороны означена красная гора» [ПСЗ-1, т. XXVIII, № 21219]. 25 августа 1824 г. был издан Сенатский указ «О Высочайше утвержденном гербе города Красноярска» [ПСЗ-1, т. XXXIX, № 30036]. Его описание идентично прежнему, в результате чего делается вывод о переутверждении герба в связи с получением Красноярска статуса губернского города Енисейской губернии. В указе сообщается, что копии герба необходимо отослать в Енисейское Губернское Правление, Гражданскому Губернатору и Генерал-Губернатору Восточной Сибири, а также Военным Генерал-Губернаторам и другим высшим чинам военного ведомства Восточной Сибири. Кстати, участие в составлении гербов Красноярска и губернии по просьбе Герольдии принимал сам енисейский губернатор.

В 1851 г. уже для уездного города Красноярска Енисейской губернии был составлен и 23 ноября утвержден новый герб: «В червленом щите изображен золотой, стоящий на задних лапах лев, который несет в передних лапах того же металла серп и лопату. Щит увенчан золотою Императорскою короною». Изменение герба было вызвано «желанием придать ему больше величия и показать главные занятия населения – земледелие и добычу ископаемых» [Сперансов, 1974, с. 94].

В 1878 г. (правительственный указ от 5 июля) этот герб стал гербом Енисейской губернии: «В червленном щите, золотой лев, с лазуревыми глазами языком и черными когтями, держащий в правой лапе, золотую лопату, а в левой, таковой же серп. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листями, соединенными Андреевской лентою» [32] [ПСЗ-II, т. LIII, № 58684; Винклер, 1900, с. 180].

Указ от 5 июля 1878 г. охватывал около пятидесяти губерний и областей Российской империи (Прилож., табл. 6.11) [33]. Все утвержденные гербы указом 1883 г. были изображены на территориальных печатях: губернских и городских. Вопросами изготовления печатей занимался Департамент Герольдии. Региональные учреждения, банки, конторы, присутственные места, общества и советы имели на своих печатях гербы своей губернии или города. Символика Красноярска – яркий образец государственной политики в сфере российского герботворчества второй половины XIX в. Опираясь на коллекционное собрание матриц печатей XIX в. с изображением герба Енисейской губернии в фондах НОКМ, автор полагает возможным показать использование герба Енисейской губернии в делопроизводстве края.

«Печать (матрица) общества о тюрьмах Красноярского губернского комитета попечительства». Принадлежала обществу о тюрьмах Красноярского губернского комитета попечительства и служила для удостоверения подлинности документов, исходящих от общества. Состоит из округлой матрицы, переходящей в винт для закручивания рукоятки. На матрице – изображение: в центре герб Енисейской губернии. На щите идущий лев, держащий в лапах лопату и серп. Вокруг надпись: «Канцеляр: Краснояр: губернского коммитета попечит: общества о тюрьмах».

- «Печать (матрица) запасного экономического магазина». Принадлежала запасному магазину вахтенного есаульного склада Частоостровской волости Красноярского округа Енисейской губернии и служила для удостоверения подлинности документов, исходящих от магазина. Состоит из округлой матрицы и привинчивающейся к ней фигурной рукоятки из желтого металла. Сверху рукоятки – отверстие с резьбой для вставной ручки. На матрице – углубленное изображение: в центре – герб Енисейской губернии. На щите лев, держащий лопату и серп. Щит увенчан императорской короной. Под гербом надпись: «Запас. экономич: магаз». Вокруг надпись: Енис. губ. красн: окр.: частоосст: вол: вахт: есаульс:ска».

- «Печать (матрица) Александровского волостного правления Красноярского уезда Енисейской губернии». Служила для удостоверения подлинности документов, исходящих от волостного правления. Состоит из круглой матрицы и фигурной ручки с отверстием, с нанесенной резьбой. На матрице углубленное изображение: в центре – герб Енисейской губернии. На щите, увенчанным императорской короной, стоящий лев, держащий лопату и серп. По ободку надпись: Александр: волостное правление красноярского уезда Енисейск. губ.» [Кошелев, 1997, с. 114 – 117] [32].

Глава 4

Территориальная символика Забайкальской области второй половины XIX – начала XX вв.

4.1. Отражение практики западноевропейского герботворчества в гербе Забайкальской области (1859 г.).

С середины XIX в. начинает экономически развиваться Чита. Росту города способствовало его выгодное географическое положение при массовом заселении и освоении Приамурья и Дальнего Востока. Забайкальские реки амурского бассейна Ингода и Шилка имели свои пристани. Здесь грузились плоты, затем баржи, сплавлялись жизненно важные для освоения Приамурья грузы и товары. Они шли на Амур из Кяхты, Верхнеудинска, Иркутска и других городов. Чита становится не только важной перевалочной базой, но и торговым центром. Здесь один за другим возникают хлебные, соляные и винные магазины и лавки, оборудуются складские помещения, стали успешней развиваться промыслы, образование и культура.

11 июля 1851 г. вышло «Высочайше утвержденное положение об управлении Забайкальской областью» с указом Николая I об образовании особой Забайкальской области с «учреждением Областного Управления в местечке Чите, которое возвести на степень областного города» [ПСЗ-2, т. XXVI, № 255395].

Область была образована из Верхнеудинского и Нерчинского округов. Она включала в себя нынешнюю территорию Бурятии и Читинской области. Управление областью было поручено Военному губернатору, а Чита обозначена местом его пребывания. В 1863 г. сюда было приписано Кяхтинское градоначальство, а два округа постепенно (с 1856 по 1872 г.) были разделены на восемь округов: Баргузинский, Верхнеудинский, Селенгинский, Троицкосавский, Читинский, Акшинский, Нерчинский и Нерчинско-Заводский.

Через восемь лет после образования Забайкальской области 12 апреля 1859 г. был Высочайше утвержден герб Забайкальской области со следующим описанием: «В золотом поле восьмиконечный палисад, червленый с зеленью, сопровождаемый вверху червленою буйволовою головою с серебряными глазами и языком. Щит увенчан древнею Царскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою». В собрании законов было опубликовано Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета: О гербе Забайкальской области [ПСЗ-2, т. XXXIV, № 34358] (Прилож., табл. 6.7; 6.8).

Созданию и утверждению герба Забайкальской области предшествовала работа в Гербовом отделении Департамента Герольдии. Это время характеризуется особым вниманием российской государственной политики к герботворчеству. Она явилась системой правительственных мер, направленных на усиление централизации государственной власти и изменения в территориальном устройстве российской державы. «С воцарением императора Александра II наступил третий фазис в развитии русской геральдики» [Лукомский, Типольт, 1917, с. 50]. Старинные и ранее созданные земельные гербы обычно состояли из одной внутренней части – щита – и соответствовали структуре административно-территориального деления России. Вверху щита изображался наместнический (губернский) герб, внизу – герб собственного города. Со второй половины прошлого столетия эти правила были отменены, и в действие введены новые строгие и точные законы, приближенные к западноевропейской геральдике. Их составителем явился Б.В. Кене.

При нем Департамент практически осуществил беспрецендентную по масштабам реформу территориальной геральдики России и законодательным путем ввел в делопроизводство. Согласно правилам 1857 г., создание новых земельных гербов предполагало определить их унифицированную форму [ПСЗ-II, т. XXXII, № 32037].

Попытка создания внешней атрибутики в российской геральдике была предпринята еще в эпоху Екатерины II. В 1772 г. вышел Сенатский указ «О писании дипломов на разные достоинства и о делании в них внешних украшений» по описаниям, представленном герольдмейстером князем М.М. Щербатовым [ПСЗ-1, т. XIX, № 13774]. Почти через столетие Б.В. Кене стал автором правил «украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов, получивших 7 мая, 4 и 16 июля 1857 года Высочайшее утверждение» [Винклер, 1900, с. XXV].

В первоначальном варианте герба Забайкальской области новые правила не коснулись. Министру юстиции один за другим предлагались проекты герба, но все они были отвергнуты. Вот описание одного из эскизов проекта за подписями герольдмейстера, товарища герольдмейстера и секретаря: «Щит разделен горизонтально на две равные части: в верхней, на лазуревом поле, изображен вал с золотым палисадом и в нижней, червленой, пасущийся серебряный вол. Щит украшен золотой Императорскою короною» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 15 Д. 285 Л. 15].

Следующий эскиз забайкальского герба предлагал варьирование цветовой гаммы золотого поля в верхней части и палисада червленого цвета до лазуревой нижней части щита при измененном изображении рисунка палисада. В два других эскиза были введены геральдические стропила. Впрочем, эти изображения так можно назвать лишь условно. Строгий геометрический рисунок фигур напоминает стропила лишь формой, сходной с остроконечной буквой «Λ». Структура же их скорее производит впечатление плана кирпичной или каменной кладки, но никак не деревянных несущих элементов скатной крыши, поддерживающих основание кровли. Это, в свою очередь, говорит о том, что подобная структура несет в своей основе идею укрепленного оборонительного сооружения. Все четыре проекта герба Забайкальской области имеют в качестве внешнего атрибута Императорскую корону. Это было наследие Николая I, который предложил усилить пропагандистский характер городских гербов как знаков,

отражающих правительственную политику, и дал указание «принять на будущее время за правило на гербах губерний, областей и губернских городов, кои впредь будут представляемы на высочайшее утверждение, изображать всегда императорскую корону».

Но уже после смерти Николая I, когда при новом императоре в новой должности был утвержден Б.В. Кене, короны, по его правилам, применялись в зависимости от статуса города. По этим правилам и был переделан проект герба Забайкальской области. Согласно источникам, проект просматривал министр юстиции России граф В.Н. Панин [1]. В одном из документов Правительствующего Сената от 4 марта 1858 г. сказано: «Из дела о гербе Забайкальской области оказывается, что Г. Министр Юстиции приказал употреблять вместо стропилы, находящейся в проекте Г. Министра Внутренних Дел, палисад. Сия фигура встречается в древних гербах, например, на нашлемнике Мекленбургского герба в начале XIII столетия. Потому управляющий Отделением полагает изобразить для сего герба, в золотом поле, палисадник из осьми частей, червленый с зеленым, сопровождаемый вверху червленою буйволовою головою, ибо целого буйвола изобразить неудобно. Управляющий Гербовым Отделением Б. Кёне» [РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 285, л. 18].

Подпись Б.В. Кене, немца по происхождению, красноречиво говорит о том, как во времена его деятельности силовым методом применялась в русской геральдике практика западноевропейского герботворчества. Во вновь создаваемый герб Забайкальской области Кене ввел элемент древнего герба Мекленбурга – исторической области на северо-востоке Германии. Ныне его земли входят в единую территорию страны. Во времена ранней Европы область была заселена племенами полабских славян, главным образом, бодричей, которые в XII в. вошли в состав княжества славянина Никлота и основали на обретенных землях город Микилинбор, давший впоследствии название Мекленбургу. Но, не выдержав ожесточенной борьбы с немецкими феодалами, славяне были покорены саксонским герцогом

Генрихом Львом. С этого времени происходит онемечивание территории. С 1348 г. Мекленбург становится герцогством, позже оно разделяется на Мекленбург-Стрелиц и Мекленбург-Шверин, которые с 1815 г. являются великими герцогствами и имеют свои гербы.

Одной из центральных фигур гербов обоих герцогств Мекленбурга является бык или буйвол, стоящий в полный рост. Не только палисад, но и изображение главного символа Забайкальского герба – буйволовой головы было заимствовано управляющим Гербовым отделением Департамента Герольдии из герба древней немецкой земли. Почему же все-таки в территориальный герб далекой российской окраины попали эмблемы именно Мекленбурга? Откуда это совмещение расстояний и времен?

Отгадка в самой эпохе – середине XIX в., времени, когда в России была образована русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома. Родоначальник ветви, герцог Георг Август в 1851 г. женился на великой княжне Екатерине Михайловне, дочери великого князя Михаила Павловича и внучке Павла I. К тому же он был двоюродным братом императрицы Александры Федоровны, жены Николая I и дочери прусского короля Вильгельма III – с одной стороны, и мужем внучки и племянницы императоров – с другой. Герцога приняли на русскую военную службу. Расцвет его деятельности пришелся на царствование Александра II, пору реформаторских преобразований в России и, как следствие этого, нового геральдического законодательства, под которое и попал проект герба Забайкальской области.

И хотя сам Георг Август никакого влияния при дворе не имел, все же высшие российские чиновники, по всей вероятности, старались в угоду августейшей семьи упрочить русско-мекленбургские родственные связи и усилить влияние новой ветви Мекленбург-Стрелицкого Дома, которая, породнившись с императорской фамилией, пустила в России корни.

Мекленбург-Стрелицкие предполагали навсегда связать свою судьбу с Россией и распространить свое влияние на всю ее территорию. Об этом говорит не только попытка присутствия в геральдике России их родовых

эмблем, но и будущие имущественные интересы герцогов на новой родине. К тому же их потомки вступали в браки с представителями известнейших русских фамилий [Красюков, 1994, с. 37 – 44] [2].

Только через год российские министры пришли к согласию относительно герба Забайкальской области. 30 марта 1859 г. в Правительствующем Сенате была заслушана записка Министра Юстиции с приложением проекта герба, а 12 апреля Александр II «Высочайше соизволил утвердить означенный герб». Лаконичное пояснение министра юстиции символики забайкальского герба, в приведенном выше документе, вовсе не означает категоричность ее западноевропейского генезиса.

Составители геральдической эмблемы Забайкалья при ее создании имели полное представление об истории и современном состоянии края. Поэтому было бы, по крайней мере, некорректно обозначать лишь мекленбургские корни герба. Тем более, что буйвол, в русской геральдике – эквивалент быка, древний образ и русской символики. Так, в уже упоминавшихся сказаниях о животных, известных в древней Руси (русское церковное сочинение «Шестоднев»), к примеру, характеристика быка составлена отчасти под влиянием статьи «От шестиденьца избрано о животных». В ней в свете религиозно-нравственного аспекта характеризуется главное естество быка. «Бык, бо, естеством добр» [Дурново, 1902, с. 45].

«На Западе и на Руси сущность средневекового символизма была в основном одинакова; одинаковы же были в огромном большинстве и самые символы, традиционно сохранявшиеся в течении веков» [Д.С. Лихачев, 1956, с. 166].

А.Б. Лакиер существенно различает природу древней символики славян и германцев. Если, по его мнению, славянская родо-территориальная символика была призвана обеспечить многочисленной общине магическую защиту и применяла для этой цели сакральные знаки и символы духовности, то у германцев решающую роль играла непохожесть каждого родового знака

на все остальные [Лакиер, 1990, с.]. Более того, в исторической литературе существует точка зрения о том, что мекленбургские гербы опровергают представление о сплошной и быстрой колонизации немцами славянской окраины [Егоров, 1915, с. 92] [3].

Рассматривая изменения гербов ряда славянских и немецких семейств и порядок утверждения этих гербов на разных территориях герцогства, Д.Н. Егоров приходит к убеждению, что на протяжении веков символы древних славян являются настоящим источником доказательств их влияния на происхождение немецких гербов. При этом та же династия мекленбургских герцогов – единственная в Западной Европе, имеющая славянское происхождение. В конечном итоге, символика герба Забайкальской области представляет сочетание знакового отражения практики западноевропейского герботворчества и исторических реалий только что организованной административно-территориальной единицы Восточной Сибири середины XIX в.

Об этом свидетельствуют данные, сообщаемые в «Записке»: «Рисунок сего герба изготовлен в Гербовом Отделении по соглашению Министерства Юстиции с Министерством Внутренних Дел, что помещенные в проекте герба эмблемы: палисад и буйволова голова, выражают укрепление областного города Читы и занятие местных жителей скотоводством, и что внешние украшения щита в настоящем гербе помещены на основании правил, Высочайше утвержденных в 1857 году. (32037)» [ПСЗ-II, т. XXXII, № 32037].

Рассмотрим герб Забайкальской области с точки зрения теоретической (описание) и практической (объяснение символики) геральдики правил Б.В. Кене. Герб Забайкальской области, как и все другие российские гербы, созданные во второй половине XIX в., состоит из нескольких частей. Главнейшая из них внутренняя – щит. К этому времени в российской геральдике употребляется исключительно французская форма щита, представляющая прямоугольник, основание которого равно восьми девятым

высоты, выступающее в середине нижней части острием и имеющее закругленные нижние углы. Именно на таком щите удобнее и лучше всего размещаются геральдические фигуры.

Каждый геральдический щит имеет три основных деления: рассечение, пересечение, скошение. Щит герба Забайкальской области имеет пересечение – зубцы восьмиконечного палисада соединяют середины боковых сторон. Н. Н. Сперансов так поясняет данный символ: «Этот герб напоминает о старинных укрепленных палисадах, которые строили русские люди, заселив и освоив пустынные земли Забайкалья и долину Амура, где бродили дикие охотники» [1974, № 70]. Главное назначение символики палисада – его фортификационная функция. Ко времени активного развертывания освоения Забайкалья русским населением на его территории были построены остроги: Баргузинский, Иргенский, Нерчинский, Телембинский, Селенгинский, Ундинский, Еравнинский, Итацинский и другие (данные 1680 г.) [РГАДА. Ф. 214. Ст. 720. Л..24]. Читинский острог заложил, как и другие острожные поселения Сибири, основы городской жизни и стал впоследствии символом пребывания в Чите декабристов.

Обыкновенно на щите помещаются особые фигуры, имеющие условные обозначения и называемые геральдическими. Они делятся на естественные, искусственные и фантастические. Естественными фигурами называют изображения, созданные природой. Они образуют самую обширную группу фигур, большинство из которых является изображениями, как и в прошлые века, разнообразных животных.

На щите герба Забайкальской области изображена голова буйвола, символизирующая скотоводческий профиль Забайкальской области.

Если учесть, что всякая фигура на щите занимает определенное место, называемое положением, то червленая буйволова голова находится в точке «Е», занимает правильное положение (возвышается над палисадом) и почетное место. Голова имеет язык и глаза, а поэтому называется вооруженною фигурой.

Цветовая гамма герба: из пяти применяемых в русской геральдике финифтей употреблено две – червлень (смесь сурика и киновари) и зелень (смесь хрома и растительной зелени). Металлов тоже два – золото и серебро. По основному правилу геральдики недопустимо помещение металлов на металл или финифти на финифть. Если поле металлическое, как в гербе Забайкальской области, то финифть буйволовой головы – червлень, а на ней – серебряные глаза и язык. Когда в гербе помещена только часть животного (голова буйвола), то такие фигуры изображаются червленью. Золото символизирует забайкальское золото, принадлежавшее Кабинету, равно как и серебро – даурские серебряные промыслы. Двухцветная финифть палей острога идентична расцветке пограничного столба и говорит о том, что край имеет две внешние границы (Монголия, Китай).

Щит с изображением в нем фигур, по правилам Кене, еще не составляет всего герба, а лишь главнейшую, внутреннюю его часть. Совокупность внутренней и внешней частей, по Кене, составляет полный герб, что явилось главным в его новых правилах.

Все новые гербы Восточной Сибири в отличие от прежних имели не только внутреннюю часть, но и внешнюю (намет) – обрамления и украшения в виде стилизованных корон, листьев, лент, выходящих за пределы геральдического щита. Эти части явились обозначением административно-территориальных единиц России, существующих на тот период времени. Геральдические щиты губерний украшались золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской (лазоревой) лентой. А гербы областей и градоначальств украшались дубовыми листьями в золоте, соединенными Александровской (алой) лентой, что мы и наблюдаем в гербе Забайкальской области.

Дуб с древнейших времен священное дерево у многих народов. Б.В. Кене обратился именно к этому историческому международному символу и в своих правилах включил дуб как «говорящую» эмблему в территориальные гербы России.

При этом однотипность изображений большинства российских гербов (неприкосновенными были оставлены лишь «старые» гербы) через геральдику выражала отношение правительства к самостоятельности территорий и городов. Последних не особенно интересовала политика герботворчества, насаждаемая «сверху», поскольку она не прибавляла им ни муниципальной автономии, обещанной еще «Городовым положением» 1785 г. Стандартные украшения явились лишь символами системы власти, но не символами реальной власти органов городского управления.

В гербе Забайкальской области одну из внешних частей составляет Древняя Царская корона, применявшаяся соответственно в гербах областей и градоначальств. Она, в отличие от Императорской Большой короны, Шапки Мономаха и других корон, не существовала на самом деле. Её изображали в виде золотого венца, украшенного камнями, имеющего четыре листа сельдерея и жемчужины с крестами. Листья сельдерея уже в древности обратили на себя внимание симметричностью расположения, красивым, эффектным вырезом, четкой, стандартно выдержанной характерной заостренностью силуэта и, конечно, своей троичностью (три выреза, повторенные трижды в каждом листке), которой придавалось магическое значение. С середины XIX в. короны являлись основным украшением геральдических щитов и применялись, как отмечалось, в зависимости от городского статуса и административно-территориального деления губерний, областей и градоначальств.

В результате, утвержденный Александром II герб Забайкальской области, был составлен Департаментом Герольдии по новым правилам геральдики на тот период времени (реформе 1857 г.) [ПСЗ-II, т. XXXIV, № 34358] [4]. При этом каждый геральдический знак герба нес в себе заложенную его создателями информацию и смысловое значение. Герб Забайкальской области отвечал всем требованиям, предъявляемым к его создателям: отразить в рисунке экономические (буйволова голова с серебряными глазами и языком), исторические (старинный палисад или пали острога) и

территориальные (восемь зубцов палисада при чередующейся расцветке пограничного столба) особенности края. Герб активно использовался почти шесть десятилетий и закончил свою жизнь с гибелью старого строя.

4.2. Хроника законодательных мер в утверждении герба областного города Читы (1859 г., 1913 г.)

В Департаменте Герольдии одновременно с гербом Забайкальской области создавался герб вновь учрежденного областного центра – города Читы. Но с самого своего возникновения герб Забайкальской области служил также и городу и использовался во всех официальных документах органов городского управления. Эта многолетняя запутанная ситуация разрешается следующим образом.

От 4 апреля 1858 г. (ровно через месяц после предложения Б.В. Кёне нового проекта забайкальского герба) в журнале Гербового отделения при Департаменте Герольдии Правительствующего Сената было записано: «Слушали. По предложению Г. Герольдмейстера от 23 января 1858 года за № 240 дело о заготовлении герба для Областного города Читы Забайкальской области. Приказали в проекте, представленном Министерством Внутренних дел, изображен буйвол и стропилы. Господин Министр Юстиции изволил приказать вместо стропил изобразить палисад... для гербов Областного города Забайкальской Области Читы и самой области принять следующий герб: в золотом поле восьмиконечный палисад, червленый с зеленью, сопровождаемый вверху Червленною буйволовою головою с серебряными глазами и языком. Причем щит увенчать для Областного города Читы золотою башенною короною о трех зубцах, а для Области древней Царскою короною и окружить в гербе Областного города двумя золотыми колосьями, соединенными Александровскою лентою, а для Области золотыми дубовыми листьями, соединенными также Александровскою лентою. И составленные на сем основании гербы для Областного города и области с описанием и объяснением причин, по коим приняты вышеизъясненные эмблемы передать

Г-ну Герольдмейстеру для дачи дальнейшего хода» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 285. Л. 16].

Но по каким-то причинам это указание было выполнено несоответственно требованию. Утвержденный 12 августа того же года герб Читы ничем, даже внешними обрамлениями, не отличался от областного герба, имел с ним идентичный вид, а в скобках под описанием так и значилось: (Герб Забайкальской области). Вот откуда расхождение в определении даты утверждения герба Забайкальской области, явившее очередным законодательным казусом новой геральдической реформы Б.В. Кене. В одном случае – 12 апреля 1859 г., в другом (как гербе Читы) – 12 августа этого же года. А поскольку отдельного герба для Читы дано не было, то город более полувека пользовался эмблемой области.

История Забайкалья второй половины XIX в. хранит множество изображений областного герба, как на официальных документах Забайкальской области, так и ее центра – города Читы. Для упрощения изображения в гербе была убрана одна из частей внешней атрибутики – дубовые листья, перевязанные Александровскою лентой. Была оставлена Древняя Царская корона и она, за редким исключением, изображалась правильно. Такой герб украшал логотип официального и самого долговременного печатного органа, газеты «Забайкальские областные ведомости», а также периодические выпуски «Известий Читинской Городской Думы».

Печати с гербом Забайкальской области имели должностные лица, учреждения и административные присутственные места. Ими заверяли документы Читинской городской управы, больниц, гимназий, приютов, попечительных советов, городской публичной библиотеки, юридических контор и других заведений.

Изображения забайкальского герба венчали также должностные знаки официальных лиц, которые в России были введены еще при Екатерине II. В Забайкальской области должностные знаки были введены с 1875 г. по

специальному общероссийскому Городовому положению. Это были знаки для служащих высшей администрации области и города. После реформы 1861 г. забайкальский областной герб был постепенно помещен на бронзовых должностных знаках забайкальского волостного и сельского управлений, в том числе – инородческого (Прилож., табл. 6.10).

Сохранившиеся должностные знаки Забайкальской области:

1. Знак сельского старосты. На аверсе изображен герб Забайкальской области под Императорской короной. По окружности надпись: «Сельский староста». В центре круга реверса – вензель Александра II, по окружности дата: 19 = февраля = 1861 = года.

2. Знак инородческого волостного судьи. На аверсе изображен герб Забайкальской области под Древнею Царскою короной. По окружности надпись: «Инородческий волостной судья». На реверсе в центре вензель Николая II под Императорской короной, по окружности дата: 23 = апреля = 1901 = года.

3. Знак инородческого волостного старшины. На аверсе изображен герб Забайкальской области под Императорской короной. По окружности надпись: «Инородческий волостной старшина». На реверсе в центре вензель Николая II, надпись по окружности: 22 = апреля = 1901 = года [Фонды ЧОКМ].

Подобные знаки были введены по всей России, в том числе соседней с Забайкальской – Якутской области.

4. Знак аульного старшины. На аверсе изображен герб Якутской области (стилизованный орел 1878 г.) под Древнею Царскою короной. По окружности надпись: «Аульный старшина». На реверсе – вензель Александра III под Императорской короной, по овалу надпись: 25 = марта = года = 1891 года.

5. Знак родового старосты. В центре аверса герб Якутской области под Императорской короной, по окружности надпись: «Родовой староста». На реверсе в центре вензель Александра I с надписью по овалу: 22 = июля

=1822 года. Характерно, что знак этот был «изготовлен после 1878 года, когда Якутская область получила изображенный на нем герб. До того Якутск входил в Иркутское наместничество, и орел на гербе города был изображен летящим» [Мельник, Можейко, 1993, с. 221].

Новое Городовое положение, вступившее в силу в Чите 12 июля 1892 г., ввело должностные знаки для второстепенных представителей власти и должностных лиц. В Забайкальской области специальные знаки получили областной забайкальский землемер, агент переселенческого управления и другие. Знаки носились на тонкой бронзовой цепочке. Любопытно изображение должностного знака «Верхнеудинская городская пожарная команда». Знак представлял собою бляху с булавкой на оборотной стороне для крепления к одежде. На лицевой стороне в центре овала изображен собственный герб города Верхнеудинска с надписью по овалу, внешний контур которого украшает венок из дубовой и лавровой ветвей. Сверху – лестница и перекрещенные топор и кирка [там же, с. 260].

В XIX и начале XX вв. забайкальские чиновники и должностные лица носили мундиры с пуговицами, на которых также значился герб Забайкальской области. Соответственно подобные пуговицы украшали форменную одежду учащихся. Но несмотря на обширное использование герба Забайкальской области в символике областного центра, для Читы он был на полулегальном положении, ввиду использования символов области во внешнем обрамлении герба. Вместо городских символов герб имел символы области (Древняя Царская корона, алая Александровская лента и дубовые ветви), которые украшали только гербы областей России. В начале XIX в. городская печать начала поднимать вопрос о создании самостоятельного герба забайкальской столицы: «Чита до сих пор не имеет утвержденного герба города, – сообщалось в одном из первых справочников, посвященных Чите, – и в тех случаях, где нужно его изображение, он заменяется гербом Забайкальской области» [Попов, 1907, с. 56].

Проекты герба города Читинская Дума обсуждала не однажды. В одно из заседаний был одобрен составленный проект, но он, в силу различных обстоятельств, так и остался неутвержденным. В июле 1902 г. Приамурский генерал-губернатор предложил Военному губернатору Забайкальской области возбудить ходатайство об утверждении герба Читы [ГАЧО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 242. Л. 3]. Вопрос этот был вынесен на заседание Думы, которое состоялось осенью того же года. В результате обсуждения было решено: просить подготовить проект герба города С.Р. Бирнбаума [5] [Там же. Ф. 226. Оп. 1. Д. 23. Л. 173 об.] (Прилож., табл. 6.12). На следующем заседании, которое состоялось через две недели, Дума рассмотрела представленные художником два проекта герба. Выбрав один из них, гласные предложили доработать его и внести некоторые изменения: «Помещенный сверху герба купол заменить короной, вместо папахи и шапки нарисовать лес; булавы заменить флагами и внизу написать год основания Читы». Спустя еще две недели Дума одобрила проект герба и постановила «представить таковой по принадлежности с подробным описанием и просьбой об утверждении» [Там же. Л. 191 об].

А.И. Попов дал описание этого проекта: «Основанием герба служит щит, обрамленный венком из золотых дубовых листьев, на его фоне казачьи знамена. Щит разделен лентою бордюра, в правой верхней его части атрибуты герба Забайкальской области, а в левой нижней три лиственницы. На ленте 1851 год». Но если внимательно присмотреться к основному делению гербового щита – «скошению», названному в описании бордюром, то можно определить, что идея художника изначально была иной.

К «скошению» гербового щита более подходит другая характеристика – архитектурный подзор. Снова обратимся к знатоку живого великорусского языка В. И. Далю, к третьему тому его словаря: «Резные подзоры на русских избах, украшения, доски по ребру ската кровли». Действительно, не напоминает ли рисунок так называемого бордюра элемент декоративной деревянной доски со сквозной узорчатой резьбой, которая обычно крепится к

скату кровли деревянных русских изб? Тем более что ко времени создания художником проекта герба Читы город был почти сплошь деревянным. Его каменное строительство интенсивно началось лишь после 1905 г. Чита, в отличие от других сибирских городов, вообще начала строиться значительно позднее, и в деревянном зодчестве уже применялась механическая обработка, что ускоряло процесс и облегчало возможности резчика, создавало условия более разнообразить узор, делать резьбу не глухой, а сквозной. Одноэтажные и двухэтажные дома Читы были сплошь украшены резными досками подзора, в некоторых случаях даже трехслойными, что создавал своеобразный колорит города.

Именно обилие таких резных подзоров старой Читы и вдохновило С. Р. Бирнбаума внести архитектурную деталь в основу герба. Глазами профессионала увидел художник эту удивительную особенность деревянного города и посчитал необходимым, чтобы герб столицы Забайкалья содержал характеристику ее архитектурного качества. Но художник не был знаком с законами российской геральдики, а потому проект получился громоздким и не соответствующим символам города.

Сам Попов признавал этот проект неудачным: «В первую очередь из-за фигурного щита, напоминающего средневековый рыцарский, а также другими отступлениями от обычной формы, в том числе казачьи знамена, уместными в гербах области, но не города. Что же в таком случае могло служить характерною эмблемой для Читы, чем же она выделяется, что в ней достопримечательного, особенного? Увы, – к сожалению – ничего. Разве песок и пыль, за которые справедливо зовут Читу «песочницей». Но этих богатств, кажется, никакая геральдика не изобразит».

Далее А.И. Попов советовал: «Если мы обратимся к материалам по истории Забайкалья, то в них можем найти кое-что не бесполезное и для настоящего случая. В 1692 году по велению Императора Петра Великого были изготовлены гербовые печати для Сибирских земель, в том числе и для Даурской, Нерчинской, на которых было изображено: орел одноглавый

держит лук вниз тетивою. Этот древнейший герб Даурской земли естественнее всего было бы, конечно, сделать гербом Забайкальской области. Но, по всей вероятности, ко времени составления его, древний герб Даурских земель был основательно забыт, и для Забайкалья составлен новый, теперь существующий, правда, довольно удачно характеризующий область.

В настоящее время, составляя герб для главного города бывшей Даурской земли, можно было бы включить в него историческую её эмблему. Наконец, нужно заметить, что у Читы имеются довольно характерные топографические особенности: это расположение её в горах и при устье реки, давшей городу имя. Оставляя специалистам самое составление рисунка, по приведенным выше соображениям, казалось бы уместным изобразить на щите герба города Читы: вверху Даурского одноглавого орла, с луком в лапах, а внизу изображение слияния двух рек у подножия группы гор» [Попов, 1907, с. 59 – 60].

В 1903 г. Городской Голова В.В. Хлыновский направил Военному губернатору Забайкальской области представление о возбуждении ходатайства об утверждении герба Читы. К представлению прилагались проект герба и протоколы заседаний Думы [ГАЧО. Ф. 21. Оп.1. Д. 242. Л. 4].

Военный губернатор адресовал эти бумаги на рассмотрение и одобрение в канцелярию Приамурского генерал-губернатора. Администрация края, в свою очередь, сделала попытку разработать и утвердить герб города Мысовска [6].

Вопрос о судьбе геральдических эмблем обоих городов должен был вот-вот решиться... Но начались русско-японская война, затем российская революция. Произошли изменения в территориальном устройстве (с 1884 г. Забайкальская область входила в состав Приамурского генерал-губернаторства, а с 1906 г. была отнесена к Иркутскому). Все это заставило административные органы края заняться другими, более важными и жизненно необходимыми делами. Только в 1910 г. новый Городской Голова Читы Р.М. Саврасов направил запрос Военному губернатору Забайкальской

области с напоминанием о том, что в 1903 г. возбуждалось ходатайство об утверждении герба города, и с просьбой возбудить новое ходатайство [Там же. Л. 5].

Из канцелярии Приамурского генерал-губернаторства вскоре сообщили, что все документы по этому вопросу, в том числе проект герба с описанием и сама переписка, были переданы 7 августа 1906 г. чиновником особых поручений Приамурского генерал-губернаторства чиновнику особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе [Там же. Л. 5 об]. Ответ Иркутского генерал-губернатора от 31 октября 1910 г. Военному губернатору Забайкальской области интересен тем, что в нем высказываются предложения по вопросам геральдической символики других городов края: «...благоволите сообщить Ваши соображения о том, для каких именно городов Забайкалья, помимо Читы и Мысовска, желательно учреждение гербов, представив вместе с сим и самые проекты этих гербов» [Там же] .

В конце 1910 г. Военный губернатор Забайкальской области послал городским старостам Нерчинска, Акши, Баргузинска, Троицкосавска, Селенгинска, Верхнеудинска специальные предложения об учреждении особых гербов этих городов. На что в течение 1911 г. он получил практически одинаковые ответы городских Управ, с изображением и описанием уже Высочайше утвержденных в разное время гербов. Исключение составлял ответ из Акши, для которой «особого герба не имеется».

Первыми из забайкальских городов откликнулись Нерчинск и Троицкосавск. Нерчинский городской староста Павловский ответил: «Доношу Вашему Превосходительству, что вопроса об учреждении особого герба г. Нерчинска не поднималось, так как таковой герб имеется, рисунок которого при сем представляю». Верхнеудинская городская управа сообщила за подписью Городского Головы, что «герб у города Верхнеудинска имеется с изображением на нем «рога изобилия» и герб этот учрежден еще при

существовании городовой ратуши. Изменение же этого герба Городскою Думою признано нежелательным» [Там же, л. 9, 15].

Таким образом, старосты городов Забайкальской области интуитивно видели в гербе не только законодательный знак, но и предмет исторического наследия края.

Иркутский генерал-губернатор рассмотрел все представленные ему материалы, одобрил их и 18 июля 1911 г. отправил на утверждение в Министерство Внутренних Дел.

Вскоре Военный губернатор Забайкальской области получил особое предписание, в котором сообщалось, что 22 марта 1911 г. Правительствующий Сенат, заслушав представление, определил герольдмейстерству Департамента Герольдии сделать распоряжение об изготовлении проектов гербов Читы и Мысовска и предоставить таковые на Высочайшее утверждение [Там же. Л. 21].

Местная печать констатировала 23 марта 1912 г. в областной газете «Забайкальская новь»: «По представлению начальника главного управления по делам местного хозяйства Правительствующий Сенат утвердил проекты гербов Читы и Мысовска, выработанные названными городскими управлениями. Сделав распоряжение об изготовлении гербов, герольдмейстер Департамента Герольдии просит главного начальника края истребовать с Читы и Мысовска 72 руб. за изготовление».

26 апреля 1913 г. герб города Читы вместе с гербами Мысовска и города Петропавловска Камчатской области был, «удостоен Высочайшего Его Императорского Величества утверждения». В Читу был направлен Указ из Правительствующего Сената от 14 августа 1913 г., в котором говорилось об утверждении герба Читы и указывалось, что он «должен быть применяемым присутственными местами в случаях, указанных в законе, а также «рисунок герба областного города Читы Забайкальской области» с описанием [Там же. л. 34 – 35].

Далее в Указе сообщалось, что «Правительствующий Сенат определяет: по снятии с вышеупомянутых рисунков гербов копий, в двух экземплярах, препроводить одни экземпляры в Сенатскую типографию, при известии для распубликования оных во всеобщее сведение в Собрание узаконений и распоряжений Правительства, а другие, при Указе, к Министерству Внутренних Дел».

Указ с приложением, включающим «две засвидетельствованные копии Высочайше утвержденных гербов: безуездного города Мысовска и областного города Читы Забайкальской области», были получены Иркутским генерал-губернатором в ноябре того же года и препровождены в Читу, на что Городской Голова Читы и городской староста Мысовска ответили подтверждением Военному губернатору в декабре 1913 г. Немногим ранее от 2 ноября газета «Забайкальская новь» напечатала указ об утверждении герба под заголовком: «Герб города Читы». Что же представлял собой герб столицы Забайкалья?

Это был именно тот, что был освобожден из архивной полувековой пыли и вновь подан на Высочайшее утверждение внуку Александра II – Николаю II.

Щит герба забайкальской столицы являлся точной копией щита герба Забайкальской области, но внешние части щита были даны в соответствии с символами городской геральдики (проект герба Читы в распоряжении Правительствующего Сената от 4 апреля 1858 г.).

Древняя Царская корона была заменена городской золотой башенной, образованной городской стеной с тремя зубцами. Золотая башенная корона по новым правилам употреблялась обычно в гербах губернских городов. Но поскольку, «состоя областным городом Забайкальской области, Чита входит вместе с нею в состав Иркутского генерал-губернаторства Восточной Сибири и как областной город служит местопребыванием Военного губернатора», то корона герба Читы была определена в золоте [Попов. 1907, с. 53].

Намёт был следующий: вместо золотых дубовых листьев, окружавших щит, в герб города были положены золотые колосья, соединенные Александровской лентой. Такие колосья помещались в гербах городов и посадов, отличавшихся развитым земледелием и хлебной торговлей. Герб областного города Читы Забайкальской области, присланный в Читу в декабре 1913 г., гласил: «В золотом поле восьмиконечный палисад, червленый с зеленью, сопровождаемый вверху червленою буйволовою головою с серебряными глазами и языком. Щит увенчан золотою башенною с тремя зубцами короною и окружен двумя золотыми колосьями, соединенными Александровскою лентою» [ПСЗ-III, т. XXXV, № 39264] [7] (Прилож., табл. 6.12).

Став также и символом города, щит герба Забайкальской области приобрел новое качество. В конце 1913 г. забайкальский областной землемер препроводил копию герба Читы областному секретарю по городским делам присутствия «для копировки по сопроводительным бумагам». Но на этом, история герба столицы Забайкалья прерывается.

Вполне возможно, что городские власти поначалу недостаточно взялись за его пропаганду, затем историческая обстановка России, первая мировая война, последовавшие за ней революции и гражданское противостояние, смена общественно-экономической формации не способствовали жизни этого городской административной геральдической эмблемы. Официальные документы города до начала 1920-х гг. по-прежнему заверялись печатями с изображением герба Забайкальской области. По мнению нового общества, герб являлся символом царской власти. Старая символика естественно и закономерно сошла с политической арены.

С уходом из Забайкалья войск белого генерала Г.М. Семенова и образованием Дальневосточной республики на смену гербам и печатям дореволюционного устройства пришли новые, утвержденные новой властью.

Судьбу, подобную гербу Читы, имеет и герб города Петропавловска Камчатской области. Они были утверждены в одном указе с гербом города

Мысовска [ПСЗ-II, т. XXXV, № 39264]. Щит герба города, утвержденный 26 апреля 1913 г., и щит герба Камчатской области, утвержденный 26 мая 1843 г., имеют полностью идентичный вид: «В серебряном щите три черные сопки с исходящим пламенем» [8] [Винклер, 1900, с. XXIII]. 22 июня 1851 г. герб Камчатской области был переутвержден: «В серебряном щите три сопки или черных огнедышащих горы. Щит увенчан Древнею Царскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою».

Первоначальный герб Камчатской области был утвержден Николаем I, изъявившим желание видеть в земельных гербах России Императорскую корону, а герб города составлен уже по правилам Кене. Поэтому он, как и герб Читы, имеет соответствующий намет и городскую башенную корону в золоте о трех зубцах. «Щит окружен двумя золотыми якорями, соединенными алою Александровскою лентой» (Прилож., табл. 6.12).

Еще один факт истории геральдики камчатской земли. Когда главный город полуострова Петропавловск носил еще название Петропавловской гавани, ему был пожалован первый, теперь уже также давно забытый, герб: «В голубом поле оснащенное морское судно» [Семивский, 1817, с. 225].

Петропавловск был основан в 1740 г. как Петропавловский острог. Имел для России важное стратегическое значение и играл роль морской военной и торговой станции. Главным занятием жителей гавани было рыболовство, а сама гавань представляла превосходные портовые условия. Ее геральдическая эмблема полностью соответствовала статусу гавани. С 1822 по 1924 гг. Петропавловск носил наименование порта. В 1878 г. Камчатка временно была присоединена к Приморской области, в гербе которой были изображены две вулканические сопки.

4.3. К вопросу о символике герба Кяхтинского градоначальства (1861 г.) и «вольной части» в проектах гербов городов Верхнеудинска, Нерчинска, Селенгинска и Мысовска Забайкальской области (1872 г.)

К середине XIX в. за рамками императорских указов осталась большая часть населенных пунктов Забайкальской области, не включенных в понятие «город». Город Троицкосавск торговой слободы Кяхта с 1823 по 1851 г. считался заштатным городом, то есть не вошедшим в штат или список городов. 11 июля 1852 г. было учреждено градоначальство, непосредственно подчиненное генерал-губернатору Восточной Сибири, ему подчинялась слобода Кяхта, город Троицкосавск и селение Усть-Кяхта. В 1863 г. градоначальство было включено в состав Забайкальской области.

21 декабря 1861 г. был Высочайше утвержден герб Кяхтинского градоначальства, составленный в Департаменте Герольдии Правительствующего Сената. Это была помпезная геральдическая эмблема со следующим описанием: «В лазоревом щите золотая оторванная голова дракона, с червлеными глазами и языком и сопровождаемая четырьмя золотыми гонтами. Щит увенчан древнею Царскою короною и окружен дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою. Помещенные в сем рисунке эмблемы выражают торговое сношение Кяхтинского градоначальства с Китаем» [Винклер, 1900, с. XXVIII].

С первой четверти XVIII в. Кяхта начала играть свою историческую роль как главного центра торговли с восточными странами, здесь как в зеркале отражалась внешнеэкономическая деятельность России на ее восточных рубежах. «Кяхта являлась резиденцией богатых сибирских купцов, занимавшихся крупной торговлей с Монголией и Китаем, отправлявших большие партии чая в Россию, имевших пароходы и склады на Байкале и Амуре» [Обручев, 1956, с. 12]. В трех верстах от Кяхты по реке расположен Троицкосавск, который в конце XVIII в. был окружен острогом с четырьмя бастионами. Черты торгового города он приобрел в XIX в. благодаря слободе Кяхте, ставшей к этому времени классическим купеческим городом.

Кяхте, ставшей к этому времени классическим купеческим городом. Административным центром был назначен Троицкосавск и с этого времени по 1934 г. Кяхта именовалась Троицкосавском. На протяжении столетий существовал и слился в двух разных географических понятиях единый административный, экономический и культурный центр юга Забайкалья. Среди других (острожных) городов Восточной Сибири он являл собой исключение: два селения – Троицкосавск и Кяхта, возникшие практически одновременно из Кяхтинского форпоста и пограничной Троицкой крепости в 1727 – 1728 гг. на одной территории. Занимая единое географическое положение и подчиняясь единой административной системе, эти города имели в истории своего развития два официальных утвержденных в разные годы и внешне различных герба. В то же время геральдические эмблемы Троицкосавска (рог изобилия) и Кяхты (голова дракона) тождественны по смыслу.

Дракон, помещенный в гербе Кяхтинского градоначальства, – фантастическое животное, известное с древнейших времен в эмблематике и геральдике европейских народов. У них – это эмблема злого чудовища, сил зла, ужаса. В русской геральдике дракон полностью отождествляется со змием, злыми силами, противостоящими Руси. Но расположенная на границе с Китаем Кяхта осуществляла с азиатским Востоком общероссийскую торговлю. Кроме того, сами горожане часто посещали с визитами к своим торговым посредникам китайский городок Маймачэн, расположенный сразу за русской границей [Живописная Россия, 1895, с. 201] [9]. А дракон в китайской, корейской и японской мифологии символизирует не отрицательные, а положительные качества и черты. Это божественное существо, символ власти, силы и величия. Дракон – национальная китайская эмблема, охраняющая каждый дом, великий друг китайского народа. По китайским народным верованим, дракон, повелитель водной стихии, дарил людям влагу, защищал крестьян от неисчислимых бедствий. В иерархии китайских божеств он занимал третье место после земли и неба. Его

изображение в Китае можно было увидеть повсюду: в храмах, во дворцах, на древних сооружениях, на стенах крестьянских домов (в виде картинки или вырезки из бумаги). Во времена господства маньчжурских завоевателей символом власти императора считалось мифическое существо Лун (дракон). Он был изображен на одежде, утвари и мебели, которыми пользовался повелитель. Во время засухи дракону молились и император и народ. [Сидихменов, 1987, с. 85].

Уникальный источник «История – Географическое описание Китайского государства», относящийся к 1608 – 1701 гг., дает описание печати цинских правителей: «А печать китайских богдойских ханов есть вышеупомянутый дракон крылатый змей. Тот дракон о четыре ноги, а на ногах по четыре кохтя, а на которые печать и на платьях ханских по шестца и по пять нохтей» [РГАДА. Ф.181. Оп.1. Д. 233. Л. 392 – 392 об.]. На старом государственном гербе Китая также изображен дракон. Иероглиф дракона – Рю означает ум, великую силу, мощь и энергию. Отсюда ясно, почему в гербе русского города китайская эмблема употреблена в возвышенном качестве.

Но голова кяхтинского дракона несколько нетрадиционна для китайской мифологии, хотя и встречается в изображениях, соединяющих в себе верх (голову) птицы и туловище змеи, так называемый гибридный образ дракона. Подобен ему и новогодний китайский дракон.

Но в классических представлениях о драконе в Китае присутствует образ мифического существа в виде змея или крокодила, возможно гавиала или другого уже вымершего пресмыкающегося.

Китаеведы предполагают, что дракон – прообраз доисторической ящерицы, которая в незапамятные времена жила в горах Центральной Азии [Сидихменов, 1987, с. 86].

Для восточной мифологии более чем птичий облик дракона характерен – «гад, покрытый чешуей», иногда с гребнями вдоль спины, огромными глазами, острыми зубами и когтями, с одним или двумя рогами» «Глаза

дракона похожи на кроличьи, а уши – на коровьи; у него растут длинные усы; туловище походит на тело змеи, покрытое чешуей, четыре лапы имеют длинные когти» [Там же]. В Японии дракон крылатый, в Китае, как правило, без крыльев, но он взлетал к небесам и парил в облаках благодаря огромной внутренней энергии.

В то же время золотой дракон на гербе Кяхты более напоминает чудовищную птицу и невольно ассоциируется с другим мифологическим символом – червленым грифом герба царственного рода Романовых. Гриф помещен в серебряном поле и держит золотые меч и тарч (щит). Предположение рождает вопрос: это простое образное совпадение или тайный умысел россиян как знак назидания могучему и хитрому восточному соседу? А может быть это интернациональный символ единения людей по ту сторону границ, символ общности белой и желтой расы? Тем более что до середины XIX в., до геральдических нововведений Кене, державный гриф был не червленым, а золотым.

В гербе Кяхты помещены также гонты,[10] являющие собой символический мост сотрудничества и экономического взаимодействия. Отсюда истоки зарождения символов Троицкосавска и Кяхты.

Создание герба Кяхты, как и гербов Забайкальской области и ее центра Читы, относится ко второй половине XIX в., когда в России, усиленно насаждаемая правительством, полным ходом шла герботворческая деятельность и реформа земельных гербов. Под эту реформу попали и новые проекты окружных городов Забайкальской области: Нерчинска, Верхнеудинска и Селенгинска, которые в вольной части щита, по новым правилам, имели герб Забайкальской области (Прилож., табл. 6.13).

Вольная часть щита – свободная часть без каких-либо геральдических знаков, в ней располагался прямоугольник, занимающий несколько менее первой части четверочастного деления, с гербом губернии или области, к которой город принадлежит. Он помещался в новых гербах городов со второй четверти XIX столетия, на рубеже веков или несколько позже.

Как правило, губернский или областной герб помещается в правом углу (влево от зрителя) и в левом углу (вправо от зрителя), если правый угол щита занят. Новую подобную структуру городского герба имеют лишь несколько российских городов.

Документ Гербового отделения Департамента Герольдии от ... июня 1872 г. дает описание проекта герба окружного города Верхнеудинска, который и был представлен Правительствующему Сенату: «В зеленом щите серебряный опрокинутый вилообразный крест сопровождаемый двумя золотыми бердышами. В вольной части герб Забайкальской области. Щит украшен серебряною башенною о трех зубцах короною и окружен двумя золотыми колосьями, соединенными Александровскою лентою».

«Имея в виду, – дается в «Записке о гербе окружного города Верхнеудинска», – что Меркуриев жезл и рог изобилия не суть геральдические фигуры, то посему полагаю поместить в сем гербе опрокинутый вилообразный крест в знак того, что город сей находится при впадении реки Уды в Селенгу и два бердыша в память того, что большая часть жителей происходит от стрельцов, которых Петр Великий переселил в XVII столетии» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 286. Л. 7 – 9].

Проект окружного города Нерчинска был представлен Правительствующему Сенату в июле 1872 г. со следующим описанием: «В серебряном щите летящий черный орел с червлеными глазами, клювом и лапами. В вольной части – герб Забайкальской области. Щит украшен серебряною башенною короною о трех зубцах и окружен двумя золотыми молотками, соединенными Александровскою лентою».

В записке управляющего Гербовым отделением было сказано по этому поводу: «Высочайше утвержденный 26 октября 1790 года, герб сего города изображает следующее: «В серебряном поле «черный летящий одноглавый орел». Полагаю оставить сей герб без изменения, присоединив Высочайше утвержденные украшения и вольную часть. В вольной части поместить герб Забайкальской области» [Там же. Л. 13 – 15]. Необычный намет герба с

золотыми молотками был не характерен для геральдики Забайкалья, хотя исторически верен, поскольку край – наиглавнейший центр горнодобывающей промышленности России. Но Нерчинску как городу, «имеющему развитую промышленность», молотки были положены Департаментом Герольдии, скорее всего, ошибочно из-за сходства в названии с Нерчинскими Заводами. Главную же роль в экономическом статусе Нерчинска играли открытые в начале 1870-х гг. общественный банк, частная типография, сооруженные на верфи первые забайкальские пароходы и другие моменты в летописи города.

Описание проекта окружного города Селенгинска следующее: «В щите, волнообразно пересеченном лазурью и серебром в шести рядах, золотая китайская шапка. В вольной части герб Забайкальской области. Щит украшен серебряною башенною о трех зубцах короною и окружен двумя золотыми колосьями, соединенными Александровскою лентою». В августе этого же года в поданной Сенату записке Управляющий Гербовым отделением поясняет: «В следствии предложения Г. Герольдмейстера от 22 августа 1858 года за № 3075 о пересмотре всех губернских и областных гербов, я полагаю изобразить в поле волнообразно-пересеченным китайскую шапку мономаха. Означенный город находится на реке Селенге и имеет торговые сношения с Китаем. В вольной части поместить герб Забайкальской области» [Там же. Л. 16 – 17].

Герб города Мысовска утвердили в одном указе с гербами города Читы и Петропавловска Камчатской области [ПСЗ-II, т. XXXV, № 39264] [11].

В данном случае герб города Мысовска – яркий и единственный образец забайкальской символики, в котором на щите, наряду с собственным городским гербом – главенствующий областной герб (герб Забайкальской области) помещается не в верхней, как ранее, а в вольной части щита (Прилож., табл. 6.13). Герб был утвержден со стандартными внешними обрамлениями – червленой башенной короной и присущими всем приморским городам двумя золотыми якорями, перевязанными

Александровскою лентой: «В червленом поле на серебряной воде черное судно с тремя золотыми цибиками. В вольной части щита – герб Забайкальской области». Серебряная вода в гербе означает озеро Байкал, на котором стоит город, а судно с цибиками (цибик – ящик с чаем до двух пудов весом) его торгово-меновой статус.

В чем же была необходимость Департаменту Герольдии пересматривать давно узаконенные забайкальские гербы и изобретать новые? Одна из причин – замена, по новым геральдическим правилам барона Кене, наместнического герба на щите новым губернским или областным как символом административной власти, помещаемым в вольной части щита. Так на практике осуществлялась геральдическая реформа России, которая была в основном закончена к 1878 г. Представленные в правительство новые проекты гербов Нерчинска, Селенгинска и Верхнеудинска утверждены не были, они не попали в списки правительственных указов и не были известны на местах (достаточно вспомнить ответы городских Управ на запрос Военного губернатора Забайкальской области в 1911 г.). И все же реформа Б.В. Кене, несмотря на плохо разработанный механизм реализации, существенные ошибки и даже порожденные геральдические казусы, оказала огромное влияние на развитие герботворчества восточносибирского региона. В действие были введены гербы Красноярской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей, Кяхтинского градоначальства, городов Читы и Мысовска.

Заключение

В настоящем исследовании на основании неопубликованных и опубликованных письменных источников, сфрагистических и геральдических памятников, историографических материалов, рассмотрены основные факты истории сфрагистики и геральдики Восточной Сибири. Перед автором исследования стояла задача формирования системы, определения места сфрагистики и геральдики восточносибирских острогов и городов в историческом и культурном процессе развивающихся территорий, расшифровки их символов и поиска генезиса наиболее характерных и распространенных изображений.

В результате аналитического исследования делается вывод: сфрагистический и геральдический материал органично вписан в контекст исторических судеб городов Восточной Сибири середины XVII – начала XIX вв. Территориальные печати XVII – XVIII столетий на всем протяжении своего существования играли немаловажную роль в истории освоения русскими восточных рубежей России, на определенном историческом отрезке времени обретали то или иное правовое значение и представляли собой яркое явление отечественной культуры.

Начало возникновения в Восточной Сибири территориальной символики, как и по Сибири в целом, относится к первой половине XVII в. В отличие от европейских городов государства, это было обусловлено объективной необходимостью в торгово-экономической сфере. Вывозу из Сибири стратегического российского сырья – пушнины, а впоследствии драгоценных металлов – предшествовал ряд законодательных мероприятий по упорядочиванию работы таможен, в том числе употребления сибирских таможенных печатей и городских печатей в качестве товарных клейм. При этом понятия таможенная печать и городская печать зачастую сливались и подменяли друг друга. Целью ее создания также является придание правового статуса первым государственным острожным поселениям и

городам, имеющим административные, торгово-меновые и фортификационные функции. И хотя российские территории (губернии, уезды, города, остроги) не являлись суверенными субъектами права и не наделялись реальным самоуправлением, на местах печати сохраняли на себе свидетельство принадлежности государственной юрисдикции (или ее части) тому или иному политическому институту. К концу XVII столетия территориальные печати были учреждены, за небольшим исключением, всем сибирским поселениям, получивших статус города.

Развитие территориальной символики можно разделить на основные исторические этапы:

1. Вторая половина XVII в. – с 1656 г., когда был создан первый законодательный акт, удостоверяющий существование сибирских территориальных печатей, это «Роспись» царевым печатям в царствование Алексея Михайловича.

2. Конец XVII в. К 1692 г. по данному вопросу подготовлены и введены в действие законодательные акты Петра I. Создается новая «Роспись», и употребление территориальных сибирских печатей вступает в более активную фазу.

3. Первая четверть XVIII в. В 1722 г. по указу Петра I создается Герольдмейстерская контора, за период деятельности которой были созданы первые сибирские гербы всех крупных городов региона. Но в связи со смертью Петра I «сочиненные» гербы не получили должного развития, и в историческом развитии ряда городов, за малым исключением, не удалось отыскать их следы. В дальнейшем геральдическая служба сыграла огромную роль в истории сибирского герботворчества.

4. Конец XVIII в. Законодательные акты Екатерины II 1790 г. в сфере городского управления, изменение в административно-территориальном устройстве Восточной Сибири, и, как следствие этого, создание на основе разработок Герольдмейстерской конторы территориальных гербов бывших и вновь созданных городов.

5. Вторая половина XIX в. Геральдическая реформа (1857 г.), созданная на основе западноевропейского герботворчества затронула всю систему территориальной символики России, в том числе Сибири. Разработка новых правил была создана Б.В. Кене на основе западноевропейского герботворчества. Ярким примером применения этих правил служит герб Забайкальской области 1859 г.

Изображения символов на территориальных печатях сибирских городов XVII в. выстраиваются в стройную знаково-образную систему, фиксирующую истоки русского мировоззрения. Однако это мировоззрение не возникло на пустом месте, ключевым образом в данном случае служит славянская религиозная и мифологическая основа.

Важным, на взгляд автора, являлся поиск генезиса мифологических и зооморфных символов и символов материальной культуры русского сибирского города. Среди геральдических зооморфизмов исследуемого региона выделяются наиболее распространенные образы – самые сильные среди зверей – лев и тигр (бабр) и самый сильный среди птиц – орел. В результате чего мы можем говорить, что часть символических образов земельной символики Восточной Сибири вторична. Эти образы «списаны» с царских и русских великокняжеских сфрагистических материалов и воплощены на печатях и гербах сибирских городов. Мифологические символы (единорог, птица феникс, дракон) также подвергнуты анализу и представляют собой кристаллизацию исторической канвы города.

Эмблемы пушных зверей на сибирских печатях – это сплав образно символического значения с физическими, реальными и жизнеспособными образами огромного земельного пространства.

Обращает на себя внимание роль одноглавого орла на печатях Иркутска, Якутска, Албазина и Нерчинска XVII столетия. Здесь однозначное стремление поиска только русских национальных корней символа подлежит сомнению. Длительное использование символики птиц коренными народами Восточной Сибири подтверждает их первостепенную жизненную и

мировоззренческую роль. Однако здесь необходимы исторические параллели с двуглавым орлом – важнейшей частью российского государственного герба. Символику орлов можно рассматривать как инсигнию государственной власти на печатях сибирских острогов и городов XVII в. Подобное значение имеет корона на печати Томска, единорог на печати Красноярска, лев на гербах Красноярска и губернии – образное воплощение в символах идеи русской государственности на приобретенных территориях.

Отсюда формируется вывод о том, что становление и существование земельной символики Восточной Сибири имеет характерную особенность, заключающуюся в ее государственном статусе. В XVII – XVIII вв. печати носили названия «государевых», впоследствии «императорских». Ее создание осуществлялось под патронажем российкого правительства, начиная с эпохи царя Михаила Федоровича (печать Красноярского острога 1644 г.), продолжена в царствование Михаила Алексеевича, реформирована в годы правления Петра I и, в той или иной мере, последующих императоров России. Заключительные мероприятия по созданию и утверждению новых гербов городов Восточной Сибири были проведены в 1913 г. – времени правления Николая II, когда были созданы и введены в действие гербы городов Забайкальской области: Читы и Мысовска, а также Петропавловска Камчатской области.

В то же время дальность расстояния, несвоевременность получения правительственных указов на местах, невыполнение ряда мер на местах, погибшая надежда на самостоятельность городского управления, повсеместное введение государственных печатей с двуглавым орлом и другие факты не создавали условий для развития устойчивого интереса к территориальной символике в регионах империи.

В то же время мы можем говорить о том, что территориальной символике Восточной Сибири как региону, входившему в сферу государственных, стратегических планов царствующего дома Романовых правительством России было уделено немалое внимание.

Среди известных имен российских государственных деятелей прямое отношение к символике Восточной Сибири имеют имена М.М. Щербатова, В.Н. Панина, Б.В. Кене и других. Немалый вклад в ее развитие внесли и государственные деятели местного уровня. Среди них можно назвать вице-губернатора г. Иркутска Н.В. Семивского, читинских Городских Голов В.В. Хлыновского, Р.М. Саврасова, Военных губернаторов Забайкальской области и других.

В конце XVIII и на всем протяжении XIX вв. Герольдмейстерская контора и Департамент Герольдии Правительствующего Сената при создании проектов сибирских земельных гербов стремились не отступать от старых традиций российской геральдики. И хотя для геральдического искусства этого времени характерно отсутствие в изображениях орнаментальных символов, абстрагирования, геометризации, традиционных знаковых систем древней Руси, все же гербы сибирских городов, имеющие первые «государевы» печати (Иркутск, Якутск, Олекминск, Нерчинск), были оставлены неприкосновенными.

Символом города становилось изображение, интерпретированное с матриц сибирских печатей XVII столетия. Так осуществлялась преемственность древнеславянских традиций и средневековых корней Руси, их самобытности. На взгляд автора, роль этой преемственности в дореволюционной сибирской геральдике существенна.

Работа с каждым конкретным символическим изображением требовала от автора более углубленного изучения по нему исторического материала, дифференцированного подхода и просчета возможных вариантов. При этом каждый вариант рассматривался не отвлеченно, а в историческом контексте с учетом местных и общероссийских исторических и культурных традиций и особенностей.

Создатели гербов восточносибирских городов XVIII в. подошли к их символике достаточно утилитарно, описав каждый герб с точки зрения теоретической геральдики. По всей видимости, по-другому и не могло быть,

поскольку вновь учрежденные указом Екатерины II города практически не были известны в России. Описания их гербов являлись своего рода визитными карточками нового города.

Сами же изображения, представляющие определенные фигуры геральдических персонажей, – далеки от совершенства. Это наипростейшие рисунки единственного символа герба с отсутствием сложной графики, орнаментальной рамки и других характерных особенностей изобразительных средств.

Гербы городов, областей и губерний Восточной Сибири XIX и XX вв. представляют более сложную группу, в которой присутствует уже ряд элементов знаково-образной геральдической системы. Их отличает более сложное композиционное решение, красочность и даже помпезность как внутренней части щита герба, так и внешних символов, раскрывающих по российским геральдическим правилам административно-территориальный статус соответствующего региона.

В численном отношении русским правительством было Высочайше утверждено:

- в XVII в. – 24 территориальных печати сибирских городов: (Березов, Верхотурск, Кетск, Кузнецк, Нарымск, Обдорск, Пелым, Сургут, Тара, Тобольск, Томск, Туринск, Тюмень, Сибирского Приказа, Сибирской губернии), из них девять восточносибирских: Мангазеи (Туруханска), Енисейска, Красноярска, Илимска, Якутска, Ленской таможни, Иркутска, Нерчинска, Албазина;
- в XVIII в. – 24 территориальных герба Восточной Сибири: Акланска, Алданска, Ачинска, Балаганска, Баргузинска, Верхнеудинска, Доронинска, Енисейска, Жиганска, Зашиверска, Ижигинска, Иркутска, Киренска, Нерчинска, Нижнекамчатска, Нижнеудинска, Олекминска, Оленска, Охотска, Сибирской губернии, Стретенска, Туруханска, Усть-Киренска, Якутска;
- в XIX в. 13 территориальных гербов Восточной Сибири: Енисейска, Забайкальской области, Иркутской губернии, Канска, Красноярска,

Красноярска (1824 г.), Красноярской губернии, Кяхтинского градоначальства; Минусинска, Селенгинска, Троицкосавска; Туруханска, Якутской области;

- в XX в. – 2 территориальных герба Восточной Сибири: Мысовска и Читы.

Большинство символических изображений утрачено, часть из них не были известны, некоторые остались в истории как своеобразные памятники истории, материальной и духовной культуры того или иного края. И только немногим (символика Нерчинска и Иркутска) удалось не только «дожить» до современности, но и стать региональной символикой субъектов Федерации России или их муниципальных образований.

В определенной степени к виду территориальной символики Восточной Сибири относятся примеры родовых тамг забайкальских бурят, обозначенных регионом их конкретного проживания.

Иллюстративный ряд, представленный в таблицах, графически воспроизводит изображения как старинных печатей, так и их трансформировавшихся образов в земельных гербах Восточной Сибири.

За рамками исследования остались исторические этапы общесибирской региональной символики XVIII – XIX в. и Дальнего Востока XIX в. – времени активного освоения края. Эти темы находятся в стадии дальнейшего изучения. Перспектива дальнейшей работы по теме заключается в дальнейшем тщательном обследовании 3 и 21 фондов ПФА РАН, фондов РГАДА, РГИА, Государственного исторического музея и архивов городов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Немаловажным является и вопрос изучения возрождения исторической символики субъектов Федерации России. В современной геральдико-вексилологической официальной системе Восточной Сибири этот процесс, как и во всей России, достаточно болезненен. Наблюдается ее некая незавершенность, отсутствие в герботворчестве прерогативы научной и практической основы, исторического и духовного опыта, ограничивающегося документально-официальной констатацией основных

итогов утверждения символики региона. Отсюда – досадные пробелы и произвольные герботворческие изыски.

Автор исследования уверен, что возрождение доступной для восприятия современной государственной российской земельной символики, символов «малой родины» является одним из условий сохранения исторической памяти, национально-территориальных корней, одним из условий объединяющих россиян в это новое для судеб страны время.

Список сокращений

АИ – Акты исторические

ДАИ – Дополнения к актам историческим

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАЧО – Государственный архив Читинской области

ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека

ИА – Исторические акты XVII столетия

ИРГО – Известия Императорского русского Географического общества

НОКМ – Новосибирский областной краеведческий музей

ОИН – Описание Иркутского наместничества 1792 г.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

ПФ РАН – Санкт-Петербургский филиал Российской Академии наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив

РКО – Русско-китайские отношения

РГБ – Российская государственная библиотека

РНБ – Российская национальная библиотека

ЧОКМ – Читинский областной краеведческий музей

Примечания

Глава 1.

[1] «Описание Иркутского наместничества 1792 года» было издано в издательстве «Наука» СО АН СССР (1988) с сохранением орфографии и стилистики конца XVIII в.

[2] Тимофей Семенович Мальгин (1752 – 1819), писатель, член Российской академии наук, автор труда «Зерцало российских государей ...».

[3] Александр Борисович Лакиер (1825 – 1870), автор трудов «История титулов российских государей» (1847), «О службе в России до времени Петра Великого» (1850) и др. Книга «Русская геральдика» первым изданием вышла в 1855 г.

[4] Труд В.К Лукомского и Н.А. Типольта не раз переиздавался в прошлом (1911, 1915, 1917 г.г.). Он имеет значение и в современности, в 1996 г. был повторен в репринте, изданном ГПИБ.

[5] Иван Петрович Сахаров (1807 – 1863), русский этнограф и палеограф. Собирал произведения русской материальной культуры.

[6] Выход репринтного издания «Чертежная книга Сибири» (1701) С.У. Ремезова был предпринят и осуществлен при содействии РГБ.

Глава 2.

[1] 21 февраля 1613 – 13 июля 1645 гг.

[2] Рассматриваемую «Роспись» в дальнейшем логично будет именовать «Росписью» по Ремезову.

[3] Орфография сохранена.

[4] Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (1669 – 1738), министр, граф. В ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра успешно выполнил дипломатическую миссию в Китае, заключив Буринский договор (1725 – 1728 гг.).

[5] Нерчинский воевода (1667 – 1673 гг.).

[6] Нерчинский воевода (1673 – 1676 гг.).

[7] «... с 1681 г. здесь вновь управляли посланные из Москвы воеводы, и так оставалось до 1687 г., пока не прибыл великий посол окольничий Ф.А. Головин, посланный на китайский мирный конгресс и уполномоченный управлять Иркутском, Селенгинском и Нерчинском как особым разрядом» [РГАДА.Ф.. 199. Портф. 526. Ч..2. Д. 1. Л.. 4].

[8] Нерчинский воевода (1684 – 1688.).

[9] Полномочный посол Федор Алексеевич Головин (1650 – 1706), получив графское достоинство от Петра I, начал собою графскую линию рода Головиных (в XIX в. уже угасшую). Но в отличие от Западной Европы, где фамильный герб представителей высшей аристократии уже давно изображался на личных печатях, в Русском государстве попытки создания личных гербов относятся лишь к концу XVII столетия. Таким образом, фигура льва с личной печати Головина перешла в фамильный герб во время его создания, уже после смерти Ф.А. Головина в 1706 г.

[10] пос. Новоселенгинск респ. Бурятия.

[11] Гоитан [гойтан – шнурок], киска [киса – мешочек, мошна]

[12] I – IV части отп. в 1800 – 1809 г.г.; V –X части в 1836 – 1840 гг.

[13] **Березов** – пос. городского типа, районный центр Ханты-Мансийского автономного округа.Тюменской обл.; **Верхотурье** – г. Верхняя Тура (районный центр) Свердловской обл.; **Исетск (Кетск)** (как населенный пункт не числится).; **Кузнецк** – г. обл. подчинения (Новокузнецк) Кемеровской обл.; **Ленск** – г. респ. Саха; **Нарым** – г. Томской обл.; **Обдорск** – г. Салехард Ямало-Ненецкого автономного округа; **Пелым** – районный центр Свердловской обл.; **Сургут** – районный центр, г. окружного подчинения Ханты-Мансийского автономного округа; **Тара** – районный центр Омской обл.; **Тобольск**

– г. Тюменской обл.; **Томск** – центр Томской обл.; **Туринск** – районный центр Свердловской обл.; **Тюмень** – центр Тюменской обл.

[14] Поселок Туруханск Красноярского края.

[15] Город областного подчинения Красноярского края.

[16] Административный центр Красноярского края.

[17] Н.Н. Сперансов указывает приблизительную дату возникновения красноярской печати – 1656 г. и указывает, что подобные фантастические изображения нередко встречались в земельной эмблематике наших предков» [Сперансов, 1974, с. 94]. Но первая из известных грамот, заверенных печатью Красноярского острога, относится к 1644 г., то есть до «Росписи» 1656 г.

[18] Как населенный пункт не числится.

[19] Административный цент респ. Саха.

[20] Правильно – Алгама, река в Якутии, правый приток реки Гонам, бассейн Алдана.

[21] По образу якутской печати будет разработано два герба в XVIII в. Первый в 1720-х г.г. в Герольдмейстерской конторе, второй герб областного города Якутска Иркутского наместничества 1790 г. с пометой «Старый герб»: «В серебряном поле орел, держащий в когтях соболя» [ПСЗ-1, т. XXIII, № 16913]. И один в XIX в. – в 1878 г. герб Якутской области.

[22] Город, центр муниципального образования Читинской обл.

[23] Административный центр Иркутской обл. По летописи П.И. Пежемского [1911, с. 3] датой основания Иркутского острога считается 1652 г., Д.Я. Резун также относит его основание к началу 1650-х гг.

[24] В действительности – олень.

[25] С 1756 г. граф Петр Иванович Шувалова стал генерал-фельдцейхмейстером русской артиллерии. В его лице русские конструкторы артиллеристы получили руководителя, способного направить их деятельность к единой цели – возродить боевую мощь отечественной артиллерии [Баженов, 1982, с. 51 – 53]. По воспоминаниям современников, Шувалов любил всяческие нововведения и не боялся риска. В 1757 г. офицеры-артиллеристы М. Мартынов и М. Данилов сконструировали орудие, ставшее прообразом более мощной и совершенной гладкоствольной гаубицы, которая появилась на вооружении русской армии в том же году. В честь генерала-артиллериста и ближайшего сподвижника Елизаветы Петровны графа П.И. Шувалова изобретатели украсили стволы нового орудия фигурой его родового герба – зверем-единорогом, откуда и появилось его название «шуваловский». Единороги не только просуществовали в русской армии вплоть до появления нарезной артиллерии, но и были заимствованы другими европейскими армиями.

Глава 3.

[1] Современный герб муниципального образования Нерчинский район Читинской области разработан на основе герба г. Нерчинска Иркутского наместничества, Высочайше утвержденного 26.10. 1790 г.

[2] Образец способа прикладывания печати для большей прочности. Полоску пеньки, пергамента или бумаги продевали через двойной слой бумаги, а затем прикладывали печать, которая и держалась на этом материале.

[3] Правильно - река Тунка.

[4] Правильно – Казвин, город на севере Ирана.

[5] Григорий Карпович Котошихин – подъячий Посольского Приказа. В 1664 г. бежал в Швецию. По заказу шведского короля написал сочинение о России, которое было в ней запрещено к распространению.

[6] Борис Васильевич Кене (1817 – 1886). Уроженец Берлина, барон, начальник Гербового отделения Департамента Герольдии с 1857 г., сотрудник эрмитажа, археолог, нумизмат, геральд.

[7] Современный герб Иркутской области создан на основе герба Иркутской губернии Высочайше утвержденного 5.07. 1878 г. Герб утвержден. 16. 07. 1997 г. Внесен в Государственный геральдический регистр РФ за №. 192

[8] Пос. городского типа Иркутской обл.

[9] Селение Усть-Мая респ. Саха.

[10] Пос., райцентр Иркутской обл.

[11] Пос. Красноярского кр.

[12] П.П. Винклер ошибочно датирует указ 12 марта [1900, с.156]. Указ назывался «О гербам городам: Уездному Томску и уездному Канску, Нарыму, Туруханску, Енисейску, Бийску, Кузнецку и Красноярску».

[13] Город областного подчинения Красноярского края.

[14] Город Красноярского края.

[15] Село Новоселенгинск, респ. Бурятия.

[16] Михаил Михайлович Щербатов (1733 – 1790), главный герольдмейстер, русский историк, автор «Истории России с древнейших времен».

[17] Город Улан-Удэ, адм. центр респ.Бурятии.

[18] Город Иркутской обл., райцентр. Дата основания 1648 г. В 1649 г. был построен острожек, который перестраивался: в 1664 и 1681 гг., Последний острог был поставлен в 1720-х г.г. После ликвидации Иркутского наместничества, с 1822 г. – окружной город Иркутской губернии.

[19] Село Доронинское Читинской области.

[20] еда, продовольствие

[21] Город Читинской обл., райцентр. А.Р. Артемьев считает безосновательной дату (1689) годом его основания как острога и относит ее к 1704 г.

[22] Пос. Баргузин, респ. Бурятия.

[23] Город Вилюйск, респ. Саха.

[24] Франц Федорович Шперк – исследователь севера-востока Восточной Сибири, географ, климатолог, представитель династии российских врачей и естествоиспытателей.

[25] Город. респ. Саха, райцентр.

[26] Город Олекминск, респ. Саха, райцентр.

[27] На современной карте не существует.

[28] Пос. городского типа Хабаровского кр., райцентр.

[29] Пос. Гижига Магаданской обл.

[30] Пос. Оклан Камчатской обл.

[31] Пос. Усть-Камчатск Камчатской обл.

[32] Современный герб Красноярского края является преемником герба бывшей Енисейской губернии, Высочайше утвержденного 5.07. 1878 г. Герб принят 12.02. 1999 г.

[33] В указе от 5 июля 1878 г. были утверждены гербы городов, входящих в современную территорию Дальнего Востока: города Благовещенска и Амурской области, имеющим идентичный вид: «В зеленом щите, серебряный волнообразный пояс, сопровождаемый во главе щита, тремя золотыми о восьми лучах звездами. Щит увенчан древнюю царскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою», а также города Хабаровска и Приморской области, также имеющим идентичный вид: «В серебряном щите, лазуревый столб, между двух черных сопок, с червлеными пламенами. Щит увенчан древнюю царскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою» [ПСЗ-II, т. LIII, № 58684].

Глава 4.

[1] Виктор Никитич Панин (1801 – 1874 гг.). Сын дипломата, вице-канцлера императорского двора Н.П. Панина. Министр юстиции России с 1841 – 1861 г., ревностный охранитель дореформенных порядков. Куратор Департамента Герольдии.

[2] Внук родоначальника ветви Георг Карлов женился на графине И.М. Толстой, урожденной Раевской (внучатой племяннице М.Н. Волконской, жены декабриста С.Г. Волконского). Ирина Михайловна была дочерью генерал-майора Михаила Николаевича Раевского. А ее дед Николай Николаевич Раевский был сыном героя Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Раевского и другом А.С. Пушкина.

[3] Дмитрий Николаевич Егоров (1878 – 1931), историк-медиевист, профессор, ученик П.Г. Виноградова.

[4] Герб Читинской области утвержден 22. 12. 1995 г. Внесен в Государственный геральдический регистр РФ за №. 184. Авторы (В.И. Кулеш, Л.В. Кулеш) соединили в нем две исторические эмблемы забайкальской земли – даурского летящего орла и полный, со всеми элементами, щит герба Забайкальской области 1859 г., идентичный щиту герба областного города Читы 1913 г.

[5] Станислав Романович Бирнбаум (род. 1863 – год смерти неизв.), учителя рисования и чистописания Читинской мужской гимназии, первый профессиональный художник-педагог в Забайкальской области

[6] город Бабушкин республики Бурятия.

[7] Современный герб муниципального образования г. Чита, утвержденный 30 авг. 1994 г., создан на основе исторического герба г. Читы Забайкальской обл., утвержденного 13 апр. 1913 г.

[8] Город Петропавловск-Камчатский, центр Камчатской области. На 1 января 2003 г. у Камчатской области нет утвержденного герба. За основу проекта взят исторический герб Камчатской области, утвержденный в 1851 г.

[9] В годы гражданской войны Маймачэн был сожжен дотла.

[10] Гонт – 1. Прямоугольная фигура, высота которой больше ее ширины. 2. Деревянный кровельный материал в виде дощечек,

[11] Мысовск был основан в 1892 г. на берегу Байкала при прокладывании полотна Транссиба. В годы первых революционных волнений здесь был схвачен и расстрелян большевик И.В. Бабушкин, имя которого и стал носить город с 1941 г.

Список использованных источников и литературы

Источники:

а) неопубликованные

1. Государственный архив Читинской области (ГАЧО, г. Чита).

Ф. 10 – Нерчинская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 3, 28, 61, 64, 96.

Ф. 21 – Забайкальской области по городским делам присутствия. Оп. 1. Д. 242.

Ф. 29 – Урульгинская степная Дума. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 30 – Восковое хозяйственное правление ЗКВ. Оп. 1. Д. 640.

Ф. 31 – Нерчинское горное правление. Оп. 1. Д, 109, 228, 333; д. 359.

Ф. 159 – Нерчинский Городничий. Оп. 1. Д. 18.

Ф. 226 – Читинская городская Дума. Оп. 1. Д. 23.

Ф. 234 – Нерчинское уездное казначейство. Оп.1. Д. 1.

Ф. 266 – Доронинское уездное казначейство. Оп. 1. Д. 12.

Ф. 272 – Сретенское уездное казначейство Оп. 1. Д. 8, 13.

Ф. 282 – Церкви Забайкальской области. Оп. 1. Д. 63.

Ф. 300 – Начальник эвенкийских родов. Оп. 1. Д. 14.

2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА, г. Москва).

Ф. «Описи грамотам уездов Российской империи XVII – XVIII вв. Ч. 1 – 9. Енисейский уезд – Якутский уезд.

Госархив (Рукописный отдел библиотеки МГА МИД).

Разряд XXVII. Д. 359. Кн. 223.

Ф. 181– Архив Министерства юстиции.

Оп.1, д. 223 / 384.

Ф. 214 – Грамоты коллегии экономии.

Стл. 720. Дд. 4605 – 6175.

Ф. 1121 – Иркутская Приказная изба.

Стл. 505.

Ф. 1142 – Нерчинская Приказная изба

Дд. 39 – 49.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт - Петербург).

Ф.1343 – Департамент Герольдии Сената.

Оп. 15. Д. 285, 286.

Ф. 1411 – Гербовое отделение Департамента Герольдии Сената.

Оп.1. Д. 6, 7.

4. Петербургский филиал Российской Академии наук (ПФА РАН, г. Санкт Петербург).

Ф. 21 – Портфели Миллера.

Оп. 2. Д 27.

Оп. 4. Кн. 23, 29.

5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО, г. Иркутск).

Ф. – Илимская воеводская канцелярия.

Ф. –Усть-Киренская воеводская канцелярия.

6. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО, г. Новосибирск). Ф. 91 – Воеводское правление.

Оп. 1. Д. 2, 53, 78.

7. Российская национальная библиотека (РНБ, г. Санкт-Петербург).

Ф. Эрм. № 237.

б) **опубликованные**

1. Акты исторические. – СПб, 1842. – Т. IV. – № № 7, 104, 139, 225. – 565с.; Т. V. –СПб., 1842. – № № 66, 124, 169, 222, 259, 293. – 567 с.

2. Дополнения к актам историческим. Собранные и изданные археографической комиссией царствования Федора Алексеевича. 50. – СПб., 1848. – Т. IV,– 416 с.; Т. VIII. –Спб., 1862 – 350 с.; Т. IX. –Спб., 1875. – 353 с.

3. Исторические акты XVII столетия (1633 – 1699): Материалы для истории Сибири / Собрал и издал Инн. Кузнецов. – Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1890. – 111 с.

4. Миллер Г.Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири / Г.Ф. Миллер // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири / А.Х. Элерт; Отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск, 1990. – С. 172 – 209.

5. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1 – 21. – М.; СПб., 1869 – 1921.

6. Описание Иркутского наместничества 1792 года. – Новосибирск: Наука, 1988. – 251 с.

7. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1 – 3. – Спб., 1830 – 1884.

- Собрание первое (ПСЗ-1). Т. 1– 45. – СПб.,1830.

Т.III. – №№ 1443, 1542, 1559, 1670, 1719; 1727. – СПб., 1830. – 690 с..

Т. IV. – №№ 1822, 1906. – СПб., 1830. – 881 с.

Т. V.– № 3006. – СПб., 1830. – 780 с.

Т. VI. –№№ 3485, 3534. – СПб., 1830. – 815 с.

Т. VII. – №№ 4359, 4552, 4657. – СПб., 1830. – 922 с.

Т. VIII. – № 5254. – СПб., 1830. – 1014 с.

Т. X,. – № 7581. – СПб., 1830. – 996 с.

Т. XII. – № 9442. – СПб., 1830. – 960 с.

Т. XIX. – № 13774. – СПб., 1830. – 1081 с.

Т. XX. – №№ 14598, 14599. – СПб., 1830. – 1034 с.

Т. XXI. – №№ 15327, 15680. – СПб., 1830. – 1085 с.

Т. XXII. – №№ 16164, 16188. – СПб., 1830. – 1168 с.

Т.XXIII. – № 16913. – СПб., 1830. – 969 с..

Т. XXIV. – № 17749. – СПб., 1830. – 875 с.

Т. XXV. – № 18302. – СПб., 1830. – 930 с.

Т. XXVIII. – № 21219. – СПб., 1830. – 1328 с.

Т. XXXIX. – № 30036. – СПб., 1830. – 689 с.

Собрание второе (ПСЗ-П). – Т. 1 – 55. – СПб., 1830 – 1884.

Т. XXVI. – № 25395. – СПб., 1852. – Ч.1. – 752 с.; Ч.2. – 213 с.

Т. XXXII. – № 32037. – СПб., 1858. – 512 с.

Т. XXXIV. – № 34358. – СПб., 1861. – 840с

Т. XXXV.– № 39264. – СПб., 1861.

Т. LIII. – № 58684. – СПб., 1880. – 698 с.

8. Рисунки гербам городов Российской империи, принадлежащих к 1-му Собранию законов. – Реэстр, высочайше утвержденным гербам Российской империи по 1825 г. – Спб, 1843. – 11 с. с ил.; 114 л. ил.

9. Русская историческая библиотека. – Т. 8. – СПб., 1884. – XVI, II стр., 1292, 52 стб.

10. Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608 – 1683.– М.: Наука, 1969. – Т. 1. – 613 с.

11. Русско-китайские отношения в XVII веке.. 1686 – 1691. – М.: Наука, 1972. – Т.2. – 832 с.

12. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в МАМЮ, составленный директором архива П.И. Ивановым / П.И. Иванов. – М., 1858. – Табл. XIII – XX.

13. Снимки древних русских печатей, государственных областных, городских, присутственных мест и частных лиц / Изд. комиссии печатания государственных грамот.. – М., 1880. – Вып.1. – 126 с.

14. Собрание государственных грамот и договоров. – М.,1822. – Ч. 3. – 306с.

15. Собрание исторических и историко-юридических актов и документов; исторические и историко-юридические акты каждый отдельно, расположенные в хронологическом порядке царствования // Межов В.И. Сибирская библиография: Указатель книг и статей о Сибири на русском языке.– СПб., 1891. – Т. 1.– С. 5 –182.

в) периодическая печать

1. Берх, В.Н. Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян на берегах Амура / В.Н. Берх // Сын отечества. – Т. 68. – М., 1821. – № 12. – С. 197 – 204.

2. Абрамов Н. О древних печатях и гербах сибирских городов / Н. Абрамов // Тобольские губернские ведомости. – 1858. – № 47.

3. Юргенсон, Г.А. Бабр – это тигр / Г.А. Юргенсон // Забайкальский рабочий [Чита]. – 1994. – 20 дек.

Исследования:

1. Александров, В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В.А. Александров. – М.: Наука, 1969. – 240 с.

2. Алексеев, А.Н. Первые русские поселения XVII – XVIII вв. на северо-востоке Якутии. История и культура востока Азии / А.Н. Алексеев; Отв. ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 152 с.

3. Андреев, А.И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783 – 1794 / А.И. Андреев // Вопросы географии. – М., 1950. – Вып. 17. – С. 203 – 212.

4. Андриевич, В.К. Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времен до 1762 года / В.К. Андриевич. – СПб, 1887. – 235 с.

5. Андриевич, В.К. История Сибири. Период с 1660 года до воцарения Императрицы Елисаветы Петровны. Ч II. / Составлена по данным, представляемых Полным Собранием Законов и актам Петровского царствования В.К. Андриевичем. – СПб., 1889. – 487 с.

6. Арсеньев, Ю.В. Геральдика: Лекция, прочитанная в Моск.овском археологическом институте в 1907/1908 гг. / Ю.В. Арсеньев. – М., 1908, – 298 с.

7. Артемьев А.В. Еще раз о печати Албазинского острога [XVII] / А.В. Артемьев // Новое в дальневосточной археологии (материалы медиевистов). – Южно-Сахалинск, 1989. – С. 44 – 46.

8. Артемьев, А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. / А.Р. Артемьев; ДВО РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1999. – 336 с.

9. Арциховский, А.В. Введение в археологию / А.В. Арциховский. Изд. 3-е перераб. и доп. / МГУ – М.:, 1947. – 218 с.

10. Арциховский, А.В. Древнерусские областные гербы / А.В. Арциховский // Ученые записки Московского государственного университета.– Ч.1. – М., 1946. – Вып. 93. – С. 43 – 66.

11. Баженов, С. Шуваловские единороги / Баженов С. // Отечества щит огневой: Из истории отечественной артиллерии / Упр. Команд. ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск. – М., 1982. – С. 51 – 53.

12. Белинский, В. Русский гербовый словарь. Краткое описание в алфавитном порядке геральдических фигур и эмблем, объяснение терминов и относящихся к геральдике предметов и понятий. – СПб., 1912 – 1913. – . Вып. 1 – 2. (Изд. не завершено. Вып. 2. кончается словом: Герольдмейстерская контора).

13. Бичурин, Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин.. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1953.

14. Т. 1. – Ч.1. Центральная Азия и южная Сибирь. – 328 с.

15. Boutell' s. Heraldy / Boutel. Revised by J.P. Brojrt-Little, M.V.O.,F.S.A.,F.H.S. FREDERICK WARNE. CO. LTD. – London and New York, 1970. – 343 p.

16. Вилков, О.Н. Сибирский город конца XVI – первой четверти XVIII вв современной русской советской историографии / О.Н. Вилков //

Историография городов Сибири конца XVI начала XX века. – Новосибирск, 1984. – С. 6 – 35.

17. фон Винклер, П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 год / П.П. Винклер. – Спб.: Издание книгопродавца И.И. Иванова, 1900. – 223 с.

18. Воробьев, В.В. Города южной части Восточной Сибири: Историко-географические очерки / В.В. Воробьев; СО АН СССР. Труды Вост.-Сиб. фил. Вып. 23. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 146 с.

19. Гаттерер, Иоган Христофор. Начертание гербоведения: Сочинение профессора хронологии, географии, гербоведения, нумизматографии и дипломатики и разныхъ ученыхъ обществъ члена / И.Х Гаттерер; Пер. с нем. Т. Мальгина. – СПб: Имп. Тип., 1805. – 334 с. [8 илл.].

20. Геральдика. Материалы и исследования: Сборник научных трудов / Гос. Эрмитаж. – М., 1987. – 176 с.

21. Гербы городов и областей Российской империи 1900 – 1917. – М.: Институт сотовой связи, 2000. – 156 с.

22. Гербы губерний и областей Российской Империи: [Изображение]. – СПб: Картографическое заведение Ильина и тип. Мин-ва путей сообщения, 1880. – 83 л. табл.

24. Гербы сибирских городов: [Изображение] // Атлас азиатской России. – Спб.; Изд. переселенч. упр. Глав. упр. землеустройства и земледелия, 1914. – Табл. 59.

25. Гумилев, Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. – М.: Клышников-Комаров и К°, 1993.– 526 с.

26. Даль, В. Заметка о гербе Иркутской губернии / В. Даль // Известия Императорского Русского Географического общества. Т. II. – Иркутск. – 1866. – № 4. – С. 140

27. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Т. 1. – М., 1880. – 699 с.; Т. 4. – М.. 1882. – 683 с.

28. Демидова, Н.Ф. Печати русских государственных учреждений XVII – XVIII вв. и некоторые вопросы их учета и изучения (по материалам ЦГАДА) / Н.Ф. Демидова // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. Т. 2. – М., 1965. – С. 118 – 130.

29. Демидова, Н.Ф. Русские городские печати XVIII в. / Н.Ф. Демидова // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 518 – 529.

30. Демидова, Н.Ф. Русские таможенные печати XVII – XVIII веков / Н.Ф. Демидова // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – с. 171 – 195.

31. Демидова, Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора / Н.Ф. Демидова // Россия в период реформ Петра I. – М., 1973. – С. 289 – 310.

32. Дулов, А. Герб Иркутска как памятник геральдики / А. Дулов // Историко-культурное наследие Восточной Сибири: Науч.-практ. конф. – Иркутск, 1994. – С. 22 – 23.

33. Дурново, Н.Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе / Н.Н. Дурново // Древности. Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 3. – М., 1902. – 600 с.

Егоров, Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1 – 2 / Д.Н. Егоров. – СПб., 1915.

34. Материал и метод исследования. Т. 1. – 567 с.

35. Процесс колонизации. Т. 2. – 614 с.

36. Живописная Россия. Восточные окраины России. – Спб.; М., 1890 – 1895.

Т. 12. Ч. 1. Восточная Сибирь. – Спб.; М., 1895.– 364 с. ил.; 2 л карт.

37. Жизнь животных. Млекопитающие. – Т. 7 / Под ред В.Е. Соколова. – М.: Просвещение, 1989. – 558 с.

38. Записки Приамурского отдела Общества востоковедения. Вып. 111. – Благовещенск, 1915. – 274 с. с прил. с. 1 – 35.

39. Иванов, В.В. Единорог / В.В. Иванов // Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1987, с. 429 – 430.

40. Иркутская летопись / П.И. Пежемский, В.А. Кротов; С предисловием и примечанием И.И. Серебреникова // Труды Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества. – Иркутск, 1911. – № 5. – 418 с.

41. Историография городов Сибири конца XVII – начала XX века. – Новосибирск: Наука, 1984. – 178 с.

42. История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1977. – 308 с.

43. История родов русского дворянства. Кн. вторая. – М.: Современник, 1991. – 320 с.

44. История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Л.: Наука, 1968 – Т.2. Сибирь в составе феодальной России. – 536 с.

45. Каменцева, Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика / Е.И. Каменцева, Н.В. Устюгов. – М.: Высшая школа, 1963. – 223 с.

46. Кеннан, Дж. Кочевая жизнь в Сибири / Дж. Кеннан. – СПб.: Изд-ние И.И. Иванова, 1896. – 384 с.

47. Кизеветтер, А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. / А.А. Кизеветтер. – М., 1909. – 473 с.

48. Кирпичников, А.Н. Военное дело на Руси в XIII – XV вв. / А.Н. Кирпичников; АН СССР. Ин-т археологии. – Л.: Наука, 1976. – 102 с., илл.

49. Ковычев, Е.В. Из истории восточно-забайкальского средневековья / Е.В. Ковычев // Проблемы археологии Северной Азии. К 80-летию академика А.П. Окладникова: Тезисы докладов XXVIII Региональной археологической студенческой конференции 28 – 30 марта 1988 г. / ЧГПИ, Чит. отд-ние ВООПИК. – Чита, 1988. – С. 25 – 27.

50. Константинов, А.В., Константинова, Н.Н. История Забайкалья (С древнейших времен до 1917 г.) / А.В. Константинов, Н.Н. Константинова;

Комитет общего, профессион. Образования, науки и молод. Политики алм. Чит. обл., ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского. – Чита, 2002. – 248 с., илл.

51. Константинова, Т.А. Несбывшаяся мечта хорунжего Размахнина / Т.А. Константинова // Чита. Город во времени. – Чита; Новосибирск, 2001.– С. 152 – 153.

52. Константинова, Т.А., Халецкий, А.Н. Нерчинское воеводство (1655 – 1783) / Т.А. Константинова; А.Н. Халецкий // Нерчинское Забайкалье: Архивный вестник № 6 / Администрация Чит. обл., Упр. По делам архивов Чит. обл., Гос. Архив Чит. обл.; Под ред. М.В. Константинова. – Чита, 2003. – С. 10 – 58.

53. Коробков, Н., Иванов, Б. Русские печати / Н. Коробков, Б. Иванов // Архивное дело. – 1939 . - № 3. – С. 31 – 57.

54. Котошихин, Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича / Сочинение Григория Котошихина.– Спб: Археографическая комиссия, 1840. – 160 с.

55. Кочедамов, В.И. Первые русские города Сибири / В.И. Кочедамов. – М.: Стройиздат, 1977. – 190 с.

56. Кошелев, А.В. Гербовые печати в сборниках НОКМ / А.В. Кошелев // Материалы научно-практической конференции / Областной краеведческий музей. 17 – 20 нояб. 1997. – Новосибирск, 1997. – С. 114 – 117.

57. Крадин, Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 180 с.

58. Красюков, Р. Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома / Р. Красюков // Историческая генеалогия. – 1994. – № 3. – С. 37 – 44.

59. Куренная, И.Г. Высочайше утвержден: К истории геральдики Забайкальской области и ее столицы / И.Г. Куренная // Забайкалье: Лит.-худож. альманах. – 1994. (1995) – № 1. – С. 161 – 173.

60. Куренная, И.Г. Летящий из глубины веков / И.Г. Куренная; Худож. В. Кулеш. – Чита; М.: ИПК «Забтранс», 1997. – 125 с.

61. Куренная, И.Г. Возвращение / И.Г. Куренная // Чита. Город во времени. – Чита; Новосибирск, 2001.– С. 80 –83.

62. Куренная, И.Г. С точки зрения российской геральдики / И.Г. Куренная // Там же. – С. 81

63. Куренная, И.Г. Несбывшаяся мечта герцогов Мекленбурга / И.Г. Куренная // Там же. – С. 84 – 85.

64. Куренная, И.Г. Символ власти, великодушия и прозорливости: История герба города Нерчинска / И.Г. Куренная // Нерчинское Забайкалье: Архивный вестник № 6 / Администрация Чит. обл., Упр. По делам архивов Чит. обл., Гос. Архив Чит. обл.; Под ред. М.В. Константинова. – Чита, 2003. – С. 102 – 106.

65. Лакиер А.Б. Русская геральдика /А.Б. Лакиер; Подготовка текста и послесловие Н.А. Соболевой. – М.: Книга, 1990. – 432 с. – Историко-литературный архив.

66. Лихачев, Д.С. Средневековый символизм в стилистических системах древней Руси и пути его преодоления / Д.С. Лихачев// Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сборник статей. – М., 1956. – С. 165 – 172.

Лихачев, Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики / Н.П. Лихачев; Труды музея палеографии. Т.1 – 2.

67. Вып. 1. – Л., 1928. – 175 с.

68. Вып. 2. – Л., 1930. – 205 с.

69. Лихачев, Н.П. Моливдовулы греческого Востока / Н.П. Лихачев. – М.: Наука, 1991. – 359 с.

70. Лихачева, О.П. Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе / О.П. Лихачева // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции / АН ССР. – М., 1976. – 460 с.

71. Лукомский, В.К., Типольт, Н.А. Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов / В.К. Лукомский, Н.А. Типольт; Гос. публ. историч. библиотека России. – М., 1996. – 97 с. – Отпечатана по изданию:

Лукомский В.К. и барон Типольт Н.А. Русская геральдика. – Петроград, 1917.

72. Лукомский, В.К. О геральдическом художестве России / В.К. Лукомский // Старые годы. – 1911. - № 2, с. 5 – 29.

73. Мельник, Г.К., Можейко, И.В. Должностные знаки Российской империи / Г. Мельник, И. Можейко. – М.: Хронос, 1993. – 285 с. ил.

74. Михайлов, В.А. Тамги и метки бурят в конце XIX– первой половине XX вв. / В.А. Михайлов. – Улан-Удэ – 1993. – 60 с.

75. Михалков, Н.С. Гербы земель Российских. – М.: Сиб. цирюльник, 2002. – 416 с.

76. Новиков-Даурский, Г.С. Открытие Амура русскими и начало освоения края / Г.С. Новиков-Даурский // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск, 1953. – с. 26 – 53.

77. Обручев, В.А. От Кяхты до Кульджи / В.А. Обручев. – М., 1956. – 271 с.

78. Окладников, А.П., Запорожская, В.Д. Петроглифы Забайкалья / А.П. Окладников, В.Д. Запорожская. Ч.П. – Л.: Наука, 1970. – 262 с.

79. Окладников, А.П., Гоголев, З.В., Ащепков, Е.А. Древний Зашиверск / А.П. Окладников, З.В. Гоголев, Е.А. Ащепков. – М.: Наука, 1977. – 210 с.

80. Попов, А.И. Город Чита. Описание, путеводитель и справочник / А.И. Попов. – Чита, 1907. – 329 с.

81. Потанин, Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению ИРГО / Г.Н. Потанин.

– СПб., 1883. – Вып. 4. Материалы этнографические. – 1025 с.

82. Похлебкин, В.В. Международная символика и эмблематика. – М., 1989. – 300 с.

83. Редедей. История Приамурья, составленная по первоисточникам профессором русской истории с иллюстрациями художника-гольда Н.И. Ольгедза / Редедей. – М., 1913. – 14 с.

84. Резун, Д.Я. К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. / Д.Я. Резун // История городов Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1977. – С. 11 – 26.

85. Резун, Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век / Д.Я. Резун. – Новосибирск: Наука, 1991. – 209 с.

86. Резун, Д.Я. Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов / Д.Я. Резун, Р.С. Васильевский. – Новосибирск, 1989. – 304 с.

87. Резун, Д. Мнение по поводу даты основания Иркутска /Д. Резун // Земля иркутская. – 1994. – № 1. – с. 3 – 5.

88. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: [Репринт]. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. Т. 1 – 2 / С.У. Ремезов; Федеральная служба геодезии и картографии России. РГБ. – М.: ФГУП. ПКО «Картография», 2003. – 176 с.

89. Родзевич, Ф.И. О русской сфрагистике / Ф.И. Родзевич // Вестник археологии и истории. – 1886. – Вып. 6. – С. 207 – 221.

90. Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв.: Историко археологическое исследование / РАН ДВО. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Под ред. А.Р. Артемьева. – Владивосток, 1995. – 240 с.

91. Сахаров, И.П. Записки о русских гербах. Ч.1. Московский герб / И.П. Сахаров. – СПб., 1856. – 32 с.; 3 л. табл. – Издание не завершено.

92. Семивский, Н.В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было всем известно. Напечатаны по Высочайшему Повелению от беспримерных щедрот

Всемилостивейшего государя Императора / Н.В. Семивский. – Спб.: Военная типография Главного Штаба Его Императорского Величества, 1817 – 186 с.

93. Сидихменов, В.Я. Китай: страницы прошлого / В.Я. Сидихменов. – М.: Наука, 1987. – 445 с.

94. Сидихменов, В.Я. Маньчжурские правители Китая / В.Я. Сидихменов. – М.: Наука, 1985. – 300 с.

95. Силаев, А.Г. Истоки русской геральдики / А.Г. Силаев. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 240 с.

96. Скалон, В.Н. Речные бобры Северной Азии / В.Н. Скалон. – М.: Московское о-во испытателей природы, 1951. – 208 с.

97. Склизкова, Е.В. Геральдика как феномен культуры / Е.В. Склизкова. – М.: ГАСК, 2000. – 156 с.

98. Словарь русского языка XI – XVII вв. / АН СССР. Ин-т русского языка. Т.1. – М.: Наука, 1975. – 372 с.

99. Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т русского языка. Т.1. – Л.: Наука, 1984. – 224 с.

100. Сметанников, И.С. Гербы и флаги субъектов Российской Федерации. – М.: Всерос. геральдич. о-во. ООО «Компания Ритм Эстэйт», 2003. – 112 с.

101. Снессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон: [Репринт]. – Ярославль, 1993. – 458с.

102. Соболева, Н. А. Старинные гербы российских городов / Н.А. Соболева. – М.: Наука, 1985. – 176 с.

103. Соболева, Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв./ Н.А. Соболева. – М.: Наука, 1981.– 260 с.

104. Спафарий, Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. / Н.Г. Спафарий. – СПб., 1882. – 215 с.

105. Сперансов, Н. Н. Земельные гербы России XII-XIX вв. / Н.Н. Сперансов. – М.: «Сов. Россия», 1974. – 198 с.

106. Успенский, Л., Шнейдер, К. За семью печатями / Л. Успенский, К. Шнейдер; Предисловие Б.Б. Пиотровского. – М.: Мол. Гвардия, 1963. – 296 с.

107. Филиппов, А. Н. Первые шаги в России в XVIII в. «геральдической науки» и граф Ф. Санти / А.Н. Филиппов // Древности. Труды императорского Московского археологического общества. Т. XXV. – М., 1916. – С. 122 – 130.

108. Хороших, П.П. Знаки собственности бурят / П.П. Хороших // Сибирская живая старина. – Вып. VIII – XIX. – Иркутск, 1929. – с. 199 – 218.

109. Хороших, П.П. Материалы по орнаменту бурят / П.П. Хороших // Сибирская живая старина, Вып. II. – Иркутск, 1926. – С. 213

110. Черкасов, А. А. Записки охотника Восточной Сибири / А.А. Черкасов. – СПб., 1867. – 707 с.

111. Швец, А.И. К вопросу о хищническом истреблении соболя в Сибири / А.И. Швец. – Иркутск, 1911. – 50 с.

112. Шперк, Фр. Город Оленск / Фр. Шперк // Русская старина. – 1892. – T.LXXV (июль). – С. 238 – 244.

113. Элиасов, Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л.Е. Элиасов; СО АН СССР. Бурят. фил. Ин-та общественных наук. – М.: Наука, 1980. – 472 с.

Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; Под ред. И.Е. Андреевского. Т. 1 – 82. – СПб., 1890 – 1904.

114. Т. VII. – СПб., 1892. – 480 с.

115. Т.XXI. – Спб., 1897. – 869 с.

116.. Яковлева, П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. / П.Т. Яковлева. – М., 1958. – 234 с.

Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X – XV. – М.: Наука, 1970.

117. Т.I. Печати X – XIII в. – 324 с. илл.

118. Т.II. Печати XIII – XV в. – 367 с. илл.

Диссертации:

1. Бакрадзе, А.К. Основные проблемы грузинской сфрагистики: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / А.К. Бакрадзе. – Тбилиси, 1990. – 474 с.

2. Белецкий, С.В. Сфрагистика Пскова XIV – XV вв.: (Материалы для истории властных структур в средневековом городе): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / С.В. Белецкий. – СПб., 1993. – 859 с. Библиогр.: с. 686 – 711.

3. Борисов, И.В Гербовые изображения России XVIII – начала XX вв. на документальных и вещественных памятниках: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / И.В. Борисов. – М., 1987 – 200с.

4. Вилинбахов, Г.В. Государственная геральдика России конца XVII – первой четверти XVIII в.: (К вопросу формирования абсолютизма в России): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Г.В. Вилинбахов.. – Л., 1983. – 228 с.

5. Кузнецов, О.В. Военная геральдика России во второй половине XIX – начале XX в. историческое исследование: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / О.В. Кузнецов. – М., 1997. – 198 с.

6. Курбанов, Г.Н. Печати Бухарского ханства XIX – начала XX вв.: Источниковедческое исследование: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Г.Н. Курбанов. – М., 1990. – 144 с. – Прилож.: с. 145 – 390. Библиогр. в прилож. с. 384 – 390.

7. Лавренов, В.И. История Тверского края в гербах, эмблемах и символах XIV XIX вв.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.И. Лавренев. – Тверь, 2000. – 248 с. с прилож.

8. Поцелуев, В.А. История разработки советских гербов (1917 – 1977 г.г.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. / В.А. Поцелуев. – М., 1977 – 270 л. с илл. Библиогр.: с. 187 – 216

9. Склизкова Е.В. Геральдика в аристократических культурах Британии и России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. Специальность 24.00.04 – прикладная культурология. – М., 2000. – 23 с.

10. Соболева, Н.А. Российская городская и областная геральдика XVII – XIX вв.: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. / Н.А. Соболева. – М.: Наука, 1981. – 264 с.

11. Ураносов, А.А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного государства (XV – XVIII вв.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А.А. Ураносов. – М., 1952. – 422 с.; Автореферат. – М., 1952. – 16 с.

12. Щербакова, В.С. Античные печати Херсонеса как исторический источник: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.С. Щербаков. – М., 1986. – 199 с. ил.; прил: с. 200 – 305.

Приложение

Таблица 1.
Территориальные печати Восточной Сибири XVII – XIX в.в.

	Названия острогов и городов Восточной Сибири, имеющих территориальные печати.	Изображения и названия печатей				
1.1.	Мангазейский (Туруханский) острог Первое свидетельство о печати в «Росписи» 1656 г.	 «Олень». Вырезка по окружности: «Печать государева земли Сибирския Мангазейского города». «Роспись» по Ремезову.				
1.2.	Енисейский острог Первое свидетельство о печати в «Росписи» 1656 г.	 «Два соболя, межъ ими стрела, а под ними лук вниз тетивою». Вырезка по окружности: «Печать Государева земли Сибирския Енисейскаго острога».	 Печать Государева земли Сибирския Енисейскаго города. «Роспись» по Ремезову.			

1.3.	**Красноярский острог** Первое свидетельство о печати в грамоте 1644 г.	Печать Ивана IV с изображением единорога. Реверс. На грамоте 1577 г.	Печать Дворцовая Государя и Великого князя Михаила Федоровича (Большого Дворца) 1632 г.	«Инрог». Вырезка по окружности: «Печать Государева земли Сибирские Красноярского острогу. «Роспись» по Ремезову.	Печать Государева земли Сибирския Красноярского острога. «Роспись» 1692 г.	
1.4.	**Илимский острог** Первое свидетельство о печати в «Росписи» по Ремезову.	«Выдра, вверх ея звезда, высподе трава». Вырезка по окружности: «Печать государева земли сибирские волоку леснаго (ленскаго)». «Роспись» по Ремезову.	«Под соболем стрела, а над ним репей». Вырезка по окружности: «Печать Государева земли Сибирские Илимского острога». «Роспись» 1692 г.			
1.5.	**Якутский острог** Первое свидетельство о печати в «Росписи» 1656 г.	«На якутской бабр в роте несет соболя, высподе горы и трава». Вырезка по окружности: «Печать государева земли Сибирские Якутского острогу». «Роспись» по Ремезову	«Печать на Лене ...., на ней сокол под ним соболь». «Роспись» по Ремезову.	«Орел вцепился когтями в зверька». Вырезка по окружности: «Печать государева Новые сибирские земли, что на великой реке Лене». Грамота 1682 г.	Печать Якутского городового магистрата. Сер. XVIII в.	

1.6.	**Селенгинский острог**	[печать] его императорского величества города Иркутска Селенгинского пригорода. 1734 г.	Печать Селенгинского пехотного полка. 1769 г			
1.7.	**г. Нерчинск** Первое свидетельство о печати в «Росписи» по Ремезову. Вырезки по окружности: 1.Даурских острогов на Нерчинской «Роспись по Ремезову» 2. Печать Государева Сибирския земли Даурских острогов. «Роспись» 1692 г.	«Печать Императорского Величества Сибирской земли Нерчинской». 1765 г.	«Печать Нерчинской области экспедиции казенной палаты». 1784 г.	«Печать города Стретенска уездного казначейства». 1791 г.	«Печать города Доронинска уездного казначейства». 1786 г	«Печать Читинской земской избы». Начало XX в.
1.8	**г. Иркутск** «Орел, в левой ноге лук держит тетивою вниз, под выподом трава». Вырезка по окружности: «Печать Государева земли Сибирские Иркутского города». «Роспись» по Ремезову.	«Малая города Иркутска казенная печать». 1696 г. Вырезка по окружности: «земли сибирския Иркутского города».	Большая печать. Вырезка по окружности: «Печать ея императорского Величества Сибирской губернии города Иркуцка». 1721 г.	Печать городнических дел г. Стретенска. Конец XVIII в.	Печать Якутского городового магистрата. Сер. XVIII в.	Печать Татауровской волости Нерчинского округа. I половина XIX века. В верхней части символ Иркутской губернии (бабр).

1.9.	**Албазинский острог** Печать учреждена в 1682 г.	«Одноглавый парящий Орел, имеющий в правой лапе лук, а в левой стрелу». Вырезка по окружности: «Печать великих государей Сибирской земли Албазинского острогу». 1682 г.				
1.10.	**Печати Сибири XVII - XVIII в.в.** Герб Сибирский, изображенный на серебряной тарелке Алексея Михайловича	Печать Царства Сибирского: «Печать Сибирская, на ней дерево стоящее кедровое, к дереву два соболя стоят на задних ногах». 1666 г.	Печать Царства Сибирского: «Два соболя стоят на задних ногах, а впередних держаи щит с надписью: «Царства Сибирского». 1696 г.	Печать Великого государя Сибирского Приказа: «Два соболя стоячие, над ними корона, а поперечь соболей по грудьям лук с тетивою, у соболей накрест две стрелы с копьем и перьемю Построно стрел внизу соболей подписан 7205 год, и под собольями земля». 1696 г.	Печать Сибирской губернии. 1710 г.	Герб Сибирский: «Два соболя черных, стоящие на задних ногах, держат лук и корону золотые, межъ ими две стрелы черные, а перья и копья красные; поле белое». 1729 г.

Таблица 2.
Образцы территориально-родовой сфрагистики Восточной Сибири. Тамги.

Таблица 3.
Образцы персонифицированной сфрагистики Восточной Сибири

Печать воеводы Афанасия Пашкова

Печать воеводы полномочного посла А.Ф. Головина

Печать начальника Нерчинской горной экспедиции П.П. Панкратьева

Печать священника Д. Малышева

Таблица 4.
Образцы сфрагистики Восточного Забайкалья на фондах ГАЧО и Нерчинско-Заводского краеведческого музея.

Печать Нерчинского округа Татауровской волости. 1822 г. Гемма-инталия.	Печать Татауровской волости Нерчинского округа. I половина XIX века. Матрица металлическая.	Печать Нерчинской горной экспедиции	Печать Дорининского почтового правления		

Таблица 5.
Образцы воинской символики Восточной Сибири

Герб Нерчинского батальона 1777 г.	Печать Селенгинского пехотного полка. 1769 г	Памятный нагрудный знак Забайкальского казачьего войска 1913 г.	Проект герба Забайкальского казачьего войска 1914 г.	Неатрибутированная воинская печать

Таблица 6.
Территориальные гербы Восточной Сибири
6.1. Гербы городов Иркутской губернии, утвержденные указом 13 марта 1777 г.

Герб Алданска	Герб Балаганска	Герб Усть-Киренска		

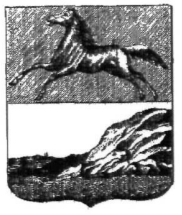
6.2. Гербы городов Тобольского наместничества, утвержденные указом 17 марта 1785 г. (Территориально входящие в Восточную Сибирь).

Герб Ачинска	Герб Енисейска	Герб Туруханска		

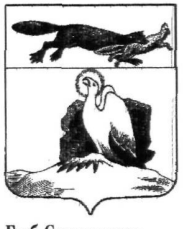
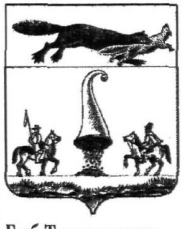
6.3. Гербы городов Иркутского наместничества, утвержденные указом 26 октября 1790 г.

Герб Иркутска	Герб Нерчинска	Герб Якутска	Герб Олекминска	Герб Баргузинска	Герб Верхнеудинска	Герб Стретенска
Герб Доронинска	Герб Акланска	Герб Жиганска	Герб Зашиверска	Герб Ижигинска	Герб Киренска	Герб Оленска
Герб Нижнекамчатска	Герб Нижнеудинска	Герб Охотска				

6.4. Гербы Восточной Сибири, утвержденные указом 20 марта 1804 г.

Герб Енисейска	 Герб Красноярска	Герб Туруханска		

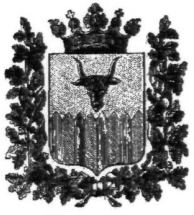
6.5. Гербы городов Иркутской губернии, утвержденные указом 20 июля 1846 г.

 Герб Селенгинска	 Герб Троицкосавска			

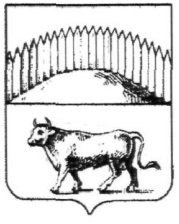
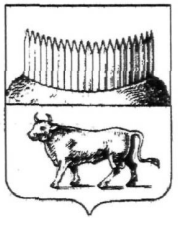
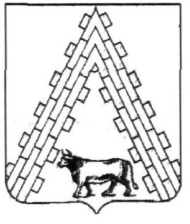
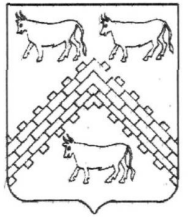
6.6. Гербы городов Енисейской губернии, утвержденные указами:

Красноярска. 23 ноября 1851 г.	Минусинска. 19 ноября 1854 г.	Канска. 8 декабря 1855 г.		

6.7. Гербы областей и градоначальств Восточной Сибири второй половины XIX в.в., утвержденных указами:

 Забайкальской области 12 апреля 1859 г.	Кяхтинского градоначальства 21 декабря 1861 г.			

6.8. Проекты герба Забайкальской области 1858 г.

6.9. Печати с гербом Забайкальской области

Печать Акшинского городского старосты	Печать Читинской городской управы	Печать Читинского городского санитарного врача	Печать Читинской городской публичной библиотеки	

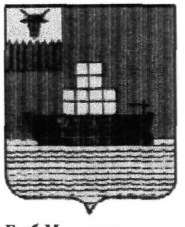
6.10. Должностные знаки с гербом Забайкальской области и Якутской области

Должностной знак сельского старосты. 1861 г. Аверс	Реверс	Должностной знак инородческого волостного судьи. 1901 г. Аверс	Реверс	Должностной знак аульного старшины. 1891 г. Аверс	Реверс

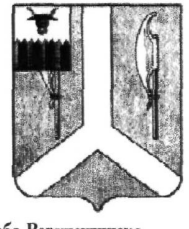
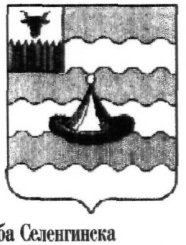
6.11. Гербы губерний и областей, утвержденных указом 5 июля 1878 г.

Герб Иркутской губернии	Герб Енисейской губернии	Герб Якутской области		

6.12. Гербы городов Восточной Сибири, утвержденных указом 26 апреля 1913 г.

Герб Читы	Проект герба Читы. 1902 г. Автор С.Р. Бирнбаум	 Герб Мысовска	Герб Петропавловска-Камчатского	

6.13. Проекты гербов Забайкальской области с вольной частью 1872 г.

 Проект герба Верхнеудинска	Проект герба Нерчинска	 Проект герба Селенгинска		